
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 14, № 4. 2023

Сквозной номер – 54

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 14, No. 4. 2023

Continuous issue – 54

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:

Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:

420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук
(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки);

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые)
науки (юридические науки);

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки))

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-LIBRARY)

Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический
справочник «Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

Scientific and Theoretical Journal

Founder and publisher:

the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:

128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

The Journal is registered
in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications
June, 29, 2012.
Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in Catalogue
of the leading peer-reviewed journals,
in which should be published
basic scientific results of degree dissertations
(5.1.1. Theoretical-historical legal sciences (legal sciences);
5.1.2. Public and law (state-legal) sciences (legal sciences);
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences))

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-LIBRARY)

The Journal is included
in the Ulrich's Periodicals Directory

The Journal is included
in the electronic periodical "Sistema GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<https://vestnikkui.ru/ru/nauka/>

Редакционный совет

Андреев Максим Валентинович – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский юридический институт МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Бакулина Лилия Талгатовна – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Балахонский Виталий Витальевич – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Безверхов Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

Варыгин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия)

Воронин Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)

Гаврилов Борис Яковлевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Гишинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации)

Готчина Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Демидов Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Главный федеральный инспектор по Республике Татарстан

Дубровин Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор (Уфа, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Мезяев Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Уфа, Уфимский университет науки и технологий). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Степаненко Равия Фаритовна – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

Председатель – **Зиннуров Фоат Канафиевич**, доктор педагогических наук, профессор, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Заместитель председателя – **Миронов Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе). ORCID: 0000-0003-1532-9258

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

Бабичев Арсений Георгиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

Гарафутдинов Марат Рафикович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе)

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Зотина Елена Владимировна – начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России

Казанцев Сергей Яковлевич – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Шайдулина Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Liliya Talgatovna Bakulina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Law (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varygin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Boris Yakovlevich Gavrilov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saint Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief Federal Inspector of the Republic of Tatarstan

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egoryshev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Ufa University of Science and Technologies). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Arseny Georgievich Babichev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna, Doctor in Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Director of Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Elena Vladimirovna Zotina, Chief of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Candidate of Law (Research doctorate), Professor, Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor, Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>CONTENTS</i>	6
<u>ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ</u>	
Карнаушенко Л.В. Проблема формирования правовой идеологии в российском обществе.....	8
Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р. Участие субъекта Российской Федерации в публичной дипломатии государства (на примере Республики Башкортостан).....	15
<u>ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ</u>	
Гончаров В.В. Принцип коллегиальности и единоначалия в организации и деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации.....	24
Ережипалиев Д.И. Совершенствование законодательства, направленного на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.....	33
Попов А.И. Проблемы баланса частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях.....	42
Саетгараев В.Ф., Пашин В.М. Совершенствование правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.....	48
<u>УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ</u>	
Велиев А.Э. Средства противодействия суицидальному поведению в уголовном праве России.....	57
Величко Ф.М. Особенности субъективных признаков самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам.....	63
Гаврилов Б.Я., Красильников А.В. Совершенствование уголовно-правовых и процессуальных средств противодействия преступности: мифы законодателя и реалии правоприменения.....	69
Галяутдинов Р.Р. К вопросу о дистанционном проведении некоторых следственных действий.....	79
Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Русофобский дискурс и медиабезопасность: новые вызовы в условиях информационной войны.....	85
Гусарова М.В. Личность сексуального преступника: криминологическая характеристика.....	95
Ефремова М.А. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений.....	101
Колесник В.В. Принципы договорных уголовно-процессуальных производств по разрешению уголовно-правовых споров.....	107
Кузнецова Н.И. Уголовно-экологическое законодательство Франции: опыт сравнительного анализа.....	115

Максименко А.В., Михайлова И.А.	
Анализ отдельных изменений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.....	123
Назмеева Л.Р.	
Неправомерный доступ к компьютерной информации: мониторинг и основные направления противодействия.....	132
Петрянин А.В., Пшеничнов И.М.	
Об общественной опасности преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации.....	138
Петухов К.И.	
Адвокат как субъект информационного противодействия преступности.....	146
Тряев А.Г.	
Закономерности развития насильственной преступности несовершеннолетних в качественно-количественных проявлениях.....	153
Шаруха И.А.	
Предупреждение общественно опасной деятельности лиц, действующих в качестве иностранных агентов.....	161
Шкаплеров Ю.П.	
Назначение и проведение экспертизы в досудебном производстве в период действия первых Уголовно-процессуальных кодексов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Белорусской Советской Социалистической Республики.....	168
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	176

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Karnaushenko L.V. Challenges of Legal Ideology Formation in the Russian Society.....	8
Nigmatullin R.V., Suleimanova R.R. Participation of a Constituent Entity of the Russian Federation in the Public Diplomacy of the State (on the Example of the Republic of Bashkortostan).....	15

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Goncharov V.V. The Principle of Collegiality and Independent Authority in the Organization and Activities of Subjects of Public Control in the Russian Federation.....	24
Yezhipaliev D.I. Improvement of Legislation Aimed at Maintaining and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values.....	33
Popov A.I. Challenges in Balancing Private and Public Interests in Administrative and Contractual Legal Relations.....	42
Saetgaraev V.F., Pashin V.M. Improvement of Legal Regulation of Cooperation Between Internal Affairs and Institutions of Civil Society in Anti-Corruption.....	48

CRIMINAL LAW SCIENCES

Veliev A.E. Means to Counteract Suicidal Behavior in Russian Criminal Law.....	57
Velichko F.M. Features of Subjective Signs of Unauthorized Connection to Oil Pipelines, Oil Product Pipelines and Gas Pipelines.....	63
Gavrilov B.Ya., Krasilnikov A.V. Improvement of Criminal and Procedural Tools to Counter Crime: Myths of the Legislator and Realities of Law Enforcement.....	69
Galyautdinov R.R. On Some Investigations Carrying Remotely.....	79
Galyashina E.I., Bogatyrev K.M. Rusophobic Discourse and Media Security: New Challenges in Information Warfare Conditions.....	85
Gusarova M.V. The Identity of a Sex Offender: Criminological Characteristics.....	95
Efremova M.A. New Technologies as a Means of Committing Crimes.....	101
Kolesnik V.V. Principles of Contractual Criminal Proceedings for the Resolution of Criminal Legal Disputes.....	107
Kuznetsova N.I. Criminal and Environmental Legislation in France: a Comparative Analysis.....	115
Maximenko A.V., Mihaylova I.A. Analysis of certain amendments to the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.....	123

Nazmeeva L.R.	
Illegal Access to Computer Information: Monitoring and Main Directions of Counteraction.....	132
Petryanin A.V., Pshenichnov I.M.	
Public Danger of Extremist Crimes Connected With Public Distribution of Misleading Information.....	138
Petuhov K.I.	
Lawyer as a Subject of Information Counteraction to Crime.....	146
Tryaev A.G.	
Regularities in the Development of Juvenile Violent Crime in Qualitative and Quantitative Terms..	153
Sharukha I.A.	
Prevention of Socially Dangerous Activities of Foreign Agents.....	161
Shkaplerov Yu.P.	
Appointment and Conduct Expert Assessments in Pre-Trial Proceedings During the First Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Belarusian Soviet Socialist Republic.....	168
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	176

Научная статья
УДК 340.12
DOI: 10.37973/KUI.2023.24.61.001

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Леонид Владимирович Карнаушенко,
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
karnl@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается проблема формирования конструктивной правовой идеологии в российском обществе как инструмента противодействия преступности.

Материалы и методы: исследование основано на классических логических методах, структурно-функционалистском подходе. При подготовке статьи применен контент-анализ. Также автор опирался на результаты эмпирических исследований М.М. Корнишиной, В.А. Половинкина, Ш.Г. Утарбекова.

Результаты исследования: автор анализирует уровень преступности и эффективность мер по ее борьбе, отмечая неблагоприятную тенденцию ее роста в России и других странах. Обозначается проблема несостоятельности повышения уровня правопорядка только лишь за счет модернизации правоохранительных органов. Также обращается внимание на внешние факторы, такие как дестабилизация общественной обстановки и нарушение социального благополучия, влияющие на развитие преступности.

Обсуждение и заключение: автор считает необходимым развитие конструктивной правовой идеологии как способа преодоления преступности, предлагает анализ готовности членов общества к принятию конкретных форм правовой идеологии, а также перспективу проведения идеологической работы в данном направлении.

Ключевые слова: правовая идеология; преступность; социальные нарушения; эффективность мер борьбы с преступностью; конструктивная правовая идеология; готовность общества; идеологическая работа

© Карнаушенко Л.В., 2023

Для цитирования: Карнаушенко Л.В. Проблема формирования правовой идеологии в российском обществе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 8 – 14. DOI: 10.37973/KUI.2023.24.61.001

Scientific article
UDC 340.12
DOI: 10.37973/KUI.2023.24.61.001

CHALLENGES OF LEGAL IDEOLOGY FORMATION IN THE RUSSIAN SOCIETY

Leonid Vladimirovich Karnaushenko,
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar, Russia,
karnl@mail.ru

Abstract

Introduction: the author covers the legal ideology formation in the Russian society as a tool of countering crime.

Materials and Methods: the study is based on classical logical method, structural-functionalist approach. The author used content analysis as well as results of empirical studies of M.M. Kornishina, V.A. Polovinkin, Sh.G. Utarbekov.

Results: the author analyses the crime level and enforcement measures to counter the crime indicating the trend of its increasing in Russia and abroad, defines the insufficient level of public security solely on account of modernisation of law enforcement agencies. The author pays special attention to external factors, such as social environment instability and social welfare breach influencing the development of crime.

Discussion and Conclusions: the author sees it necessary to develop the constructive legal ideology as a way to overcome crime, presents the analysis of preparedness of society to agree to specific forms of legal ideology, and the prospect of conducting ideological work in this direction.

Keywords: legal ideology; crime; social violations; effectiveness of measures to combat crime; constructive legal ideology; society's readiness; ideological work

© Karnaushenko L.V., 2023

For citation: Karnaushenko L.V. Challenges of Legal Ideology Formation in the Russian Society. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):8 – 14. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.24.61.001

Введение

Актуальность разработки тематики правовой идеологии обусловлена несколькими факторами. Во-первых, преступность является серьезной социальной проблемой, которая затрагивает не только Россию, но и многие другие страны. Рост уровня преступности и недостаточная эффективность мер по ее противодействию вызывают общественную тревогу и необходимость разработки новых подходов к решению этой проблемы. Во-вторых, формирование конструктивной правовой идеологии играет ключевую роль в преодолении преступности. Правовая идеология определяет ценности, принципы и нормы, которыми руководствуется общество в области правопорядка и справедливости. Разработка и распространение эффективной правовой идеологии способствуют повышению правовой культуры, сознательности граждан и их готовности к соблюдению законов. В-третьих, необходимость проведения идеологической работы связана с тем, что преступность имеет множество причин, включая социальные, экономические и культурные факторы. Правовая идеология должна учитывать эти причины и предлагать комплексные подходы к их решению. Идеологическая работа направлена на формирование у общества понимания причин преступности и активное участие в ее преодолении.

Как справедливо отметил А. Гофман, одной из общих тенденций социального знания является акцентуация внимания на социальных нарушениях, что связано с простым принципом: внимания заслуживает не то, что хорошо работает (поскольку оно и так благополучно функционирует), а то, что характеризуется нарушенной функциональностью [1]. Именно поэтому столь пристальное

внимание уделяется преступности, аномичным состояниям, разнообразным социальным дисфункциям и т.д. Вместе с тем следующий шаг в осмыслении социального нарушения связан с поиском путей его преодоления. Именно такой ход мысли определяет практическое приложение знания и, соответственно, его значение для общества. В рамках статьи мы ориентированы на осмысление условий преодоления преступности, связанных с развитием в российском обществе конструктивной правовой идеологии. В контексте исследования проанализируем готовность членов общества к принятию конкретных форм правовой идеологии.

На первоначальном уровне охарактеризуем актуальность исследования правовой идеологии как одного из инструментов противодействия преступности. В данном случае, во-первых, целесообразно проанализировать уровень первичной проблемы, и, во-вторых, осуществить анализ перспективности воздействия на ситуацию посредством проведения идеологической работы.

Обратимся к вопросу об уровне преступности и эффективности мер по борьбе с ней. Прежде всего, следует отметить, что в последние годы отмечается общая неблагоприятная тенденция неуклонного роста уровня преступности [2]. Данная тенденция имеет место не только в России, но и в ряде зарубежных стран, включая страны Европы и США. Существует множество различных подходов к осмыслению причин развития преступности, однако, несмотря на предпринимаемые действия по их локализации, наблюдается сохранение неблагоприятной тенденции. При этом характерно, что в качестве основного направления противодействия преступности рассматривается повышение эффективности правоохранитель-

ной деятельности, однако данное направление не оправдывает себя в достаточной степени в силу следующих причин:

- развитие и совершенствование преступных схем, нивелирующее повышение уровня эффективности правоохранительной деятельности;

- неспособность правоохранительных органов к реализации принципа неотвратимости наказания [3] в условиях, когда значительное количество преступлений остается нераскрытыми, а в ряде случаев имеет место циклическое осуществление преступной деятельности;

- интенсификация внешних предпосылок развития преступности, связанных с дестабилизацией обстановки в обществе, нарушением социального благополучия членов общества, подрывом культурных основ конформного поведения.

Анализируя особенности социально-правового мировоззрения россиян, следует отметить, что они в большей степени склонны к естественно-правовому подходу, основанному на рефлексивном осмыслении своего поведения и моральном обосновании поступков. Это связано с особенностями менталитета россиян, их склонностью жить «по своему разумению» и не принимать строгих правил.

В контексте российской правовой идеологии это означает, что основанная на позитивно-правовой идее порядка и ценности права, она имеет мало шансов прижиться в отечественных условиях. Менталитет россиян не поддерживает такую идеологию, что может привести к развитию противоправной активности. Отметим, что даже воровские «понятия» представляют собой некий «правильный» порядок действий, как его видят представители криминальной прослойки общества. Это свидетельствует о том, что такой неформальный кодекс вписывается в общую естественно-правовую установку россиян (с учетом того, что сами эти «понятия» противоречат некоторым естественным правам). Таким образом, для формирования конструктивной правовой идеологии в России необходимо опираться, с одной стороны, на коллективные ценности и интересы, с другой – на обоснование и разъяснение конкретных нормативных установлений. Такие шаги могут способствовать развитию правопорядка. Однако следует отметить, что проблема правопорядка тесно связана с общими проблемами интеграции членов общества и установления солидарности и единства. Это связано с коллективистским обоснованием правовых ценностей. Важно учесть взаимосвязь между проблемами солидарности, единства членов

общества и установления правового порядка в процессе взаимодействия.

Наличие правосознания, основанного на естественно-правовых установках, играет важную роль в установлении правопорядка в обществе. При рассмотрении внутренних регуляторов, связанных с мировоззрением и ценностными ориентациями социальных субъектов, становится очевидным, что, помимо внешних механизмов противодействия преступности, таких как правоохранительные органы и судебная система, существуют и внутренние факторы, формирующие правовое поведение.

Развитое правосознание играет важную роль в формировании правопорядка в обществе. Это относится к уровню понимания и осознания правовых норм, а также внутреннего стремления субъектов не допускать правонарушений и поддерживать правосудие. Правосознание может быть сформировано на основе мировоззренческих предпосылок, которые включают поведенческие установки и ценностные ориентации, направленные на соблюдение закона и содействие следствию при становлении очевидцем преступных действий. Вопрос мировоззренческих предпосылок и правосознания имеет ключевое значение для понимания условий установления правопорядка в обществе. Вместе с внешними механизмами противодействия преступности эти внутренние регуляторы, основанные на правосознании, способствуют поддержанию правопорядка и сдерживают развитие преступности.

Таким образом, изучение проблематики правовой идеологии в контексте российского общества и мировоззрения россиян является актуальным, поскольку позволяет выявить внутренние факторы, влияющие на установление правопорядка, и предложить меры по развитию конструктивной правовой идеологии, учитывающей менталитет и ценности российского общества.

Обзор литературы

Постановка вопроса о детерминантах правового поведения как частной формы социально-приемлемого поведения уходит корнями в классическую социологическую традицию. Это определило значимость обращения к результатам исследовательской деятельности А. Гофмана, подробно осветившего основные подходы к рассмотрению причин и оснований конформного поведения. Отдельные выводы о месте правосознания в общей системе стимулов к конформному поведению сформированы в опоре на исследование В.И. Цурикова, посвященное детерминантам правового поведения. Анализ общей ситуации

правопорядка в российском обществе осуществлялся в опоре на исследование И.В. Упорова. Анализ ключевых аспектов проблематики правовой идеологии осуществлялся на основании трудов В.М. Шафинова и Д.Ю. Цыганковой.

Материалы и методы

В рамках исследования применялись классические методы научного познания – анализ, сравнение, дедукция. Также в ходе осмысления отдельных аспектов исследования использован структурно-функционалистский подход и контент-анализ. В качестве эмпирической основы выступили данные ранее проведенных исследований: «Особенности формирования правовой культуры молодежи (результаты социологического исследования)» М.М. Корнишиной [2], «Уровень правосознания населения современной России и роль полиции в становлении и развитии гражданского общества» В.А. Половинкина [4], «Уровень правосознания и качество правоприменения как критерии эффективности конституционного механизма преодоления правового нигилизма» Ш.Г. Утарбекова [3].

Результаты исследования

Когда мы отмечаем основания развития преступности, в качестве одного из факторов ее роста был рассмотрен подрыв культурных оснований конформного поведения (наиболее очевидно это применительно к проблематике экстремизма) [5]. По сути, речь идет о том, что в настоящее время отмечается острый кризис социальных ценностей, одним из аспектов которого становится нарушение правосознания в гражданской среде.

Прежде чем осуществить следующий шаг в рассуждении, целесообразно более глубоко рассмотреть вопрос о специфике правосознания и о том, как соотносятся между собой правосознание и правовая идеология. Правосознание представляет собой совокупность знаний о природе права и его содержании; также развитое правосознание предполагает понимание ценности права, иными словами – его ценностное восприятие. Рассматривая вопрос в таком ключе, следует отметить, что недостаток правосознания может быть связан с отсутствием достаточного уровня правовой грамотности, недостаточно развитым ценностным восприятием права, либо сочетать в себе оба момента. В свою очередь, деятельность по развитию правосознания может быть ориентирована на восполнение пробелов в знаниях либо же на формирование конструктивных ценностных ориентаций, способствующих введению правового порядка в область социальных приоритетов субъекта.

Углубленное осмысление данных аспектов правосознания позволяет судить, что реализация какого-либо одного аспекта правосознания при недоразвитости второго не является условием предотвращения участия человека в преступной деятельности, поскольку в отдельных случаях он может способствовать нарушению закона по незнанию. Более того, человек, обладающий ценностным восприятием права, однако отличающийся правовой безграмотностью, может в ряде случаев допускать нарушение собственных прав, что неприемлемо. Вместе с тем ключевое значение в предотвращении участия членов общества в преступных схемах имеет ценностный аспект правосознания. Кроме того, немаловажное значение имеет то, что актуализация в сознании субъекта правовой тематики, которая имеет место в ситуациях развития ценностного восприятия права, может выступать в качестве одного из оснований повышения членом общества своей правовой грамотности.

Обратимся к соотношению правосознания и правовой идеологии. В исследовательской среде на данный момент отсутствует однозначное понимание категории «правовая идеология», поскольку под ней понимается, с одной стороны, государственная доктрина, продвигаемая на уровне базовых социальных представлений о правах и свободах, с другой – составляющая правосознания, включающая в себя совокупность идей, отражающих правовую сферу [6]. В рамках статьи мы опираемся на вторую представленную трактовку правовой идеологии с тем уточнением, что она рассматривается в соотносительности идеального и ценностного аспектов права. Таким образом, идеологическая составляющая правосознания определяет не только представления о праве, но и, прежде всего, отношение к праву (включая такой его ключевой аспект, как ценностное восприятие правовой сферы).

Если рассматривать правовую идеологию в динамическом разрезе, а именно ставить вопрос о формировании ценностного восприятия права в гражданской среде, то актуализируется вопрос о степени предрасположенности членов общества к принятию правовой идеологии, а также то, что в зависимости от особенностей менталитета граждане способны отвергнуть одну идеологическую парадигму и, напротив, охотно принять другую. В данном случае следует понимать, что правовая идеология представляет собой составляющую правосознания, а правосознание, в свою очередь, представляет собой составной элемент социального мировоззрения. Отсюда проистекает вывод,

согласно которому конкретная форма правосознания может органично вписаться в одну мировоззренческую систему и оказаться неуместной в другой. В совокупности это задает необходимость соотнесения общих характеристик социального мировоззрения россиян, их социальных приоритетов с одной стороны, и ключевых аспектов ценностного обоснования права – с другой.

Обратимся к такому аспекту правовой идеологии, как обоснование права. В данном случае в зависимости от области социальных приоритетов членов общества и способов их социальной самоидентификации могут иметь место различные формы представлений о смысле и назначении права. В рамках коллективистской установки, полагающей приоритетной широкую общность, через цели которой уже утверждает себя индивид, обоснование права может быть реализовано как соотнесение значимости права с интересами этой общности. Именно такая идеологическая модель была реализована в советском обществе. В настоящее время предрасположенность членов общества к коллективизму может быть использована для обоснования права при условии, если интересы страны будут соотнесены с идеей правопорядка. Вместе с тем это становится возможным при условии высокого уровня патриотизма в обществе.

Что касается индивидуалистических установок, здесь обоснование права реализуется через соотнесение его с интересами и потребностями действующего субъекта, в связи с этим акцент делается на правах как принципе, а также на идее честных возможностей развития, присутствующих в обществе в условиях высокого уровня правопорядка.

Следует отметить, что в условиях современного российского общества можно констатировать преобладание коллективистских установок, однако представители молодежи демонстрируют умеренную склонность к реализации индивидуалистических установок. В совокупности это определяет применимость обоих аспектов обоснования права на различных уровнях.

Обратимся к следующему аспекту правовой идеологии – способу позиционирования права и его природы. В данном отношении следует отметить, что основные подходы к рассмотрению права среди населения в содержательном плане близки к двум ключевым парадигмам рассмотрения права – естественно-правовому и позитивно-правовому подходам, с той поправкой, что речь идет о наивных, зачастую критически не осмысляемых представлениях. Особенность есте-

ственно-правового подхода состоит в том, что он полагает двойственность в рассмотрении права, которое подразделяется на «подлинное» и «ложное» (позитивное право), что наделяет субъекта эксклюзивной возможностью оценивать действующие законодательные нормы и отвергать их, выступая в роли своеобразной «меры всех вещей» в правовом поле [7]. Как итог, подобного рода выборочное принятие законов (если мы не говорим об убежденном преступнике) создает моральную возможность для нарушения отдельных законов в условиях, когда социальный субъект полагает, что он останется безнаказанным, либо считает издержки несущественными. Законодательные нормы, которые получают обоснование на уровне мировоззрения субъекта, вероятнее всего, будут реализованы в полной мере.

Что касается позитивно-правового подхода, следует отметить, что принятие правового порядка социальной активности предполагает принятие права всего без исключения и следование всем существующим нормативным предписаниям, вне зависимости от того, как к ним относится социальный субъект и как он их оценивает. Эта особенность позитивно-правового подхода определяет то, что, будучи принятым членами общества, он задает существенно более строгое следование законам, нежели это имеет место в среде носителей естественно-правовой парадигмы.

Рассматривая особенности социально-правового мировоззрения россиян, следует отметить, что они в значительно большей степени склонны к реализации естественно-правового подхода, нежели к реализации позитивно-правовой установки, что во многом связано с особенностями менталитета россиян и склонностью к рефлексивному осмыслению собственного поведения, моральному обоснованию совершаемых поступков и т. д. Что это означает применительно к исходному вопросу о правовой идеологии? Прежде всего, то, что в отечественных условиях достаточно мало шансов на то, что приживется правовая идеология, основанная на позитивно-правовой идее порядка и ценности права, как такового. В целом следует отметить, что менталитет россиян таит в себе существенные риски развития противоправных форм активности, что связано с неприятием строгих правил и традиционным стремлением жить «по своему разумению».

Следует отметить, что в таких условиях формирование конструктивной правовой идеологии предполагает опору, с одной стороны, на область коллективных ценностей и коллективных интересов, с другой – моменты обоснования и

разъяснения смысла и назначения конкретных нормативных установлений. В совокупности данные шаги могут способствовать существенному продвижению в вопросах установления правопорядка. Необходимо отметить, что в российских условиях момент правопорядка тесно связан с общими проблемами интеграции членов общества в единую общность, что напрямую проистекает из момента коллективистского обоснования правовых ценностей. В значительной степени связаны между собой проблемы солидарности, единства членов общества и проблема установления правового порядка в их взаимодействии.

Обсуждение и заключение

В контексте необходимости формирования конструктивной правовой идеологии дискуссионный характер приобретает вопрос о том, как соотносятся между собой государственная и правовая идеология, а также вопрос методологии формирования конструктивных социально-правовых установок в гражданской среде.

Основываясь на рассмотренных особенностях социально-правового мировоззрения россиян, можно предположить следующее.

В российском обществе преобладает естественно-правовой подход, основанный на рефлек-

сивном осмыслении собственного поведения и моральном обосновании поступков. Это связано с менталитетом россиян, их склонностью к жизни «по своему разумению» и неприятием строгих правил.

В связи с этим правовая идеология, основанная на позитивно-правовой установке, сложнее принимается в российском обществе. Это представляет риск развития противоправных форм активности и противоречит естественно-правовой установке россиян. Формирование конструктивной правовой идеологии требует опоры на коллективные ценности и интересы, а также разъяснения и обоснования смысла нормативных установлений. Данные шаги могут способствовать установлению правопорядка.

Проблема правопорядка в России тесно связана с общими проблемами интеграции членов общества и установления солидарности и единства. Коллективистское обоснование правовых ценностей играет важную роль в этом процессе. Таким образом, для успешного формирования правовой идеологии в российском обществе необходимо учитывать естественно-правовую установку, проводить работу по разъяснению и обоснованию правовых норм, а также уделять внимание проблемам интеграции и солидарности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012 / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. Москва: ИНИОН РАН; 2013. С. 97 – 167.
2. Корнишина М.М. Особенности формирования правовой культуры молодежи (результаты социологического исследования) // Вестник ТГУ. 2010. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-pravovoy-kultury-molodezhi-rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 11.12.2023).
3. Утарбеков Ш.Г. Уровень правосознания и качество правоприменения как критерии эффективности конституционного механизма преодоления правового нигилизма // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 2 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-pravosoznaniya-i-kachestvo-pravoprimeneniya-kak-kriterii-effektivnosti-konstitutsionnogo-mehanizma-preodoleniya-pravovogo> (дата обращения: 19.11.2023).
5. Половинкин В.А. Уровень правосознания населения современной России и роль полиции в становлении и развитии гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-pravosoznaniya-naseleniya-sovremennoy-rossii-i-rol-politsii-v-stanovlenii-i-razvitii-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 17.11.2023).
6. Карнаушенко Л.В. Деформация правосознания в контексте проблемы молодежного экстремизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deformatsiya-pravosoznaniya-v-kontekste-problemy-molodezhnogo-ekstremizma> (дата обращения: 10.12.2023).
7. Цуриков В.И. Оптимален ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) // ЭНСР. 2007. № 2. С. 73 – 81.
8. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 Красноярск, 2005. 259 с.

REFERENCES

1. Gofman A.B. Solidarnost' ili pravila, Dyurkgejm ili Hajek? O dvuh formah social'noj integracii // Sociologicheskij ezhegodnik 2012 / red. N.E. Pokrovskij, D.V. Efremenko. Moskva: INION RAN; Kafedra obshchey sociologii NIU VSHE, 2013. S. 97 – 167.
2. Kornishina M.M. Osobennosti formirovaniya pravovoj kul'tury molodezhi (rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya) // Vestnik TGU. 2010. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-pravovoy-kul'tury-molodezhi-rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (data obrashcheniya: 11.12.2023).
3. Utarbekov SH.G. Uroven' pravosoznaniya i kachestvo pravoprimeneniya kak kriterii effektivnosti konstitucionnogo mekhanizma preodoleniya pravovogo nigilizma // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2019. № 2 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-pravosoznaniya-i-kachestvo-pravoprimeneniya-kak-kriterii-effektivnosti-konstitutsionnogo-mekhanizma-preodoleniya-pravovogo> (data obrashcheniya: 19.11.2023).
5. Polovinkin V.A. Uroven' pravosoznaniya naseleniya sovremennoj Rossii i rol' policii v stanovlenii i razvitii grazhdanskogo obshchestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-pravosoznaniya-naseleniya-sovremennoj-rossii-i-rol-politsii-v-stanovlenii-i-razvitii-grazhdanskogo-obshchestva> (data obrashcheniya: 17.11.2023).
6. Karнаushenko L.V. Deformatsiya pravosoznaniya v kontekste problemy molodezhnogo ekstremizma // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deformatsiya-pravosoznaniya-v-kontekste-problemy-molodezhnogo-ekstremizma> (data obrashcheniya: 10.12.2023).
7. Curikov V.I. Optimalen li princip neotvratimosti nakazaniya za prestuplenie? (ekonomicheskij podhod k prestupleniyam i nakazaniyam) // ENSR. 2007. № 2. S. 73 – 81.
8. SHafirov V.M. Estestvenno-pozitivnoe pravo: Problemy teorii i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01 Krasnoyarsk, 2005. 259 s.

Информация об авторе:

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, karnl@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Karnaushenko Leonid V., Doctor of History (Doctor habilitatus), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Krasnodar University of MIA of Russia, karnl@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 25.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 340.1
DOI: 10.37973/KUI.2023.51.70.002

УЧАСТИЕ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Ришат Вахидович Нигматуллин¹, Римма Рифхатовна Сулейманова²,
^{1,2} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
¹ nigm2004@mail.ru, ² suleimanova514@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию участия субъекта Российской Федерации в публичной дипломатии государства как одной из форм реализации внешней функции сотрудничества с другими государствами. Рассмотрены нормативно-правовые основы этой деятельности, акторы федерального и регионального уровня. Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования и транслирования положительного опыта передовых субъектов Российской Федерации.

Материалы и методы: авторами исследованы нормативные правовые акты, регламентирующие участие субъектов Российской Федерации во внешнеэкономической деятельности, доклады Российского совета по международным делам, статистические данные, информация, размещенная на официальных сайтах министерств и ведомств, научная литература. При подготовке статьи использовались историко-правовой, сравнительно-правовой и статистический методы научного анализа.

Результаты исследования: участие субъектов Российской Федерации в публичной дипломатии государства имеет основательную нормативно-правовую базу и осуществляется в первую очередь через внешнеэкономическую деятельность. В Республике Башкортостан сложилась целостная система организации участия республиканского бизнес-сообщества в экспортной деятельности, что позволило республике войти в первую пятерку регионов России по этому направлению работы. Реализации публичной дипломатии субъекта способствует успешная деятельность Центра поддержки экспорта Республики Башкортостан (ЦПЭ РБ) и Представительство АО «Российский экспортный центр» в г. Уфе (РЭЦ). Значительное содействие оказывает Представительство МИД России в г. Уфе, трансляция внешнеполитического дискурса Башкортостана происходит через Отделение Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в г. Уфе, Генеральное консульство Республики Таджикистан в г. Уфе, через почетных консулов: Почетного консула Республики Казахстан в г. Уфе, Почетного консула Киргизской Республики в г. Уфе, Почетного консула Республики Болгария в г. Уфе, Почетного консула Итальянской Республики в г. Уфе. Важным имиджевым элементом стали международные форумы, проводимые в Уфе.

Обсуждение и заключение: авторы приходят к выводу, что участие субъектов Российской Федерации в публичной дипломатии государства должно стать приоритетным направлением деятельности глав регионов. Прогрессивная динамика региона возможна только в условиях опережающего развития, базирующегося на международной кооперации. Необходимо считать первостепенным сотрудничество с государствами-членами основных интеграционных объединений: в рамках Союзного государства России и Республики Беларусь, Евразийского экономического союза, СНГ, ШОС и БРИКС.

Направлениями, имеющими потенциал развития публичной дипломатии, являются сотрудничество в научно-образовательной, культурной, гуманитарной, цифровой и спортивной сферах.

Ключевые слова: государство; субъект федерации; публичная дипломатия; внешнеэкономическая деятельность; несырьевой экспорт

© Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р., 2023

Для цитирования: Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р. Участие субъекта Российской Федерации в публичной дипломатии государства (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 15 – 23. DOI: 10.37973/KUI.2023.51.70.002

Scientific article

UDC 340.1

DOI: 10.37973/KUI.2023.51.70.002

**PARTICIPATION OF A CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE PUBLIC DIPLOMACY OF THE STATE
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)**

Rishat Vakhidovich Nigmatullin¹, Rimma Rifkatovna Suleimanova²,
^{1,2} the Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
¹ nigm2004@mail.ru, ² suleimanova514@mail.ru

Abstract

Introduction: the paper is devoted to the study of the participation of the constituent entity of the Russian Federation in the public diplomacy of the state as a form of cooperation with other states. The authors review the regulatory and legal framework of this activity as well as actors of the federal and regional levels. Currently, the involvement of Russian regions in the public diplomacy varies greatly. The urgency of the topic is due to the need to study and broadcast the positive experience of advanced constituent entities of the Russian Federation.

Materials and Methods: the author studied regulatory acts on the participation of constituent entities of the Russian Federation in foreign economic activity, the Russian Council on International Affairs reports, statistics, information posted on the official web sites, and scientific literature. In the research process, the author used legal-historical, comparative legal, and statistical methods of scientific analysis.

Results: the participation of the constituent entities of the Russian Federation in the public diplomacy of the state has a thorough legal framework and is carried out primarily through foreign economic activity. The Republic of Bashkortostan has developed an integral system of participation of the republican business in export activities, which allowed the republic to become one of the top five Russian regions in this area. The Export Support Center of the Republic of Bashkortostan and the Representative Office of the “Russian Export Center” in Ufa facilitate the implementation of the public diplomacy in Bashkortostan. Significant assistance is provided by the Representative Office of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in Ufa. Bashkortostan transmits its foreign policy discourse through the Office of the Embassy of the Republic of Belarus in the Russian Federation in Ufa, the Consulate General of the Republic of Tajikistan in Ufa, through honorary consuls: Honorary Consul of the Republic of Kazakhstan in Ufa, Honorary Consul of the Kyrgyz Republic in Ufa, Honorary Consul of the Republic of Bulgaria in Ufa, Honorary Consul of the Italian Republic in Ufa.

Discussion and Conclusions: the authors conclude that the participation of the constituent entities of the Russian Federation in the public diplomacy of the state should become a priority for the heads of regions. Cooperation with the member states of the main integration associations should be considered as a priority: within the framework of the Union State of Russia and the Republic of Belarus, the Eurasian Economic Union, the CIS, the SCO and BRICS. Areas with potential for the development of public diplomacy are cooperation in scientific, educational, cultural, humanitarian, digital and sports spheres.

Keywords: state; constituent entity of the federation; public diplomacy; foreign economic activity; non-resource exports

© Nigmatullin R.V., Suleimanova R.R., 2023

For citation: Nigmatullin R.V., Suleimanova R.R. Participation of a Constituent Entity of the Russian Federation in the Public Diplomacy of the State (on the Example of the Republic of Bashkortostan). Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):15 – 23. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.51.70.002

Введение

Участие субъектов Российской Федерации в публичной дипломатии государства с точки зрения теории права является одной из форм реализации внешней функции сотрудничества с другими государствами.

Публичная дипломатия – понятие, введенное в научный оборот в 1965 г. американским дипломатом Э. Галлионом, деканом Школы права и дипломатии им. Флетчера при Университете Тафтса. Смысл ее заключается в мягком воздействии на зарубежную аудиторию в целях положительного восприятия внешней политики государства. Значение публичной дипломатии стало возрастать в условиях развития институтов гражданского общества, информационных технологий, обеспечивающих вовлечение в международные дела значительной части человечества.

В России проблематика публичной дипломатии стала предметом особого внимания в начале XXI столетия. Ее различные аспекты нашли отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года, Доктрине информационной безопасности Российской Федерации 2000 года, были отмечены Президентом России Владимиром Путиным на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей в 2004 году [1, с. 327].

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили статистические материалы, нормативные правовые акты, регламентирующие участие субъектов Российской Федерации во внешнеэкономической деятельности, доклады Российского совета по международным делам, статистические данные, информация, размещенная на официальных сайтах Президента Российской Федерации Владимира Путина, министерств и ведомств. При подготовке статьи использовались историко-правовой, сравнительно-правовой и статистический методы научного анализа.

Результаты исследования

Определению понятия «публичная дипломатия» в отечественной литературе уделено достаточное внимание. В частности, Е.К. Березина

подробно рассмотрела точки зрения российских исследователей, которые, признавая вклад Джозефа Найя, сформировавшего свою концепцию «мягкой силы», подразумевавшую, что публичная дипломатия является неким инструментом «мягкой силы», подчеркивают, что в России сложилась своя специфика интерпретации «публичной дипломатии», которая имеет исторические корни со времен Советского Союза и связана, прежде всего, с общественной (народной) дипломатией [2, с. 27-28].

Авторы экспертного обзора российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. «10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020» исходят из того, что публичная дипломатия – это «система институтов и механизмов, задача которых состоит в создании привлекательного образа страны (в рамках реализации концепции мягкой силы) и в сопровождении внешнеполитической деятельности государства, через которые осуществляется работа с зарубежной аудиторией в рамках реализации внешнеполитических целей и в данном случае и общественная дипломатия, и международное культурно-гуманитарное сотрудничество являются частью этой системы, одними из направлений работы. При этом общественная дипломатия никак не может заменить систему публичной дипломатии, потому что это совершенно разные категории (общественная дипломатия – это одно из направлений работы системы публичной дипломатии)»¹. Однако мы должны признать, что в общественно-политической терминологии понятия «публичная дипломатия» и «общественная дипломатия» сегодня рассматриваются как тождественные. Понимание этого позволяет осуществлять профессиональный анализ деятельности субъекта Российской Федерации в публичной дипломатии государства. Однако анализ доклада Российского совета по международным делам (РСМД), материалов СМИ и социальных сетей позволяет сделать вывод, что вовлеченность субъектов Российской Федерации в процесс реализации публичной дипломатии далеко не равнозначен².

¹ Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018–2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020 / [Н. Бурлинова, П. Василенко, В. Иванченко, О. Шакиров]; [вып. ред. И. Тимофеев, О. Пылова]; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД, 2020. 58 с. С. 9-10.

² Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг.: доклад № 86 / 2022 / [Н.В. Бурлинова, Д.Е. Божко, В.Н. Табак и др.; под ред. Е.О. Карпинской, Е.С. Швецовой, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам

Выяснение причин этого имеет немаловажное теоретическое и практическое значение.

В настоящее время на федеральном уровне ведущими проводниками публичной дипломатии являются федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), а также два фонда: Фонд «Русский мир» и Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. Их деятельность по продвижению положительного имиджа России, распространению русского языка, развитию международного сотрудничества оценивается на государственном уровне и экспертным сообществом достаточно высоко. Однако многие исследователи отмечают недостатки в реализации публичной дипломатии, вызванные системными причинами, вопросами правового характера и влиянием на ее развитие «ковидного периода» [3]¹. В настоящее время оказали влияние и последствия санкционной политики Запада.

Развитию внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации способствует организационно-правовая деятельность федерального центра. Как известно, участие субъектов федерации в международных и внешнеэкономических связях закреплено федеральным законодательством, а именно Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Новый импульс этому направлению придала Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная указом Президента России от 31 марта 2023 года № 229. Согласно Концепции: «Субъекты Российской Федерации в пределах своих полномочий осуществляют международные и внешнеэкономические связи с учетом большого значения межрегионального и приграничного сотрудничества для развития отношений Российской Федерации с иностранными государствами»².

Российская Федерация в русле устремлений мирового сообщества, выраженных и закреплен-

ных во многих основополагающих документах ООН, проводит политику развития сбалансированных внешнеэкономических отношений с государствами-членами ООН, в которых важное место должна занимать продукция несырьевого сектора экономики. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года прямо зафиксирована необходимость увеличения несырьевого неэнергетического экспорта. В рамках национальной цели «Достойный и эффективный труд и успешное предпринимательство», установленной указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474, реализуется национальный проект «Международная кооперация и экспорт», целью которого является обеспечение к 2030 году реального роста экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на 70% по сравнению с 2020 годом³. Достижение целевого показателя планируется за счет реализации мероприятий федеральных проектов «Промышленный экспорт», «Экспорт продукции АПК» и «Системные меры развития международной кооперации и экспорта». Драйверами решения этой задачи являются все субъекты Российской Федерации. Решение этой внешнеэкономической задачи тесно переплетается с реализацией задач публичной дипломатии. Для России участие субъектов в публичной дипломатии является естественным и необходимым элементом внешней политики.

Российский совет по международным делам и научный коллектив Центра поддержки и развития общественных инициатив – «Креативная дипломатия» провели исследование «Практики публичной дипломатии регионов России 2017-2021 гг.». Его итоги представлены в докладе № 86/2022. Авторы доклада обоснованно под публичной дипломатией регионов Российской Федерации предлагают понимать «системную активность регионов, то есть набор конкретных акторов (региональные органы власти, некоммерческий сектор, университеты) и программ (проекты, мероприятия), которые регионы реализуют в области международных коммуникаций в рамках своих отведенных компетенций, установленных законодательством Российской Федерации»⁴.

(ПСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». Москва: НП РСМД, 2022. 80 с.

¹ Бурлинова Н. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), доклад № 71/2021 / Н. Бурлинова, М. Чагина, В. Иванченко; Российский совет по междунар. делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». Москва: НП РСМД, 2021. 36 с.

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 11.11.2023).

³ О национальных целях развития России до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 11.11.2023).

⁴ Практики публичной дипломатии регионов России 2017 – 2021 гг.: доклад № 86 / 2022 / [Н.В. Бурлинова, Д.Е. Божко, В.Н. Табак и др.; под ред. Е.О. Карпинской, Е.С. Швецовой, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам

Серьезную помощь регионам оказывает Совет глав субъектов Российской Федерации (СГС) при МИД России, который был создан в 2003 году на основе рекомендаций Государственного Совета и в соответствии с поручением Президента Российской Федерации в целях оказания содействия российским регионам в развитии международных и внешнеэкономических связей, а также обеспечения возможности их участия в подготовке предложений по тем или иным внешнеполитическим инициативам¹.

Характерной особенностью отечественного дискурса стал рост интереса региональных элит Российской Федерации к ресурсам публичной дипломатии [4, с. 43]. Успех их деятельности в этом направлении во многом определяется накопленным карьерным и управленческим потенциалом глав регионов и глав правительств регионов, их деловыми связями и лоббистскими возможностями. В полной мере это относится к Республике Башкортостан и Республике Татарстан. Характеризуя публичную дипломатию региона на примере Республики Башкортостан, мы приходим к выводу, что она осуществляется на протяжении длительного исторического периода и имеет в своем активе знаковые события, определяющие развитие значительной части человечества. Например, проведение в июле 2015 года саммитов ШОС и БРИКС в Уфе, принятие документов стратегического потенциала. Так, участники форума приняли Стратегию развития ШОС до 2025 года [5].

Публичная дипломатия Республики Башкортостан строится на базе внешнеэкономической деятельности и осуществления социогуманитарного сотрудничества, однако имеются определенные позитивные отличия, обусловленные историческими, организационными и культурными факторами.

Выделим следующие направления:

- целенаправленная работа Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан по расширению географии экспорта;
- привлечение иностранных инвестиций;
- рост внешнеэкономической деятельности предприятий региона;

- организация бизнес-миссий в зарубежные страны;
- проведение выставочно-ярмарочных мероприятий;
- проведение крупных международных форумов;
- проведение презентации региона в посольствах иностранных государств в Российской Федерации и в зарубежных странах;
- организация визитов официальных делегаций и представителей деловых кругов Республики Башкортостан в зарубежные страны;
- приемы в Республике Башкортостан иностранных делегаций;
- направление в торговые представительства Российской Федерации представителей Республики Башкортостан (Беларусь, Казахстан, Китай, Турция, Узбекистан)². Координатором этой деятельности является Министерство внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан.

Сотрудничество Республики Башкортостан осуществляется в рамках внешнеполитического курса Российской Федерации. В числе партнеров – государства, с которыми налажены внешнеэкономические связи с советского периода развития государства, но сегодня приоритетными являются связи в рамках Союзного государства России и Республики Беларусь, Евразийского экономического союза, СНГ, ШОС и БРИКС. В число приоритетов внешнеэкономической деятельности республики входят и страны Исламского мира. За последние шесть лет товарооборот России с исламскими странами вырос в 2 раза и в 2023 году достиг 153 млрд долларов США³. Вносит свою лепту и Республика Башкортостан. Ее внешнеторговый оборот с Объединенными Арабскими Эмиратами за 5 месяцев 2023 года вырос в 10 раз по сравнению с аналогичным периодом прошлого года⁴.

В расширении экспортной деятельности предприятий республики значительную роль играют Центр поддержки экспорта Республики Башкортостан (ЦПЭ РБ) и Представительство АО «Российский экспортный центр» в г. Уфе (РЭЦ). Благодаря, в том числе, и их деятельности внешнеторговыми партнерами предприятий

(РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». Москва: НП РСМД, 2022. 80 с.

¹ Совет глав субъектов Российской Федерации при МИД России // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/HEAD_OF_SUBJECTS_COUNCIL/ (дата обращения: 11.11.2023).

² Официальный сайт Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 11.11.2023).

³ Решетников назвал преимущества сотрудничества России и стран Исламского мира. URL: <https://rg.ru/2023/05/18/reshetnikov-nazval-preimushchestva-sotrudnichestva-rossii-i-stran-islamskogo-mira.html> (дата обращения: 11.11.2023).

⁴ Внешнеторговый оборот Башкирии и ОАЭ вырос в 10 раз. URL: <https://ufa.mk.ru/economics/2023/08/09/vneshnetorgovyuy-oborot-bashkirii-i-oae-vyros-v-10-raz.html> (дата обращения: 11.11.2023).

республики стали контрагенты 24 стран, среди них: Казахстан, Иран, ОАЭ, Китай, Узбекистан, Беларусь, Индия, Турция, Куба и др. ЦПЭ РБ занимает второе место в рейтинге Российского экспортного центра, а также первое место в рейтинге по работе с экспортерами через Цифровые сервисы РЭЦ.

Публичная дипломатия регионов России выражается в прямых контактах между предприятиями, в ходе которых устанавливаются дружеские отношения между гражданами сотрудничающих государств. Существенный вклад в этот процесс вносят представители Республики Башкортостан при торгпредствах Российской Федерации. Результатом этого стал рост числа зарубежных партнеров. Так, среди белорусских: управляющая компания холдинга «Минский моторный завод», Минский тракторный завод и один из крупнейших производителей сельскохозяйственной техники холдинг «Гомсельмаш». Внешнеторговый оборот Республики Башкортостан и Республики Беларусь за I квартал 2023 года показал рост в 57% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹.

Среди китайских: ассоциация «Русско-Китайский образовательный союз» и центр развития международного образования «Миньян»; корпорация Lanzhou LS Engineering Co LTD (LS Group); компания Hefei Huasheng Pumps and Valves Co Ltd, занимающаяся производством и внедрением насосного оборудования для нефтепереработки, химической промышленности, металлургии и опреснения морской воды; сельскохозяйственная компания Ganwei; компания по производству сельскохозяйственной техники Gansu Academy of Mechanical Sciences.

Среди казахстанских: палата предпринимателей «Атамекен» Костанайской области; крупнейшие нефтегазовые предприятия АО «МангистауМунайГаз», АО «КаражанбасМунай», АО «КаракудукМунай», АО «Озенмунайгаз» Мангистауской области; объединение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей «Ассоциация предпринимателей города Жанаозен».

Среди турецких: Ассоциация семеноводов Фракии Турецкой Республики и ряд других компаний. Товарооборот Башкирии с Турцией в первом полугодии 2023 года увеличился на 87,8% по

сравнению с аналогичным периодом 2022 года².

Результатом работы с партнерами из Киргизии стало увеличение внешнеторгового оборота. Так, за первые четыре месяца 2023 года товарооборот вырос на 38%, и Центральноазиатская республика вошла в топ-10 стран-контрагентов Башкортостана³.

При поддержке Правительства Республики Башкортостан реализуется проект «Сделано в Башкортостане» (Made in Bashkortostan), который был создан в помощь производителям несырьевой продукции для выхода на международные рынки [6, с. 28 – 29]. В Республике Башкортостан сложилась целостная система организации участия республиканского бизнес-сообщества в экспортной деятельности, что позволило республике войти в первую пятерку регионов России по этому направлению работы наряду с Москвой, Санкт-Петербургом, Московской областью и Республикой Татарстан. На наш взгляд, серьезные результаты Республики Башкортостан на внешнеэкономическом треке обусловлены имеющимся значительным промышленным и сельскохозяйственным потенциалом и пониманием руководства республики успешного продвижения региона только в условиях опережающего развития, базирующегося на международной кооперации.

Высокому уровню вовлеченности республики в публичную дипломатию России способствует помощь, оказываемая Представительством МИД России в г. Уфе. Трансляция внешнеполитического дискурса Башкортостана происходит через Отделение Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в г. Уфе, Генеральное консульство Республики Таджикистан в г. Уфе, через почетных консулов: Почетного консула Республики Казахстан в г. Уфе, Почетного консула Киргизской Республики в г. Уфе, Почетного консула Республики Болгария в г. Уфе, Почетного консула Итальянской Республики в г. Уфе⁴.

Широкой областью реализации публичной дипломатии в рамках Союзного государства России и Беларуси является сотрудничество в сфере науки, культуры и образования, которое успешно развивается на основе прямых рабочих связей между исследовательскими, творческими и акаде-

¹ Внешнеторговый оборот Башкортостана и Беларуси за I квартал текущего года увеличился на 57%. URL: <https://selnivi.ru/articles/ekonomika/2023-05-24/vneshnetorgovuy-oborot-bashkortostana-i-belarusi-za-i-kvartal-tekuschego-goda-uvlechil-sya-na-57-3271218>. (дата обращения: 11.11.2023).

² Товарооборот Башкирии с Турцией в первом полугодии вырос на 90%. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/16/08/2023/64dc814e9a794757e7ba891e>.

³ Официальный сайт Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 11.11.2023).

⁴ Представительства иностранных государств в России и Башкортостане. Официальный сайт Представительства МИД России в г. Уфе. URL: <https://ufa.mid.ru/ru/> (дата обращения: 11.11.2023).

мическими коллективами, а также в рамках проведения различных профессиональных и творческих конкурсов [7, с. 228]. Беспрецедентным по насыщенности стал культурный обмен между Башкортостаном и Беларусью, состоявшийся в 2023 году в преддверии X Юбилейного Форума регионов Беларуси и России. Так, 4 мая в опере Джакомо Пуччини «Турандот» на сцене белорусского Большого театра зрители увидели двух артистов из Башкирской оперы. За дирижерским пультом был уже знакомый белорусской публике народный артист Башкортостана А. Макаров, дирижировавший спектаклями в Минске 7 и 28 февраля – операми «Богема» и «Пиковая дама». В рамках мероприятия также выступил заслуженный артист Башкортостана И. Валиев. 16 мая за дирижерский пульт оперы К. Сен-Санса «Самсон и Далила» снова встал главный маэстро Башкирской оперы А. Макаров. 30 и 31 мая Уфу с гастрольями посетил Большой театр Беларуси. На сцене Государственного академического русского драматического театра Республики Башкортостан в июне прошли гастрольные Национального академического драматического театра им. М. Горького из Беларуси. В свою очередь, Республику Беларусь с гастрольями посетил Башкирский театр оперы и балета. 10 и 11 июня на сцене Большого театра Беларуси прошли спектакли Башкирского государственного театра оперы и балета¹. Отметим, что впервые Белорусский музыкальный театр и Русский драмтеатр Башкортостана обменивались гастрольями в 2016 году.

Студенческие обмены, проведение научных школ и симпозиумов молодежью двух стран необходимо рассматривать как долгосрочный ресурс публичной дипломатии. Республика Башкортостан имеет опыт проведения международных молодежных форумов планетарного масштаба. Так, в июле 2015 года в Уфе начал работу Первый молодежный форум государств-членов ШОС и БРИКС [8, с. 128]. С 22 по 26 мая в г. Минске прошла Российско-белорусская школа союзных лидеров «Взгляд в будущее Союзного государства». Мероприятие было организовано Центром анализа и прогнозирования союзных интеграционных процессов в партнерстве с Фондом поддержки

публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. В течение недели перед участниками сессии выступали эксперты вузов двух стран, руководители ведущих общественных организаций и представители законодательной и исполнительной ветвей власти Беларуси и России. Участники школы подготовили рекомендации по совершенствованию молодежного сотрудничества по четырем направлениям: образование, волонтерство, предпринимательство и парламентаризм. В работе школы принял участие студент Института права УУНИТ Р. Фархутдинов.

Субъекты федерации в сфере образовательного сотрудничества проделали значительную работу. Лучшие педагоги России работают в школах ближнего и дальнего зарубежья, делясь своими знаниями и воспитывая интернационалистов в рамках проекта «Российский учитель за рубежом»².

Деятельность Республики Башкортостан как актора публичной дипломатии вполне соответствует отмеченным выше критериям и отличается системностью, поступательным характером. Так, в 2021 году в Уфе была проведена VI Всемирная Фольклориада. 26 – 28 июня в Уфе состоялся X Форум регионов России и Беларуси «10-летие Форума регионов России и Беларуси: итоги и перспективы», вклад которого в развитие публичной дипломатии был высоко оценен Президентом России Владимиром Путиным: «В числе таких вопросов, решаемых при непосредственном участии регионов, отмечу углубление промышленной кооперации, реализацию проектов в аграрной сфере, внедрение передовых информационных технологий, расширение гуманитарных связей и туристических обменов, поддержку общественных организаций и волонтерских движений»³.

9 ноября 2023 года, выступая в режиме видеоконференции на пленарном заседании XIX Форума межрегионального сотрудничества Казахстана и России, Президент России Владимир Путин пригласил участников форума на очередной межрегиональный форум в 2024 году в Уфу⁴.

Обсуждение и заключение

Развитие публичной дипломатии имеет чрезвычайно важное значение для Российской Феде-

¹ В Уфе пройдут гастрольные Большого театра Беларуси. URL: <https://culture.bashkortostan.ru/presscenter/news/545394/> (дата обращения 11.11.2023).

² Официальный сайт Министерства просвещения России. URL: edu.gov.ru/press/5035/otkryt-priem-zayavok-dlya-uchastiya-pedagogov-v-gumanitarnom-proekte-rossiyskiy-uchitel-za-rubezhom (дата обращения 11.11.2023).

³ Видеообращение на итоговой сессии X Форума регионов России и Белоруссии. 28 июня 2023 года. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71540>. (дата обращения: 11.11.2023).

⁴ Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. Владимир Путин и Касым-Жомарт Токаев в режиме видеоконференции приняли участие в пленарном заседании XIX Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72699> (дата обращения: 11.11.2023).

рации в целях активизации процессов интеграции на постсоветском пространстве, с учетом наибольшего совпадения государственных интересов, исторически сложившихся духовных, языковых, экономических и культурных основ. Как отмечают исследователи, положительного эффекта евразийской интеграции трудно будет добиться без вовлеченности широких слоев граждан на основе механизмов публичной, народной или обще-

ственной дипломатии, способной сблизить разные группы населения, создать, по сути, общую информационно-интеллектуальную среду стран ЕАЭС [7, с. 44]. На наш взгляд, для решения этой задачи необходимо в полной мере использовать возможности научно-образовательной, культурной, гуманитарной, цифровой и спортивной дипломатии, потенциал которых еще далеко не исчерпан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нигматуллин Р.В. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6 томах, Казань, 23 сентября 2022 года / под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Том 2. Казань: Издательство «Познание», 2022. С. 325 – 334.
2. Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты. Латинская Америка. 2021. № 9. С. 25 – 41.
3. Кухаренко С.В. Проблемы публичной дипломатии России и пути их решения // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2017. № 17. С. 244 – 249.
4. Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 42 – 55.
5. Нигматуллин Р.В. Уфимский саммит ШОС как ответ на призыв ООН к борьбе с новыми тенденциями в развитии преступности // Международное публичное и частное право. 2015. № 5. С. 39 – 42.
6. Региональный брендинг: от теории к практике: монография / Р.Р. Сулейманова, Р.В. Нигматуллин, Э.Н. Ямалова [и др.]; под редакцией Р.Р. Сулеймановой. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. 164 с.
7. Боришполец К.П. Ресурсы публичной дипломатии союзного государства России и Беларуси // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 224 – 237.
8. Сулейманова Р.Р. Роль Башкирского государственного университета в формировании международного имиджа Республики Башкортостан // Организация Объединенных наций – универсальный центр поддержания мира и обеспечения международной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13 ноября 2015 г. Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. С. 118 – 125.

REFERENCES

1. Nigmatullin R.V. Cifrovaya diplomatiya kak instrument vneshnej politiki // Cifrovye tekhnologii i pravo: sbornik nauchnyh trudov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 6 tomah, Kazan', 23 sentyabrya 2022 goda / pod redakciej I.R. Begisheva [i dr.]. Tom 2. Kazan': Izdatel'stvo «Poznanie», 2022. S. 325 – 334.
2. Berezina E.K. Publichnaya diplomatiya Rossii v Latinskoj Amerike: osobennosti i instituty. Latinskaya Amerika. 2021. № 9. S. 25 – 41.
3. Kuharenko S.V. Problemy publichnoj diplomatii Rossii i puti ih resheniya // CHteniya pamyati Evgeniya Petrovicha Sychevskogo. 2017. № 17. S. 244 – 249.
4. Borishpolec K.P. Publichnaya diplomatiya na prostranstve EAES: osmyslenie fenomena i tendencij razvitiya // Vestnik MGIMO Universiteta. 2015. № 5(44). S. 42 – 55.
5. Nigmatullin R.V. Ufimskij sammit SHOS kak otvet na prizyv OON k bor'be s novymi tendenciyami v razvitii prestupnosti // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2015. № 5. S. 39 – 42.
6. Regional'nyj brending: ot teorii k praktike: monografiya / R.R. Sulejmanova, R.V. Nigmatullin, E.N. Yamalova [i dr.]; pod redakciej R.R. Sulejmanovoj. Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2022. 164 s.
7. Borishpolec K.P. Resursy publichnoj diplomatii soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi // Vestnik MGIMO Universiteta. 2017. № 3(54). S. 224 – 237.

8. Sulejmanova R.R. Rol' Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta v formirovanii mezhdunarodnogo imidzha Respubliki Bashkortostan // Organizaciya Ob"edinennyh nacij – universal'nyj centr podderzhaniya mira i obespecheniya mezhdunarodnoj bezopasnosti: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 13 noyabrya 2015 g. Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2015. S. 118 – 125.

Информация об авторах:

Нигматуллин Ришат Вахидович, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по международной деятельности и связям с общественностью; заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий, nigm2004@mail.ru

Сулейманова Римма Рифхатовна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий, suleimanova514@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Nigmatullin Rishat Vakhidovich, Doctor in Law (Doctor habilitatus), Professor, Deputy Director for International Activities and Public Relations of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technologies, Head of the Chair of International Law and International Relations, Ufa, Russia, nigm2004@mail.ru

Suleimanova Rimma Rifkatovna, Candidate in Philosophy (Research doctorate), Assistant Professor of the Chair of Political Science and Public Relations of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, suleimanova514@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Нигматуллин Ришат Вахидович – инициация исследования, окончательная доработка текста статьи.

Сулейманова Римма Рифхатовна – подготовка первоначального варианта текста статьи, работа с эмпирическим материалом и библиографическим аппаратом.

Статья получена: 06.09.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 342
DOI: 10.37973/KUI.2023.52.98.003

ПРИНЦИП КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ И ЕДИНОНАЧАЛИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виталий Викторович Гончаров,
юридическая консалтинговая корпорация
«Ассоциация независимых правозащитников», Краснодар, Россия,
nirgergo2009@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена анализу коллегиальности и единоначалия в организации и деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации. В статье исследуется система принципов, составляющих основу правового регулирования данного института гражданского общества в Российской Федерации, обосновывается и формализовано авторское определение понятия «принцип общественного контроля».

Материалы и методы: в ходе проведенного исследования использовались общенаучные методы (в частности, формально-логический), частнонаучные методы исследования (например, сравнительно-правовой, историко-правовой, статистический, социологический). В качестве материалов исследования выступили доктринальные источники, посвященные принципам организации и деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации, результаты социологических исследований о практике функционирования указанных субъектов, а также статистические данные об их организации и деятельности.

Результаты исследования: важнейшим принципом общественного контроля выступает сочетание индивидуальных и коллективных форм принятия решений (с преобладанием последних) в организации и деятельности его субъектов. Рассмотрены проблемы, связанные с закреплением, реализацией и защитой указанного принципа общественного контроля в Российской Федерации.

Обсуждение и заключение: закрепление вышеназванного принципа организации и деятельности субъектов общественного контроля позволит, с одной стороны, повысить эффективность и результативность проводимых мероприятий общественного контроля, с другой – развить демократические начала в формировании и функционировании субъектов общественного контроля.

Ключевые слова: коллегиальность; единоначалие; принцип; организация; деятельность; субъекты; общественный контроль; народовластие; оптимизация; Российская Федерация

© Гончаров В.В., 2023

Для цитирования: Гончаров В.В. Принцип коллегиальности и единоначалия в организации и деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 24 – 32. DOI: 10.37973/KUI.2023.52.98.003

Scientific article

UDC 342

DOI: 10.37973/KUI.2023.52.98.003

**THE PRINCIPLE OF COLLEGIALLY AND INDEPENDENT AUTHORITY
IN THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF SUBJECTS OF PUBLIC CONTROL
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Vitaly Viktorovich Goncharov,
the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders",
Krasnodar, Russia, niipgergo2009@mail.ru

Abstract

Introduction: the article presents the analysis of collegiality and independent authority in the organization and activities of subjects of public control in the Russian Federation as its principle. The author studies the system of principles that form the basis for legal regulation of this institution of civil society in the Russian Federation, substantiates and formalizes the author's definition of the concept of "principle of social control".

Materials and Methods: the author used universal (logical) and specific (comparative legal, legal history, statistical, sociological) research methods; doctrinal sources devoted to the principles of organization and activities of subjects of public control in the Russian Federation, the results of sociological research on the practice of functioning of these subjects, as well as statistical data on their organization and activities.

Results: the important principle of the public control is the combination of individual and predominantly collective forms of decision-making in the organization and activities of its subjects. The author studies the consolidation, implementation and defense of this principle of public control in the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the consolidation of the principle of the organization and activity of subjects of public control will, on the one hand, increase the efficiency and effectiveness of public control activities, on the other hand, develop democratic principles in the formation and functioning of subjects of public control.

Keywords: collegiality; unity of command; principle; organization; activity; subjects; public control; democracy; optimization; Russian Federation

© Goncharov V.V., 2023

For citation: Goncharov V.V. The Principle of Collegiality and Independent Authority in the Organization and Activities of Subjects of Public Control in the Russian Federation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):24 – 32. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.52.98.003

Введение

Статья посвящена анализу ключевого принципа организации и деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации – коллегиальности и единоначалию. Исследуется место указанного принципа в системе принципов, составляющих основу правового регулирования данного института гражданского общества в России, обосновано и формализовано авторское определение понятия «принцип общественного контроля». Объект исследования – общественные отношения, связанные с организацией и функционированием общественного контроля в России, предмет – нормы права, закрепляющие коллегиальность и единоначалие как ключевой принцип правового регулирования данного института гражданского общества в стране. В качестве основных целей исследования выступают не только формализация и анализ основных про-

блем, связанных с закреплением и реализацией коллегиальности и единоначалия как принципа организации и функционирования общественного контроля в Российской Федерации, но и разработка и обоснование системы мероприятий по их разрешению.

Обзор литературы

Вопросы закрепления и реализации принципов общественного контроля в Российской Федерации широко изучены в работах Р.Ю. Буримова [1, с. 84 – 90], В.В. Гриба [2, с. 3 – 8], А.И. Землина [3, с. 34 – 40], М.А. Килессо [4, с. 24 – 30], М.С. Савченко [5, с. 1396 – 1408], И.В. Тепляшина [6, с. 100 – 103], а также ряда иных авторов. Важное значение имеют и произведения, посвященные правовым основам организации и осуществления данного института гражданского общества отдельными разновидностями субъектов общественного контроля: Е.А. Абаева [7, с. 113 –

124], Ю.С. Ашинов [8, с. 80 – 83], Н.В. Кийко [9, с. 59 – 65], А.Р. Павлушков [10, с. 100 – 106], Д.А. Сафин [11, с. 28 – 33], и некоторых иных ученых. Значительный интерес представляют работы авторов, посвященные особенностям правового регулирования функционирования общественного контроля в отдельных отраслях публичного управления в стране, в частности, Е.В. Бахановой [12, с. 23 – 30], Б.М. Бижоева [13, с. 199 – 203], А.В. Васеловской [14, с. 17 – 28], В.М. Гермер [15, с. 31 – 35], И.Ю. Чеботаревой [16, с. 68 – 72] и некоторых иных ученых. Однако вопросам закрепления правовых основ разработки и принятия решений субъектами общественного контроля, совмещения в данном процессе индивидуальных и коллективных форм организации и деятельности указанных субъектов, на наш взгляд, в отечественной научной и учебной литературе уделяется недостаточное внимание, что обуславливает актуальность темы исследования.

Материалы и методы

В ходе проведенного научного исследования был использован ряд методов: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический. Материалами исследования послужили доктринальные источники, посвященные принципам организации и деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации, результаты социологических исследований о практике функционирования указанных субъектов, а также статистические данные об их организации и деятельности.

Результаты исследования

Демократия в России подразумевает активное использование народом страны всей полноты своих полномочий через прямые и опосредованные формы демократии. Однако народовластие нуждается в системе юридических гарантий, важнейшей из которых выступает общественный контроль.

Данный институт гражданского общества строится на основе ряда правовых принципов, то есть основных, наиболее общих начал, которые в своей совокупности и взаимообусловленности обеспечивают правовое регулирование формирования и функционирования общественного контроля в Российской Федерации.

Принципы общественного контроля формализованы в законодательстве. Часть из них посвящена организации правового регулирования функционирования данного института гражданского общества при контроле гражданского общества за конкретными сферами публичного управле-

ния. Например, Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» в статье 4 закрепляет принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания. В свою очередь, в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в статье 6 прямо закреплено 12 принципов общественного контроля.

Полагаем, что перечень принципов, закрепленный в вышеназванном Федеральном законе, является неполным и нуждается в изменениях и дополнениях. Например, в качестве принципов общественного контроля необходимо закрепить: гласность; этику и профессионализм в деятельности представителей субъектов общественного контроля; сочетание централизма и децентрализации в организации и деятельности системы общественного контроля; коллегиальность и единоначалие в организации и деятельности его субъектов.

Чем же обосновывается необходимость дополнения перечня принципов общественного контроля, уже закрепленных в законодательстве об общественном контроле, вышеназванными принципами?

Так, принцип этики и профессионализма в деятельности представителей субъектов общественного контроля позволит повысить профессиональный уровень проведения мероприятий общественного контроля, а также оградит от участия в них лиц, которые по своим морально-этическим качествам не способны осуществлять данную деятельность, руководствуясь исключительно положениями законодательства об общественном контроле (например, лиц, ранее судимых за совершения преступлений, в частности, мошенничества).

Закрепление принципа гласности не только позволит обеспечить прозрачность проводимых мероприятий общественного контроля, но и поведет субъектов общественного контроля систематически в режиме реального времени отчитываться о результатах своей деятельности, что положительно скажется на ее эффективности.

Закрепление в законодательстве об общественном контроле принципа сочетания централизма и децентрализации в организации и деятельности системы общественного контроля позволит, с одной стороны, задействовать потенциал общественных палат и советов в помощь организации

и деятельности иных организационных структур общественного контроля, с другой – определить пределы вмешательства субъектов общественно-го контроля в организацию и деятельность друг друга.

Важнейшую роль среди вышеназванных принципов общественного контроля в России играет принцип коллегиальности и единоначалия в функционировании субъектов данного института гражданского общества. Данный правовой принцип, как мы уже отмечали в ранее проведенных исследованиях, не только присущ общественному контролю, но и является одним из основных принципов организации и деятельности органов публичной власти в Российской Федерации [17, с. 54 – 59].

Под коллегиальностью в организации и деятельности субъектов общественного контроля в России следует понимать, что процессы создания данных субъектов, их функционирование осуществляются с использованием коллективных форм принятия решений.

Например, если проанализировать механизм создания Общественной палаты Российской Федерации, закрепленный в Федеральном законе от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», становится очевидно, что состав членов данного субъекта общественного контроля формируется с участием, например, органов публичной власти (в частности, Президента Российской Федерации), нижестоящих субъектов общественного контроля (региональных общественных палат), общероссийских общественных объединений и иных некоммерческих организаций. В свою очередь, региональные общественные палаты, например Общественная палата Краснодарского края, также формируются с участием различных органов публичной власти (в частности, главой администрации (губернатором) Краснодарского края, Законодательным Собранием Краснодарского края), региональных общественных объединений и иных некоммерческих организаций.

В деятельности субъектов общественного контроля коллективные формы принятия решений также носят важнейший характер. В частности, если проанализировать деятельность Общественной палаты Российской Федерации, то основные органы данного субъекта общественного контроля основаны на коллективной форме принятия решений: совет Общественной палаты (ее постоянно действующий орган); комиссии и рабочие группы Общественной палаты (их создание носит не обязательный характер, количество и состав комис-

сий и рабочих групп может меняться). При этом если состав комиссий Общественной палаты страны представлен только ее членами, то в состав рабочих групп могут включаться любые граждане, а также представители общественных объединений и иных некоммерческих организаций.

В качестве вышеназванных коллективных форм принятия решений в рамках Общественной палаты РФ (форм работы) можно выделить пленарные заседания Общественной палаты, заседания совета Общественной палаты, заседания комиссий и рабочих групп Общественной палаты.

Все наиболее важные виды деятельности Общественной палаты РФ организуются именно путем реализации вышеназванных коллективных форм принятия решений.

Например, на пленарном заседании Общественной палаты РФ принимаются решения в виде заключений, рекомендаций и предложений (ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ); формируются общественные советы по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы (ст. 20); утверждается ежегодный доклад Общественной палаты (ст. 22).

В свою очередь, совет Общественной палаты путем принятия коллективного решения вправе направлять своих членов для участия в работе федеральных органов государственной власти (ст. 23); представлять Правительству РФ кандидатуру на должность руководителя аппарата Общественной палаты РФ для назначения на должность (ч. 3 ст. 26).

Кроме того, организация тех или иных мероприятий общественного контроля (в частности, экспертиза проектов нормативно-правовых актов федеральных органов государственной власти) в рамках полномочий Общественной палаты страны также осуществляется на основании решений, принятых ее советом, а также комиссиями и рабочими группами.

В свою очередь, под единоначалием в организации и деятельности субъектов общественного контроля в России следует понимать использование в их составе индивидуальных органов управления с возможностью принятия последними самостоятельных управленческих решений.

Каким же образом отражается единоначалие в организации и деятельности субъектов общественного контроля в России (в частности, на примере Общественной палаты страны)?

Так, следует отметить, что Общественная палата РФ, помимо коллективных органов, имеет и ряд индивидуальных: секретарь; его первый заместитель и заместители.

Кроме того, в деятельности субъектов общественного контроля большое значение имеют и индивидуальные формы принятия решений. В частности, на основании ч. 3 ст. 17 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ правом принятия решений от имени Общественной палаты РФ по вопросам, отнесенным к их ведению законодательством об общественном контроле и Регламентом Общественной палаты РФ, наделен не только совет Общественной палаты, но и ее секретарь.

Закрепление, реализация и защита коллегиальности и единоначалия в организации и деятельности субъектов общественного контроля как его принципа связаны с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие:

во-первых, современный институт общественного контроля не упоминается в Конституции РФ, что снижает его авторитет и значимость в глазах граждан страны, а также многочисленного бюрократического аппарата. В связи с этим необходимо инкорпорировать в текст Конституции Российской Федерации понятие общественного контроля, закрепив систему его основных принципов, включая коллегиальность и единоначалие в организации и деятельности субъектов данного института гражданского общества. Это позволит облегчить процессы унификации законодательства об общественном контроле, а также систематизировать процессы организации и деятельности субъектов общественного контроля, проведения ими мероприятий общественного контроля;

во-вторых, существенной проблемой в реализации принципа коллегиальности и единоначалия в организации и деятельности субъектов общественного контроля в России выступает отсутствие его формализации в статье 6 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В связи с этим перечень принципов, указанный в вышеназванном Федеральном законе, следует дополнить принципом коллегиальности и единоначалия, под которым необходимо понимать сочетание коллективных и индивидуальных форм принятия решений как в процессе формирования и деятельности субъектов общественного контроля, так и в ходе организации и проведения ими мероприятий общественного контроля;

в-третьих, важной проблемой, затрудняющей в России формирование и функционирование субъектов общественного контроля на основа-

нии принципа коллегиальности и единоначалия, выступает очевидное преобладание коллективных форм принятия решений на единоличными как в процессе формирования и деятельности субъектов общественного контроля, так и в ходе организации и проведения ими мероприятий общественного контроля. В связи с этим в законодательстве об общественном контроле следует усилить систему индивидуальных форм принятия решений в рамках различных субъектов общественного контроля. Например, следует расширить полномочия индивидуальных органов в составе субъектов общественного контроля. В частности, в Общественной палате РФ необходимо расширить полномочия ее секретаря, первого заместителя и заместителей секретаря Общественной палаты. Например, секретарю Общественной палаты страны следует предоставить полномочия по инициированию проверки целевого использования денежных средств, полученных из бюджетов любых уровней, любыми субъектами общественного контроля в РФ. Проведение данных проверок следует вменить в обязанность Счетной палате РФ, региональным и муниципальным контрольно-счетным органам власти, Министерству финансов РФ (совместно с Общественной палатой РФ);

в-четвертых, серьезной проблемой, препятствующей развитию рассматриваемого принципа общественного контроля, выступает и отсутствие у его субъектов реальных полномочий при организации и проведении мероприятий общественного контроля. Полагаем, необходимо закрепить систему реальных полномочий за субъектами общественного контроля, в том числе за их представителями, которые организуют и проводят конкретные мероприятия общественного контроля. Например, если в случае обнаружения представителями субъекта общественного контроля в результате проведения общественной проверки факта издания объектом общественного контроля локального акта (принятия решения, либо осуществления соответствующей деятельности) в противоречие законодательству РФ либо в нарушение конституционных прав, свобод и законных интересов граждан РФ, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, организатору общественной проверки следует предоставить право временного приостановления действия вышеназванного локального акта объекта общественного контроля (его решения, либо в целом деятельности) до принятия по существу решения соответствующим судом;

в-пятых, важной проблемой в реализации рассматриваемого принципа общественного контроля выступает и отсутствие закрепления в стране системы общественного контроля. Более того, законодатель всячески подчеркивает независимость и самостоятельность каждого субъекта общественного контроля. А возможность их кооперации друг с другом ограничена законодательством об общественном контроле лишь возможностью создания ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля с возможным участием данных субъектов в их деятельности.

Но так ли независимы и самостоятельны данные субъекты? Очевидно, что нет. Например, закрепленный в законодательстве механизм их формирования, в котором основная роль в назначении (избрании) членов субъектов общественного контроля принадлежит органам публичной власти (например, региональным парламентам и главам исполнительной власти регионов при формировании региональных общественных палат), показывает критическую зависимость их деятельности от указанных органов публичной власти. Отсутствие у представителей субъектов общественного контроля (членов общественных палат и советов любых уровней) какого-либо иммунитета от уголовно-правового или административно-правового преследования со стороны правоохранительных органов делает их уязвимыми и с этой точки зрения. Закрепление системы общественного контроля позволит субъектам общественного контроля низового уровня опираться на организационную, правовую и материальную поддержку вышестоящих субъектов (например, той же Общественной палаты РФ). Вышестоящие субъекты общественного контроля смогут более активно привлекать к работе, в частности, рабочих групп, представителей нижестоящих субъектов. В рамках закрепления в законодательстве об общественном контроле указанной системы следует закрепить и соответствующие координационные полномочия за вышестоящими субъектами общественного контроля. В свою очередь, нижестоящие субъекты общественного контроля должны получить право на возмещение расходов, связанных, в частности, с выполнением поручений вышестоящих субъектов. Это позволит усилить единоначалие в организации и деятельности всей системы субъектов общественного контроля в РФ;

в-шестых, определенной проблемой в реализации принципа коллегиальности и единоначалия в организации и деятельности субъектов общественного контроля в России выступает слабое использование положительного зарубежного опы-

та сочетания коллегиальности и единоначалия в организации и деятельности субъектов, реализующих контроль гражданского общества над аппаратом публичной власти. По нашему мнению, следует обязать Общественную палату РФ совместно с Министерством юстиции РФ анализ зарубежного законодательства об общественном контроле с целью выявления оптимальных коллективных и индивидуальных форм организации и деятельности субъектов общественного контроля в иностранных государствах. Например, в качестве коллективных форм общественного контроля можно использовать обсуждение проектов нормативных правовых актов на местных сходах граждан, как это широко практикуется в Швейцарии (в целях определения степени их ответственности правам, свободам и законным интересам граждан). Ряд авторов на основе проведенных социологических и статистических исследований предлагают использовать активно разработанные за рубежом интерактивные возможности информационно-коммуникационных сетей для коллективного обсуждения возможности организации и проведения мероприятий общественного контроля, участия в них рядовых граждан, а также оценки эффективности и результативности их проведения [18];

в-седьмых, достаточно злободневной проблемой в реализации любых принципов общественного контроля выступает и слабое использование информационно-коммуникационных технологий как в процессе организации и деятельности субъектов общественного контроля, так и при проведении ими мероприятий общественного контроля. Более широкое использование данных технологий, например сети Интернет, сайтов, социальных сетей и платформ, позволит, на наш взгляд, более активно использовать коллективные формы организации и принятия решений в рамках функционирования данного института гражданского общества в Российской Федерации.

Обсуждение и заключение

Сформулируем основные выводы:

1. Работа института общественного контроля строится на основе системы принципов, то есть основных наиболее общих начал, которые во взаимосвязи и взаимозависимости обеспечивают оптимальное правовое регулирование как процессов организации и деятельности субъектов данного института гражданского общества, так и осуществляемых ими мероприятий общественно-го контроля.

2. Одними из важнейших принципов общественного контроля выступают коллегиальность

и единоначалие в организации и деятельности его субъектов, под которыми следует понимать сочетание коллективных и индивидуальных форм принятия решений как в процессе организации и деятельности субъектов данного института гражданского общества, так и в ходе осуществления ими мероприятий общественного контроля.

3. Функционирование рассматриваемого в статье принципа общественного контроля сопряжено с рядом проблем, разрешение которых следует осуществлять с помощью: а) формализации данного института гражданского общества и си-

стемы его принципов в Конституции РФ; б) закрепления данного принципа в законодательстве об общественном контроле; в) внедрения новых индивидуальных и коллективных форм принятия решений субъектами общественного контроля; г) инкорпорирования в российское законодательство и практику общественного контроля соответствующего положительного зарубежного опыта; д) использования современных информационно-коммуникационных технологий; е) расширения полномочий субъектов общественного контроля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буримов Р.Ю., Ибрагимов О.А. Понятие, принципы и виды общественного контроля государственных закупок в России: юридический анализ // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 3. С. 84-90. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.3.11. EDN: ADWMUZ
2. Гриб В.В. Правовое развитие общественного контроля в сфере образования и науки // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4. С. 3-8. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-4-3-8. EDN: GUGLHH
3. Землин А.И., Сынков Н.В. Принципы построения системы общественного контроля за осуществлением государственных закупок в Вооруженных силах Российской Федерации // Вестник военного права. 2018. № 4. С. 34-40. EDN: ZFLYMH
4. Килессо М.А. Принципы общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления в России // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 24-30. EDN: VQBXTJ
5. Савченко М.С., Грибанова А.С. Правовое обеспечение общественного контроля: проблемы и перспективы развития // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110. С. 1396-1408. EDN: UHSFKJ
6. Тепляшин И.В. Принципы общественного контроля как фактор укрепления российской демократии // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 100-103. EDN: YRAGIP
7. Абаева Е. А. Совершенствование конституционно-правовой статуса общественных палат (советов) муниципальных образований и общественных советов при органах местного самоуправления как субъектов общественного контроля // Правовая культура. 2019. № 3 (38). С. 113-124. EDN: AVYRVE
8. Ашинов Ю. С. Территориальная организация региональных общественных палат (советов) как институтов защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник СевКавГТИ. 2017. № 2 (29). С. 80-83.
9. Кийко Н.В. Общественные наблюдательные комиссии как субъект общественного контроля за обеспечением правового положения осужденных // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4 (33). С. 59-65. EDN: ZWPORL
10. Павлушков А.Р. Общественная наблюдательная комиссия субъектов Российской Федерации: актуальные вопросы и проблемы организации деятельности // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 1. С. 100-106. DOI: 10.31085/2310-8681-2022-1-192-100-106. EDN: PPCZON
11. Сафин Д.А. Взаимодействие общественных палат муниципальных образований и общественных палат субъектов Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1 (43). С. 28-33. DOI: 10.37973/KUI.2021.86.36.005. EDN: WMBYMP
12. Баханова Е.В. Концепт «региональной организации» в общественном контроле системы исполнения наказаний в России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 23-30. DOI: 10.17223/1998863X/29/3. EDN: TMWHYZ
13. Бижоев Б.М. Механизм осуществления общественного контроля в системе бюджетных закупок // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 33-2. С. 199-203. EDN: XINUXR
14. Васеловская А.В. Общественный контроль за обеспечением прав человека в медицинских организациях, исполняющих принудительные меры медицинского характера // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 17-28. EDN: WWHLQV

15. Гермер В.М., Иванов С.А. Противоречия правового регулирования общественного контроля за деятельностью полиции (на примере общественных советов) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 31-35. EDN: AGEQQK
16. Чеботарева И.Ю., Соловьева С.В. Правовое содержание и механизм реализации общественного контроля в органах, осуществляющих публичное управление // Право и практика. 2020. № 3. С. 68-72. EDN: PFMDAF
17. Гончаров В.В. Коллегиальность и единоначалие как принципы формирования и функционирования органов исполнительной власти в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. № 3. С. 54-59. EDN: KDSHRJ
18. Зубарев С.М., Лебедева Е.А., Сабаева С.В., Сладкова А.В. Цифровые технологии в системе государственного и общественного контроля: теоретико-правовые аспекты: монография. Москва: Проспект, 2023. 184 с. EDN: НМХХТН

REFERENCES

1. Burimov R.YU., Ibragimov O.A. Ponyatie, principy i vidy obshchestvennogo kontrolya gosudarstvennyh zakupok v Rossii: yuridicheskij analiz // Pravovaya paradigma. 2020. T. 19. № 3. S. 84-90. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.3.11. EDN: ADWMUZ
2. Grib V.V. Pravovoe razvitie obshchestvennogo kontrolya v sfere obrazovaniya i nauki // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2021. № 4. S. 3-8. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-4-3-8. EDN: GUGLHH
3. Zemlin A.I., Synkov N.V. Principy postroeniya sistemy obshchestvennogo kontrolya za osushchestvleniem gosudarstvennyh zakupok v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii // Vestnik voennogo prava. 2018. № 4. S. 34-40. EDN: ZFLYMH
4. Killeso M.A. Principy obshchestvennogo kontrolya nad deyatel'nost'yu organov mestnogo samoupravleniya v Rossii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2016. № 2. S. 24-30. EDN: VQBXTJ
5. Savchenko M.S., Griбанова A.S. Pravovoe obespechenie obshchestvennogo kontrolya: problemy i perspektivy razvitiya // Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 110. S. 1396-1408. EDN: UHSFKJ
6. Teplyashin I.V. Principy obshchestvennogo kontrolya kak faktor ukrepleniya rossijskoj demokratii // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 4 (54). S. 100-103. EDN: YRAGIP.
7. Abaeva E. A. Sovershenstvovanie konstitucionno-pravovoj statusa obshchestvennyh palat (sovetov) municipal'nyh obrazovaniya i obshchestvennyh sovetov pri organah mestnogo samoupravleniya kak sub"ektov obshchestvennogo kontrolya // Pravovaya kul'tura. 2019. № 3 (38). S. 113-124. EDN: AVYRVE
8. Ashinov YU. S. Territorial'naya organizaciya regional'nyh obshchestvennyh palat (sovetov) kak institutov zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // Vestnik SevKavGTI. 2017. № 2 (29). S. 80-83.
9. Kijko N.V. Obshchestvennye nablyudatel'nye komissii kak sub"ekt obshchestvennogo kontrolya za obespecheniem pravovogo polozheniya osuzhdennyh // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2017. № 4 (33). S. 59-65. EDN: ZWPORL.
10. Pavlushkov A.R. Obshchestvennaya nablyudatel'naya komissiya sub"ektov Rossijskoj Federacii: aktual'nye voprosy i problemy organizacii deyatel'nosti // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2022. № 1. S. 100-106. DOI: 10.31085/2310-8681-2022-1-192-100-106. EDN: PPCZON
11. Safin D.A. Vzaimodejstvie obshchestvennyh palat municipal'nyh obrazovanij i obshchestvennyh palat sub"ektov Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12. № 1 (43). S. 28-33. DOI: 10.37973/KUI.2021.86.36.005. EDN: WMBYMP
12. Bahanova E.V. Koncept «regional'noj organizacii» v obshchestvennom kontrole sistemy ispolneniya nakazaniy v Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2015. № 1 (29). S. 23-30. DOI: 10.17223/1998863X/29/3. EDN: TMWHYZ
13. Bizhnev B.M. Mekhanizm osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya v sisteme byudzhetyh zakupok // Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya. 2016. № 33-2. S. 199-203. EDN: XINUXR
14. Vaselovskaya A.V. Obshchestvennyj kontrol' za obespechenie prav cheloveka v medicinskih organizacijah, ispolnyayushchih prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2021. № 1 (46). S. 17-28. EDN: WWHLQV

15. Germer V.M., Ivanov S.A. Protivorechiya pravovogo regulirovaniya obshchestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu politsii (na primere obshchestvennyh sovetov) // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2019. № 3. S. 31-35. EDN: AGEQQK
16. Shebotareva I.YU., Solov'eva S.V. Pravovoe sodержanie i mekhanizm realizatsii obshchestvennogo kontrolya v organah, osushchestvlyayushchih publichnoe upravlenie // Pravo i praktika. 2020. № 3. S. 68-72. EDN: PFMDAF
17. Goncharov V.V. Kollegial'nost' i edinonachalie kak principy formirovaniya i funkcionirovaniya organov ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federatsii // YUridicheskij mir. 2009. № 3. S. 54-59. EDN: KDSHRJ
18. Zubarev S.M., Lebedeva E.A., Sabaeva S.V., Sladkova A.V. Cifrovye tekhnologii v sisteme gosudarstvennogo i obshchestvennogo kontrolya: teoretiko-pravovye aspekty: monografiya. Moskva: Prospekt, 2023. 184 s. EDN: HMXHTN

Информация об авторе:

Гончаров Виталий Викторович, кандидат юридических наук, доцент, исполнительный директор юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>, niipgergo2009@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Goncharov Vitaly Viktorovich, Candidate in Law (Research doctorate), Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>, niipgergo2009@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 17.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 342.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.26.51.004

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННОГО НА СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Дамир Ильдарович Ережипалиев,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Россия, damirastr@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена анализу законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики, а также освещению актуальных вопросов совершенствования мер, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Особое внимание уделено законодательной инициативе, направленной на отнесение информации, пропагандирующей добровольный отказ от рождения детей, к информации, запрещенной для распространения среди детей.

Материалы и методы: исследование проведено с использованием общенаучных методов получения новых научных знаний, в частности, системно-структурного анализа, формальной логики и других методов. Эмпирическая основа исследования представлена статистическими данными Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, интернет-источниками.

Результаты исследования: в целях сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в последнее десятилетие на федеральном уровне принят комплекс правовых мер. Вместе с тем резервы по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере имеются. В частности, автором отмечается, что в настоящее время в целях создания дополнительных гарантий в рассматриваемой сфере необходимо принятие законодательных мер по противодействию пропаганде добровольного отказа от рождения детей.

Обсуждение и заключение: обосновывается вывод, согласно которому разработанный в настоящее время законопроект, направленный на отнесение информации, пропагандирующей добровольный отказ от рождения детей, к информации, запрещенной для распространения среди детей, содержит ряд концептуально юридически значимых недостатков, требующих устранения. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, направленного на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в контексте противодействия пропаганде добровольного отказа от рождения детей.

Ключевые слова: несовершеннолетние; традиционные семейные ценности; деструктивная информация; идеологическое воздействие; отказ от рождения детей; чайлдфри

© Ережипалиев Д.И., 2023

Для цитирования: Ережипалиев Д.И. Совершенствование законодательства, направленного на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 33 – 41. DOI: 10.37973/KUI.2023.26.51.004

Scientific article
UDC 342.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.26.51.004

IMPROVEMENT OF LEGISLATION AIMED AT MAINTAINING AND STRENGTHENING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Damir Ildarovich Erezhipaliev,
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Moscow, Russia, damirastr@mail.ru

Abstract

Introduction: the article includes an analysis of the legislation of the Russian Federation and the practice of law enforcement, as well as highlighting current issues in improving measures aimed at preserving Russia's traditional spiritual and moral values. Particular attention is paid to a legislative initiative aimed at classifying information promoting voluntary abstinence from childbirth as information prohibited for dissemination to children.

Materials and Methods: the study was conducted using universal scientific methods of acquiring new scientific knowledge, in particular, system structural analysis, logic and other methods. The empirical basis of the study is the statistical data of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation, Internet sources.

Results: over the past 10 years, a number of federal legislative measures have been taken to preserve and control Russia's traditional spiritual and moral values. But legislation needs improving. In particular, the author notes that, in order to create additional guarantees in this area, it is now necessary to adopt legislative measures to counter the promotion of voluntary childbirth abandonment.

Discussion and Conclusions: the conclusion is that the current draft law, which aims to classify information promoting voluntary childbirth abstinence as prohibited for dissemination among children, contains several significant conceptual and legal shortcomings that require elimination. Proposals for improving legislation aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values in the context of countering the propaganda of voluntary childbirth abstinence have been formulated.

Keywords: minors; traditional family values; destructive information; ideological influence; refusal to have children; childfree

© Yerezhpaliev D.I., 2023

For citation: Yerezhpaliev D.I. Improvement of Legislation Aimed at Maintaining and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):33 – 41. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.26.51.004

Введение

Базовые, сформировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности являются основой российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности¹.

В условиях все большего распространения в сети Интернет информации низкого нравственно-этического содержания дети в связи с нестабильностью эмоциональной сферы и недостаточным уровнем критичности восприятия и

обработки информационного потока находятся в группе потенциального риска для негативного воздействия и интернет-манипуляций с последующим вовлечением их в деструктивные сообщества [1, с. 56].

Нередко в театральных постановках распространяется информация, отрицающая семейные ценности, формирующая неуважение к семье, родителям, оправдывающая противоправное поведение, побуждающая детей к употреблению психоактивных веществ, к иным антиобщественным поступкам. Для некоторых театров нормой стали ненормативная лексика, эротика на грани пошлости, демонстрация насилия на сцене. До-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.12.2023).

пускаются злоупотребления свободой творчества, нарушаются традиционные нормы общественной нравственности эпатажными постановками с использованием провокационных приемов [2, с. 5].

В новой геополитической обстановке разработка и реализация эффективных мер государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей являются крайне важными задачами.

Обзор литературы

Неслучайно проблемы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей привлекли повышенное внимание ученых различных областей науки. Так, разработку указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» по поручению Министерства культуры Российской Федерации осуществлял Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. Обозначенная проблематика активно прорабатывалась директором данного института В.В. Аристарховым [3, 4], а также П.А. Шашкиным, А.Б. Рудаковым, С.Г. Волобуевым, А.В. Посадским [5, 6].

Изучению различных аспектов реализации государственной политики Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей посвящены работы С.Т. Адамянц [7], В.Н. Корнева [8], С.Н. Бабурина [9]. Так, профессором С.Н. Бабуриным отмечается, что возвращение в текст Конституции Российской Федерации традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, наполнение реальным содержанием социального характера современного российского государства производится при понимании, что нация в России есть цивилизационный союз многих народов [9, с. 3].

В условиях стремительного развития информационных технологий проблемы обеспечения информационной безопасности как одного из направлений сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей разрабатывали Н.М. Кропачев, В.В. Архипов [10], И.С. Маслов [11], Е.И. Галяшина, К.М. Богатырев [12]. В рабо-

тах О.В. Пристанской вопросы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей исследовались с позиции формирования безопасного для несовершеннолетних информационного пространства [13].

Материалы и методы

Как отмечалось ранее, в сети Интернет увеличивается количество информации низкого нравственно-этического содержания, о чем свидетельствуют данные, представленные в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор), о размещении в сети Интернет противоправной информации. По данным Роскомнадзора, число блокировок сайтов с информацией, направленной на привлечение детей к противоправной деятельности, в 2022 г. выросло в 4 раза по сравнению с показателями 2020 г. и на 41% к уровню 2021 г. В 2022 г. ведомство обнаружило 20 706 страниц в Интернете с призывами несовершеннолетних к участию в противоправной деятельности, представляющей угрозу для чьей-либо жизни. В 2021 г. таких страниц было выявлено 14 658, в 2020 г. – лишь 4921. По факту проверки эти материалы были либо добровольно удалены владельцами сайтов по требованию Роскомнадзора, либо заблокированы по требованию регулятора провайдерами или операторами связи¹.

Согласно данным доклада Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации «Детский Рунет – 2019», наиболее распространенными потенциальными угрозами в сети Интернет, по мнению родителей, являются порнография и эротический контент (14,9%); контент о суициде и «группы смерти» (10,8%); контент, содержащий жестокость и агрессию (9,9%); информация не соответствующая возрасту ребенка (8,8%)².

Указанные данные коррелируют с результатами проведенного в 2022 г. мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи, согласно которому 38% опрошенных родителей не контролируют, чем занят ребенок в сети Интернет, 31% контролируют содержание контента (ресурсов, видео и др.), 29% ограничивают время пользования Интернетом³.

Результаты исследования

В целях формирования безопасного для несовершеннолетних информационного простран-

¹ Официальный сайт газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/01/10/958414-roskomnadzor-viyavil> (дата обращения: 17.07.2023).

² Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/childrunet-2019-26032020.pdf> (дата обращения: 17.07.2023).

³ Официальный сайт Института изучения детства, семьи и воспитания. URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/iblock/df6/tj7mhwnp0lcc8ppmas4d35zfd3pbu5c.pdf> (дата обращения: 17.07.2023).

ства в Российской Федерации созданы законодательные гарантии и организационно-правовые механизмы защиты детей от информации, причиняющей вред их физическому, психическому, социальному, нравственному и духовному здоровью и развитию [3, с. 5].

Особо необходимо отметить, что в 2023 году приняты Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года¹, а также обновленная Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации, которая определила долгосрочные цели и задачи в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, с учетом глобальных вызовов современности² [17].

Адекватной защитной мерой является принятие Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³, а также изменений в федеральное законодательство о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, педофилии и смены пола⁴.

В июле 2023 года Советом по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации отмечена необходимость разработки и реализации эффективных системных мер государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе в сферах образования и воспитания, просветительской деятельности, науки и культуры, межнациональных и межрелигиозных отношений, работы с молодежью, деятельности средств массовой информации и массовых коммуникаций. Последовательное проведение такой политики будет способствовать формированию на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных

ценностей, упрочнению мира и взаимопонимания между государствами и народами, повышению роли России в мировом гуманитарном пространстве⁵.

Конституцией Российской Федерации установлены обязанности государства по созданию условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей; защите семьи, материнства, отцовства и детства, института брака как союза мужчины и женщины, а также по проведению в России единой социально ориентированной государственной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей (ч. 4 ст. 67¹, п. «ж» ч. 1 ст. 72, п. «в» ч. 1 ст. 114).

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что характер и содержание правового регулирования в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних должны в приоритетном порядке гарантировать им защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, с тем чтобы обеспечить безопасность каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях⁶.

Этими целями обусловлена также необходимость использования в правовом регулировании оптимального правового инструментария, позволяющего ограждать ребенка от воздействия информации, способной причинить вред его здоровью и развитию, в частности информации, сопряженной с агрессивным навязыванием конкретных моделей сексуального поведения, формированием искаженных представлений о социально признанных моделях семейных отношений, соответствующих общепринятым в российском обществе нравственным ценностям⁷.

¹ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.12.2023).

² Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства Российской Федерации от 02.12.2015 № 2471-р: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.04.2023 № 1105-р. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2023).

³ Утв. указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

⁴ Федеральные законы от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 05.12.2022 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», от 24.07.2023 № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ Решение совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации на тему «Актуальные вопросы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в новой геополитической обстановке» от 07.07.2023.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2013 № 19-П.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2014 № 24-П.

Защита несовершеннолетних от негативного информационного воздействия выделена в качестве ключевых задач в многочисленных документах стратегического планирования Российской Федерации, в том числе в ранее упомянутой Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года¹, Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года², Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации³, Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁴ и др.

Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» установлена обязанность органов государственной власти Российской Федерации принимать меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от информации, пропагандирующей либо демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения или способной вызвать у детей желание сменить пол (п. 1 ст. 14). Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – закон № 436-ФЗ) к информации, запрещенной для распространения среди детей, отнесена, в том числе, информация, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи (п. 4 ч. 2 ст. 5).

Проведенное нами исследование демонстрирует, что должная охрана традиционных семейных и духовно-нравственных ценностей невозможна без дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере.

Несмотря на установленные федеральным законодательством запреты, широкое распространение среди российской молодежи получила противоестественная деструктивная зарубежная субкультура «чайлдфри» (в пер. с англ. – свободный от детей), противоречащая традиционным российским семейным, социально-культурным и духовно-нравственным ценностям.

В связи с этим 20 июня 2023 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской

Федерации Государственным Собранием – Курултайем Республики Башкортостан и депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Э.Р. Айткуловой повторно внесен проект Федерального закона № 303039-8 «О внесении изменений в статьи 2 и 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и статью 14 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – законопроект).

Законопроектом предлагается внести в вышеназванные федеральные законы изменения, направленные на отнесение информации, пропагандирующей добровольный отказ от рождения детей, к информации, запрещенной для распространения среди детей.

В целом концепция законопроекта представляется актуальной, соответствующей направленности государственной политики Российской Федерации на защиту здоровья⁵ (в том числе репродуктивного), психического, физического, нравственного и духовного развития детей, формирование безопасного для несовершеннолетних информационного пространства, ориентированного на традиционные семейные и духовно-нравственные ценности.

В новой редакции законопроекта от 20.06.2023 учтена критика со стороны Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла (совершенно обоснованная, на наш взгляд), согласно которой принятие законопроекта в первоначальной его редакции привело бы к запрету информации о монашеском образе жизни, исключающем деторождение. После проведения консультаций с представителями духовенства, общественными организациями из предлагаемого законопроектом запрета пропаганды бездетности было исключено распространение информации, направленной на формирование у детей положительного образа бездетности и сознательного желания не иметь детей, связанного с религиозными убеждениями⁶.

Однако, несмотря на указанные изменения, внесенные в законопроект, новая его редакция сохраняет ряд юридически значимых недостатков, требующих, по нашему мнению, устранения.

¹ Утв. указом Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358.

² Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р.

³ Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.04.2023 № 1105-р.

⁴ Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р.

⁵ Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних: сборник. URL: <https://www.agprf.org/userfiles/ufiles/nii/2020/3> (дата обращения: 16.08.2023).

⁶ Официальный сайт Государственного Собрания – Курултай Республики Башкортостан. URL: <https://gsrb.ru/ru/press-center/news/123250/> (дата обращения: 17.07.2023).

Так, в соответствии с проектируемой редакцией п. 4 ч. 2 ст. 5 закона № 436-ФЗ, к информации, запрещенной для распространения среди детей, предлагается отнести информацию, «отрицающую семейные ценности и формирующую неуважение к родителям и (или) другим членам семьи, направленную на пропаганду добровольного отказа от рождения детей» (абз. 4 ст. 1 законопроекта). Проектируемая редакция указанной нормы существенно сужает область применения действующих положений п. 4 ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 436-ФЗ, ограничивает содержание закрепленных в федеральном законодательстве понятий «семейные ценности» и «информация, отрицающая семейные ценности» исключительно целью пропаганды добровольного отказа от рождения детей.

Предлагаемая законопроектом юридико-лингвистическая конструкция указанной нормы противоречит Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года¹, относящей к традиционным семейным ценностям ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению.

В случае принятия законопроекта в редакции от 20.06.2023 под запрет пропаганды добровольного отказа от рождения детей может попасть пропаганда традиционных семейных ценностей в духе, соответствующем вышеназванному их официальному определению, предполагающему рождение и совместное воспитание детей супругами, состоящими в браке.

При доработке законопроекта следует исключить ситуации, при которых проектируемые нормы могут быть применены к лицам, затрагивающим в рамках просветительской работы вопросы рождения детей вне брака как противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Кроме того, под вводимый в представленной законопроектом формулировке запрет пропаганды добровольного отказа от рождения детей мо-

жет попасть также публичная воспитательная и научно-просветительская деятельность педагогов, психологов и других специалистов по разъяснению несовершеннолетним нежелательности начала половой жизни и рождения детей до достижения полной биологической зрелости (полового созревания, включающего их анатомо-физиологическую способность к сексуальным контактам и деторождению, применительно к женскому организму это предполагает способность девушки к зачатию, вынашиванию плода и родоразрешению), а также психологической зрелости, предполагающей способность к осознанному вступлению в сексуальные отношения, рождению и самостоятельному воспитанию детей.

Такая просветительская деятельность среди подростков по вопросам межличностных, половых и семейных отношений является неотъемлемым компонентом воспитания, определяемого законом в качестве деятельности, направленной на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства (п. 2 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Необходимость распространения среди несовершеннолетних в воспитательных целях информации, направленной на формирование у них установок воздержания от вступления в сексуальные связи и, соответственно, от рождения детей до достижения совершеннолетия, продиктовано не только медицинскими противопоказаниями (риски осложнений беременности и родовой деятельности до достижения матерью биологической зрелости), но и недостижением, как правило, подростками полной психологической и социальной зрелости, позволяющей им самостоятельно воспитывать ребенка, заботиться о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, выступать в защиту его прав и интересов, нести ответственность за неисполнение родительских обязанностей².

Следует отметить, что и в ст. 62 Семейного кодекса Российской Федерации предусмотрены ограничения в осуществлении родительских прав несовершеннолетними родителями, не состоящими в браке, в случае рождения у них ребенка и

¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2023).

² Influence of Reproductive Behavior of the Population of the Komi Republic on the Functioning of the Institute of Parenthood URL: http://esc.vscac.ru/article/1695/full%3F_lang%3Den. (дата обращения: 15.08.2023).

при установлении их материнства и (или) отцовства до достижения ими возраста шестнадцати лет.

Обсуждение и заключение

В целях совершенствования законодательства, направленного на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, полагаем целесообразным дополнить анализируемый законопроект положениями, исключающими применение запрета пропаганды бездетности к информации, распространяемой в рамках информационно-просветительской и воспитательной работы с несовершеннолетними в целях профилактики рождения ими детей до достижения полной половой и психологической зрелости вне брака, как модели поведения, не соответствующей традиционным российским духовно-нравственным и семейным ценностям, а также принятым в российском обществе правилам и нормам поведения.

Учитывая изложенное, предлагаем в тексте законопроекта, внесенного в новой редакции:

абзац 3 статьи 1 законопроекта после слова «убеждениями» дополнить словами «а также с недостижением несовершеннолетним полной половой и психологической зрелости, необходимой для деторождения»;

абзац 4 статьи 1 изложить в следующей редакции:

«2) пункт 4 части 2 статьи 5 изложить в следующей редакции:

«4) отрицающая семейные ценности, в том числе направленная на пропаганду добровольного отказа от рождения детей, а также формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;»).

Кроме того, полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о дополнении ч. 5 ст. 15¹ Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» положением об установлении запрета к распространению в сети Интернет информации, направленной на пропаганду добровольного отказа от рождения детей. Следует отметить, что подобный запрет установлен в отношении информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола, которая имеет сходную с информацией, направленной на пропаганду добровольного отказа от рождения детей, степень общественной опасности с точки зрения последствий для демографической безопасности, подрыва традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Учет и реализация вышеуказанных предложений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, позволят оградить детей от воздействия информации, способной причинить вред их здоровью и развитию, а также создать дополнительные гарантии по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных и семейных ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Капинус О.С. Совершенствование мер по предотвращению вовлечения несовершеннолетних в противоправную деструктивную деятельность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 4. С. 59 – 64.
2. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере информационной безопасности несовершеннолетних: науч.-практ. пособие / [рук. авт. коллектива Д.И. Ережипалиев и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2022. 136 с.
3. Аристархов В.В. Защита традиционных духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике // Официальный сайт федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева». URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/03/vladimir-aristarkhov_zashhita-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-v-sisteme-normativno-pravovyh-aktov-otnosyashhihsya-k-kulturno-obrazovatelnoj-politike.pdf/.
4. Аристархов В.В. Характеристика угроз национальной безопасности России в нормативных актах по государственной культурной политике // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: сборник материалов круглого стола, Москва, 25 августа 2021 года. Москва: Издательский дом «ИМЦ», 2021. С. 41 – 53.
5. Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Москва: Институт Наследия, 2023. URL: <https://heritage-institute.ru/?books=pokazateli>

effektivnosti-gosudarstvennoj-politiki-v-oblasti-zashhity-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-kultury-i-istoricheskoy-pamyati-elektronnoe-setevoe-izdanie-shashkin.

6. Волобуев С.Г., Посадский А.В., Рудаков А.Б., Шашкин П.А. Перспективы реализации государственной культурной политики: правовые основы, сферы, институциональные решения: экспертный доклад. Москва: Институт Наследия. 2022. 96 с. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2022/02/perspektivy-realizaczii-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki.pdf?ysclid=lpwojuqcn0680759598>.

7. Адамянц С.Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 56 – 63.

8. Корнев В.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие. 2023. Т. 5. № 1. С. 8 – 15.

9. Бабурин С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3 – 6.

10. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 14. Вып. 2. 2023. С. 294 – 305.

11. Маслов И.С. Укрепление российских традиционных духовно-нравственных ценностей – основа противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 31 – 36.

12. Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 138 – 151.

13. Пристанская О.В., Ережипалиев Д.И. Роль прокуратуры в укреплении законности в сфере информационной и духовно-нравственной безопасности детей // Правовое регулирование прокурорской деятельности: история и новации (Сухаревские чтения): сб. материалов VIII Всерос. науч. – практ. конф. (Москва, 7 окт. 2022 г.) / под общ. ред. Р.В. Жубрина; [науч. ред. А.Ю. Винокурова; сост. О.В. Боброва, Е.А. Непомнящая, Н.В. Трошина]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2023. С. 110 – 120.

REFERENCES

1. Kapinus O.S. Sovershenstvovanie mer po predotvrashcheniyu вовлечениа nesovershennoletnih v protivopravnyuyu destruktivnyuyu deyatelnost' // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2022. № 4. S. 59 – 64.

2. Prokurorskiy nadzor za ispolnieniem zakonov v sfere informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih: nauch.-prakt. posobie / [ruk. avt. kollektiva D.I. Erezhipaliev i dr.]; Gen. prokuratura Ros. Federacii; Un-t prokuratury Ros. Federacii. Moskva, 2022. 136 s.

3. Aristarhov V.V. Zashchita tradicionnyh duhovno-nravstvennyh cennostej v sisteme normativno-pravovyh aktov, otnosyashchihysya k gosudarstvennoj kul'turno-obrazovatel'noj politike // Oficial'nyj sajt federal'nogo gosudarstvennogo byudzhnogo nauchno-issledovatel'skogo uchrezhdeniya «Rossijskij nauchno-issledovatel'skij institut kul'turnogo

i prirodnogo naslediya imeni D.S. Lihacheva». URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/03/vladimir-aristarhov_zashchita-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-v-sisteme-normativno-pravovyh-aktov-otnosyashchihysya-k-kulturno-obrazovatelnoj-politike.pdf/.

4. Aristarhov V.V. Harakteristika ugroz nacional'noj bezopasnosti Rossii v normativnyh aktah po gosudarstvennoj kul'turnoj politike // Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravleniya ih nejtralizacii: sbornik materialov kruglogo stola, Moskva, 25 avgusta 2021 goda. Moskva: Izdatel'skij dom «IMC», 2021. S. 41 – 53.

5. SHashkin P.A., Rudakov A.B., Volobuev S.G. Pokazатели effektivnosti gosudarstvennoj politiki v oblasti zashchity tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej, kul'tury i istoricheskoy pamyati. Moskva: Institut Naslediya, 2023. URL:<https://heritage-institute.ru/?books=pokazатели-effektivnosti-gosudarstvennoj-politiki-v-oblasti-zashhity-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-kultury-i-istoricheskoy-pamyati-elektronnoe-setevoe-izdanie-shashkin>.

6. Volobuev S.G., Posadskij A.V., Rudakov A.B., SHashkin P.A. Perspektivy realizaczii gosudarstvennoj kul'turnoj politiki: pravovye osnovy, sfery, institucional'nye resheniya: ekspertnyj doklad. Moskva: Institut Naslediya. 2022. 96 s. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2022/02/perspektivy-realizaczii-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki.pdf?ysclid=lpwojuqcn0680759598>.

7. Adamyanc S.T. Duhovno-nravstvennye cennosti rossijskogo obshchestva kak ob"ekt pravovogo obespecheniya: voprosy teorii i praktiki // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2023. № 1 (150). S. 56 – 63.
8. Kornev V.N. Tradicionnye konstitucionnye cennosti kak duhovno-nravstvennaya osnova edineniya rossijskogo obshchestva i gosudarstva // Pravosudie. 2023. T. 5. № 1. S. 8 – 15.
9. Baburin S.N. Konstitucionnaya reforma 2020 goda v Rossijskoj Federacii kak put' ukrepleniya narii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 1. S. 3 – 6.
10. Kropachev N.M., Arhipov V.V. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste cifrovoj transformacii obshchestva: teoretiko-pravovye aspekty // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. T. 14. Вып. 2. 2023. S. 294 – 305.
11. Maslov I.S. Ukreplenie rossijskih tradicionnyh duhovno-nravstvennyh cennostej – osnova protivodejstviya destruktivnomu informacionno-psihologicheskomu vozdejstviyu // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 2. S. 31 – 36.
12. Galyashina E.I., Bogatyrev K.M. Ponyatie «tradicionnye rossijskie duhovno-nravstvennye cennosti» v kontekste obespecheniya mediabezopasnosti v internet-srede // Lex Russica (Russkij zakon). 2022. T. 75. № 10 (191). S. 138 – 151.
13. Pristanskaya O.V., Erezhipaliev D.I. Rol' prokuratury v ukreplenii zakonnosti v sfere informacionnoj i duhovno-nravstvennoj bezopasnosti detej // Pravovoe regulirovanie prokurorskoj deyatel'nosti: istoriya i novacii (Suharevskie chteniya): sb. materialov VIII Vseros. nauch. – prakt. konf. (Moskva, 7 okt. 2022 g.) / pod obshch. red. R.V. ZHubrina; [nauch. red. A.YU. Vinokurova; sost. O.V. Bobrova, E.A. Nepomnyashchaya, N.V. Troshina]; Un-t prokuratury Ros. Federacii. Moskva, 2023. S. 110 – 120.

Информация об авторе:

Ережиपालиев Дамир Ильдарович, кандидат юридических наук, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере защиты прав несовершеннолетних Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, damiраstr@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yerezhpaliev Damir I., Candidate in Law (Research doctorate), Head of the Department of the Research Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Justice Adviser, damiраstr@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 16.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 342.922
DOI: 10.37973/KUI.2023.16.80.005

**ПРОБЛЕМЫ БАЛАНСА
ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В АДМИНИСТРАТИВНО-ДОГОВОРНЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

Александр Иванович Попов,
Рязанский филиал Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
apopov332@mvd.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются вопросы соотношения и баланса частных и публичных интересов, возникающие в рамках административно-договорных правоотношений.

Материалы и методы: при подготовке статьи использованы общенаучные и частные методы исследования. Эмпирическую базу составили современные научные публикации по исследуемой проблеме.

Результаты исследования: на основе анализа научной литературы сформулированы выводы о понятии и критериях возможного баланса частных и публичных интересов в рамках административно-договорных правоотношений.

Обсуждение и заключение: выявлены особенности обеспечения баланса частных и публичных интересов в рамках административно-договорных правоотношений.

Ключевые слова: административно-договорные правоотношения; частный интерес; публичный интерес; баланс интересов; органы публичной власти

© Попов А.И., 2023

Для цитирования: Попов А.И. Проблемы баланса частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 42 – 47. DOI: 10.37973/KUI.2023.16.80.005

Scientific article
UDC 342.922
DOI: 10.37973/KUI.2023.16.80.005

**CHALLENGES IN BALANCING PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS
IN ADMINISTRATIVE AND CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS**

Alexander Ivanovich Popov,
Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot, Ryazan, Russia,
apopov332@mvd.ru

Abstract

Introduction: the author considers correlation and balance between private and public interests arising in administrative and contractual legal relations.

Materials and Methods: general and specific methods were the basis for the research. In the course of the study the author used the latest scientific publications in the analyzed area.

Results: basing on the literature analysis the author concluded on the concept and criteria of possible balance of private and public interests in the framework of administrative and contractual relations.

Discussion and Conclusions: the article reveals some features of balancing private and public interests in administrative and contractual legal relations.

Keywords: administrative and contractual legal relations; private interest; public interest; balance of interests; public authorities

© Popov A.I., 2023

For citation: Popov A.I. Challenges in Balancing Private and Public Interests in Administrative and Contractual Legal Relations. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):42 – 47. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.16.80.005

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к достижению баланса между частноправовым и публично-правовым регулированием в различных сферах общественных отношений. В этом контексте особое внимание необходимо уделить соотношению частноправовых и публично-правовых средств и инструментов в сфере публично-правового управления. Процесс проникновения частного права в публичную сферу общественных отношений проявляется в том, что он стимулирует возникновение, содержание и реализацию правоотношений при помощи частноправовых средств. Одним из основных средств частного права, посредством которого возможно достижение согласия, является договор. Именно договорные формы в публичном праве позволяют обеспечить в рамках обязательственных отношений соответствующий баланс интересов.

В настоящее время актуальным направлением исследований в различных отраслях права является поиск баланса между частными и публичными интересами, а также между интересами частных лиц в рамках общественных интересов. Административно-договорные отношения, в которых присутствуют как частноправовые, так и публично-правовые интересы, позволяют субъектам достичь определенный баланс при реализации принятых на себя обязательств.

Обзор литературы

Определить особенности баланса между частными и публичными интересами в административно-договорных правоотношениях позволили работы Ю.А. Тихомирова [1], Ю.Н. Старилова, К.В. Давыдова [2], Л.Т. Бакулиной [3], Г.З. Ахметовой [4], Н.М. Коршунова [5], О.С. Рогачевой [6], Д.В. Осинцева [7], С.В. Романовского [8], С.М. Хужина [9], А.Ф. Пьянковой [10], В.И. Галкина [11].

Материалы и методы

Методологической основой исследования явились общенаучные и частные методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить общетеоретические вопросы исследуемой проблемы, а также прийти к соответствующим выводам.

Материалами исследования послужили соответствующие проблематике юридические научные источники.

Результаты исследования

Проблема сочетания частных и публичных интересов является важной для исследований в области частного и публичного права. Она основана на понятии интереса, которое определяет специфику использования соответствующих правовых инструментов. В настоящее время вопрос сочетания частных и публичных интересов становится особенно актуальным для исследований в области публичного права, поскольку традиционные формы и методы регулирования управленческих отношений не всегда обеспечивают достижение поставленных целей в полной мере.

Разработка концепции сочетания частных и публичных интересов с учетом современных реалий должна происходить в русле междисциплинарных исследований с выработкой и обоснованием конкретных форм такого взаимопроникновения. В качестве одной из форм реализации сочетания соответствующих интересов следует указать на административный договор, который является основанием для возникновения административно-договорных правоотношений. Необходимость разработки проблемы сочетания частных и публичных интересов обусловливается также ее межотраслевым, интегрирующим значением в области юриспруденции [8].

Деятельность органов публичной власти неразрывно связана с осуществлением публичных интересов. Это отражается в создании и принятии подзаконных нормативных актов, принятии индивидуальных правовых решений, а также в заключении соответствующих договоров и соглашений, направленных на реализацию гражданско-правового и административно-правового статуса публичных органов.

Административно-правовое воздействие направлено на защиту общественных интересов и отражается в усилиях органов публичной власти по установлению правильного порядка взаимодействия между публичными институтами и институтами гражданского общества [7].

Необходимость эффективного управления и развития требует сбалансированного подхода к регулированию компетенции органов исполнительной власти, основанного на сочетании законодательных и договорных механизмов. Это позволит обеспечить динамичные и эффективные взаимоотношения в управленческой сфере [1].

В современных условиях становится очевидной необходимость объединения частноправовых принципов с публично-правовыми. Это сочетание наиболее гармонично реализуется через использование института административного договора.

В настоящее время наблюдается расширение применения принципов частного права в сфере публичных отношений, что связано с увеличением роли договорного регулирования. Административно-договорные правоотношения становятся неотъемлемой частью публичного права, позволяя согласовывать интересы, позиции и действия органов публичной власти, общественных организаций с иными субъектами. Представляется, что стремление к тотальной нормативной регламентации широкой сферы общественных отношений не всегда является наиболее эффективным подходом, тогда как договорное регулирование между субъектами права может быть более целесообразным [9].

Императивное дозволение позволяет соответствующему государственному органу на основе имеющейся компетенции заключать административные договоры. Еще раз подчеркнем, что только на основе определенных нормативными правовыми актами полномочий органа государственного управления.

Договор представляет собой акт саморегуляции отношений сторон. В случае с административным договором договор не только регулирует отношения между сторонами, его заключившими, но и может оказывать непосредственное влияние на третьих лиц, не являющихся сторонами соответствующего административного договора. Данная особенность обусловлена целью административного договора – удовлетворение публичных интересов. При этом, как правило, обществу не совсем принципиально, кто реализует эту публичную цель, а важно лишь то, что эта цель реально воплощается.

Отметим, что третьи лица не являются сторонами административного договора и не могут оказывать какое-либо воздействие на его динамику. В отличие от гражданско-правового договора, где третья сторона может иметь права в отношении сторон договора, в административно-договорных правоотношениях указанные субъекты не обладают такими правами.

Публичная цель административного договора достаточно подробно аргументирована и исследо-

вана в работах Ю.Н. Старилова и К.В. Давыдова. Основной вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что решение как имущественных, так и неимущественных (управленческих вопросов) в рамках административных договоров призвано обеспечить достижение публичной цели [2].

Особенности административно-договорного регулирования отношений в сфере государственного управления обусловлены спецификой данных отношений, обладающих существенными отличиями от частноправовых. Успешное решение вопроса о балансе частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях позволит определить условия регулирования различными методами общественные отношения с учетом публичных частных интересов. В связи с этим определить оптимальное соотношение частного и публичного регулирования в рассматриваемой сфере крайне важно.

Динамика управленческих правоотношений не предполагает четких границ между публичными частными интересами, что обуславливает систематическую их подвижность. При этом разнообразие императивных и диспозитивных норм, используемых в административно-договорном регулировании, способствует соблюдению баланса интересов при разработке сторонами договора моделей совместного поведения.

Разнообразие социально-предметных сфер определяет нормативную основу договорного регулирования, которая сочетает различные правовые инструменты в зависимости от соотношения между частными и публичными интересами. Это позволяет определить, являются ли конкретные договорные отношения частноправовыми или публично-правовыми [3].

Г.З. Ахметова справедливо отмечает, что в настоящее время в связи с наметившейся тенденцией обеспечения баланса частноправового и публично-правового регулирования в различных областях общественных отношений, среди различных правовых взаимосвязей на первый план поднимается вопрос о соотношении частноправовых, в т.ч. гражданско-правовых, и публично-правовых средств и инструментов на определенных участках правового регулирования [4].

Использование понятия «интерес» в правовом регулировании и правоприменительной практике имеет важное значение и является существенным основанием для его изучения. Тенденции развития современного административного права не позволяют говорить о возможности четкого разграничения частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях.

На основании анализа юридической литературы мы выделили различные типы юридических

механизмов, которые позволяют наилучшим образом обеспечить баланс между частными и общественными интересами путем сочетания стимулирования и ограничений.

Следует согласиться с мнением Н.М. Коршунова, согласно которому содержание взаимоотношения частного и публичного права состоит в сочетании управомочивающего, запрещающего и обязывающего способов правового воздействия, которое направлено на стимулирование или ограничение индивидуально-волевой обусловленности возникновения, содержания и реализации прав и обязанностей участников частных и публичных сфер общественных отношений [5].

Административный договор представляет собой результат смешения двух начал в праве – частного и публичного, поэтому требования к законности данного соглашения были заимствованы у такого публичного института, как административный акт. К ним относят необходимость придерживаться определенного круга субъектного состава и совершение действий в пределах компетенции [6].

Взаимодействие частноправовых и публично-правовых начал в регулировании административно-договорных правоотношений представляет собой динамическую связь между различными отраслями права их институтами в процессе правоприменения. При этом указанное взаимодействие может происходить на различных уровнях – межотраслевом и между институтами различных отраслей. Проблема баланса интересов лежит в нескольких плоскостях, включая его роль в административно-договорных правоотношениях, как правовой принцип и цель правового регулирования. Принцип баланса интересов должен являться основополагающим в правовой системе, а в административном праве он применяется как специфический принцип.

Баланс между частными и публичными интересами в административно-договорных правоотношениях можно достигнуть при наличии принципов невмешательства органов государственной власти в механизм реализации административно-договорного обязательства. По нашему мнению, под балансом интересов в административно-договорном правоотношении необходимо понимать соответствующее состояние данного правоотношения, при котором содержание прав и обязанностей субъектов соразмерно с учетом возможности реализации и защиты своих интересов.

При этом баланс интересов должен соблюдаться на всех этапах развития административно-договорного правоотношения – с момента возникновения и до момента прекращения.

Особое значение при определении баланса интересов приобретает вопрос о защите того субъек-

екта, который условно является более слабой стороной правоотношения, то есть не наделен государственно-властными полномочиями или находится в состоянии подчиненности.

Как верно отмечается в юридической литературе [10], неравенство субъектов, вступающих в административно-договорные правоотношения, и злоупотребление свободой договора может стать препятствием в соблюдении баланса интересов. Данное обстоятельство обуславливает необходимость соблюдения субъектами принципов договорных правоотношений (справедливости, добросовестности, эквивалентности и иных).

Особенности обеспечения баланса интересов в различных видах правоотношений определяется такими факторами, как объект и вид правоотношения. Применительно к административно-договорным правоотношениям, которые следует отнести к относительным, в рамках которых субъекты определены, особое значение приобретает проблема защиты прав слабой стороны в данном правоотношении.

В связи с этим необходимо также указать, что правовое регулирование административно-договорных правоотношений, сочетающее в себе частноправовые и публично-правовые начала, осуществляется, в том числе, и с целью защиты более слабого субъекта.

Существует возможность возникновения конфликта между частными и публичными интересами, при котором публичные интересы могут превалировать над частными. В таких случаях публичные интересы могут препятствовать осуществлению частных интересов или ограничивать права и свободы, связанные с частными интересами. Соответственно, частные интересы могут подавлять реализацию публичных интересов, создавая вторую модель конфликта.

Ю.А. Тихомиров при исследовании причин возникновения возможных конфликтов частных и публичных интересов определил среди них: преобладание публичного интереса и подавление им частного интереса; преувеличенная оценка частных интересов и забвение публичных; давление негативного неправового интереса, и, соответственно, наоборот, позитивное давление интереса, непризнанного правом [11].

В рамках административно-договорных правоотношений конфликт между частными и публичными интересами включает в себя несколько элементов, таких как субъекты, объект, содержание и правовые последствия. Субъектами конфликта частных и публичных интересов являются стороны данного отношения, которые будут выступать участниками конфликта интересов. Объектом конфликта частных и публичных интересов яв-

ляются юридические права и обязанности сторон, связанные с выполнением принятых обязательств. Содержание конфликта частных и публичных интересов заключается, по нашему мнению, во вмешательстве в интересы другой стороны, что приводит к противоречию между частными и публичными интересами. Ограничение определенного субъективного права, предусмотренного законом, является основным содержанием конфликта частных и публичных интересов [11].

В рамках административно-договорных правоотношений действия частных субъектов могут затрагивать права публичных субъектов, которые закреплены в нормативных правовых актах и выражены в полномочиях органов публичной власти. Ограничение публичных субъектов в осуществлении своих полномочий также может выступать в качестве содержания конфликта частных и публичных интересов [11].

Как нам представляется, конфликты публичных и частных интересов не возникают только из-за объективных внешних факторов. Они также могут быть вызваны признанием или непризнанием третьими лицами определенных интересов, что приводит к их несоответствию и столкновению.

В рамках административно-договорных правоотношений субъектам представляется возможным достичь соглашения по обеспечению реализации соответствующих интересов с учетом установления гарантий их защиты. Полагаем, законодателю необходимо учитывать степень государственного вмешательства в различные отрасли частноправовых отношений и создавать сбалансированное правовое регулирование. Очень важно при этом разграничить и защитить как частные, так и публичные интересы.

Ограничения, установленные в законодательстве и направленные на достижение публичных целей, могут вызывать конфликт между частными и публичными интересами. В результате такого конфликта частные субъекты могут ощущать препятствия в осуществлении своих прав в полной мере и по своему усмотрению. Даже при достижении определенного баланса между этими интересами конфликт может оставаться неразрешимым, поскольку частные субъекты всегда будут считать себя в некоторой степени ограниченными в своих правах.

Обсуждение и заключение

Проведенный в рамках данного исследования анализ позволил сформулировать следующие основные выводы:

1. Под балансом публичных и частных интересов в административно-договорных правоотношениях необходимо понимать такое состояние правоотношений, которое обеспечивает высокий интерес субъектов для реализации принятых на себя обязательств, несмотря на установленные органами публичной власти пределы и ограничения.

2. Механизм определения пределов публично-правового регулирования характеризуется гибкостью границ, которые могут изменяться в результате процесса конкретизации публичного интереса. Это означает, что границы между частными и публичными интересами в административно-договорных правоотношениях могут быть подвижными и подвержены изменениям в зависимости от обстоятельств и потребностей общества.

3. В качестве условия, препятствующего обеспечению баланса интересов в исследуемых правоотношениях, будет выступать недостаточная определенность мер защиты и ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. Второе издание, дополненное и переработанное. Москва: Изд. Тихомирова М.Ю., 2005. 697 с.
2. Стариков Ю.Н., Давыдов К.В. Административный договор в системе государственного управления: назначение, правовые условия, виды // Административное право и процесс. 2013. № 5. С. 4-9.
3. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2019. 440 с.
4. Ахметова Г.З. Система институтов российского договорного права: единство, дифференциация, взаимодействие: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2017. 174 с.
5. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 238 с.
6. Рогачева О.С., Кошеварова Е.А. Административный договор как основание возникновения административно-договорного обязательства // Административное право и процесс. 2012. № 12. С. 39 - 42.
7. Осинцев Д.В. Методы административно-правового воздействия: автореф. дис. д-ра юрид. наук: 12.00.14. Екатеринбург, 2013. 54 с.
8. Романовский С.В. Принцип сочетания частных и публичных интересов в гражданском праве: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2008. 31 с.

9. Хужин С.М. Договорное регулирование в публичном праве / Современные проблемы российского частного и публичного права: сборник научных трудов / под ред. С.М. Хужина, А.М. Архипова, А.М. Хужина. Нижний Новгород: Нижегородская правовая акад., 2009. С .188.
10. Пьянкова А.Ф. Баланс интересов в гражданском праве России и его обеспечение в договорных отношениях: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2008. 29 с.
11. Тихомиров Ю.А. Интерес в публичном и частном праве: согласование и противоборство // Интерес в публичном и частном праве / под ред. Ю. А. Тихомирова и [др.]. Москва, 2002. С. 5.
12. Галкин В.И. Соотношение частных и публичных интересов при осуществлении права собственности на недвижимое имущество: дис. канд. ... юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2020. 205 с.

REFERENCES

1. Tihomirov YU.A. Administrativnoe pravo i process: polnyj kurs. Vtoroe izdanie, dopolnennoe i pererabotannoe. Moskva: Izd. Tihomirova M.YU., 2005. 697 s.
2. Starilov YU.N., Davydov K.V. Administrativnyj dogovor v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: naznachenie, pravovye usloviya, vidy // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 5. S. 4-9.
3. Bakulina L.T. Obschchaya teoriya dogovornogo pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01. Moskva, 2019. 440 s.
4. Ahmetova G.Z. Sistema institutov rossijskogo dogovornogo prava: edinstvo, differenciaciya, vzaimodejstvie: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. Kazan', 2017. 174 s.
5. Korshunov N.M. Konvergenciya chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki: monografiya. Moskva: Norma: INFRA-M, 2020. 238 s.
6. Rogacheva O.S., Koshevarova E.A. Administrativnyj dogovor kak osnovanie vzniknoveniya administrativno-dogovornogo obyazatel'stva // Administrativnoe pravo i process. 2012. № 12. S. 39 - 42.
7. Osincev D.V. Metody administrativno-pravovogo vozdejstviya: avtoref. dis. d-ra jurid. nauk: 12.00.14. Ekaterinburg, 2013. 54 s.
8. Romanovskij S.V. Princip sochetaniya chastnyh i publichnyh interesov v grazhdanskom prave: avtoref. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. Moskva, 2008. 31 s.
9. Huzhin S.M. Dogovornoe regulirovanie v publichnom prave / Sovremennye problemy rossijskogo chastnogo i publichnogo prava: sbornik nauchnyh trudov / pod red. S.M. Huzhina, A.M. Arhipova, A.M. Huzhina. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akad., 2009. S .188.
10. P'yankova A.F. Balans interesov v grazhdanskom prave Rossii i ego obespechenie v dogovornyh otnosheniyah: avtoref. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. Moskva, 2008. 29 s.
11. Tihomirov YU.A. Interes v publichnom i chastnom prave: soglasovanie i protivoborstvo // Interes v publichnom i chastnom prave / pod red. YU. A. Tihomirova i [dr.]. Moskva, 2002. S. 5.
12. Galkin V.I. Sootnoshenie chastnyh i publichnyh interesov pri osushchestvlenii prava sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo: dis. kand. ... jurid. nauk: 12.00.03. Moskva, 2020. 205 s.

Информация об авторе:

Попов Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, apopov332@mvd.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Popov Alexander Ivanovich, Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Ryazan branch of the Vladimir Kikot Moscow University of MIA of Russia, apopov332@mvd.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 01.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 342.951
DOI: 10.37973/KUI.2023.82.40.006

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Вильсур Фирдависович Саётгараев,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, vilson78@list.ru
Вадим Михайлович Пашин,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

Аннотация

Введение: в статье раскрываются правовые основы сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества по противодействию коррупции, проводится анализ нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы их совместной деятельности, рассмотрены виды нормативных источников. Изложены практические рекомендации по совершенствованию и систематизации правового обеспечения противодействия коррупции органами внутренних дел совместно с институтами гражданского общества.

Материалы и методы: материалами исследования послужили антикоррупционное законодательство и ведомственные нормативные правовые акты, официальные статистические данные и научные публикации. Основой системного рассмотрения общественных отношений, функционирования органов внутренних дел, регулируемых правовыми предписаниями, выступили диалектические принципы всеобщей связи и развития социальных явлений, а также общенаучные и специальные методы познания.

Результаты исследования: анализ нормативной правовой базы, регламентирующей совместную деятельность органов внутренних дел с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции, а также правоприменительной практики позволили выработать рекомендации по совершенствованию правового регулирования совместной деятельности в рассматриваемой сфере.

Обсуждение и заключения: сформулированные авторами предложения по развитию правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции существенно повлияют на повышение эффективности антикоррупционной политики.

Ключевые слова: органы внутренних дел; институты гражданского общества; сотрудничество; противодействие коррупции; правовое регулирование

© Саётгараев В.Ф., Пашин В.М., 2023

Для цитирования: Саётгараев В.Ф., Пашин В.М. Совершенствование правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 48 – 56. DOI: 10.37973/KUI.2023.82.40.006

Scientific article
UDC 342.951
DOI: 10.37973/KUI.2023.82.40.006

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF COOPERATION BETWEEN INTERNAL AFFAIRS AND INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY IN ANTI-CORRUPTION

Vil'sur Firdavisovich Saetgaraev,
the Kazan Law Institute, Kazan', Russia,
Vadim Mihailovich Pashin,

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Abstract

Introduction: the article reveals the legal basis for cooperation between the internal affairs bodies and civil society institutions in combating corruption, analyzes the regulatory legal acts affecting the issues of their joint activities, and considers the types of regulatory sources. Practical recommendations for improving and systematizing the legal support for combating corruption by the internal affairs bodies together with civil society institutions are outlined.

Materials and Methods: the materials of the study were anti-corruption legislation and departmental regulations, official statistics and scientific publications. The dialectical principles of universal connection and development of social phenomena, as well as general scientific and special methods of cognition, served as the basis for a systematic consideration of social relations, the functioning of internal affairs bodies regulated by legal prescriptions.

Results: the analysis of the legal framework for cooperation between internal affairs bodies and civil society organizations in the fight against corruption, as well as the legal practice of this activity, provides recommendations for better regulation of cooperation.

Discussion and Conclusions: suggestions for the promotion of legal regulation of the cooperation between internal affairs bodies and civil society organizations in the fight against corruption will help to increase the effectiveness of anti-corruption policy.

Keywords: internal affairs bodies; civil society institutions; cooperation; anti-corruption; legal regulation
© Saetgaraev V.F., Pashin V.M., 2023

For citation: Saetgaraev V.F., Pashin V.M. Improvement of Legal Regulation of Cooperation Between Internal Affairs and Institutions of Civil Society in Anti-Corruption. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):48 – 56. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.82.40.006

Введение

При всем многообразии теоретических и практических подходов к организации противодействия коррупции сегодня не подвергается сомнению тезис, согласно которому государство не сможет эффективно выполнять данную задачу без привлечения к выработке и реализации антикоррупционной политики институтов гражданского общества. Несмотря на то, что совместные действия правоохранителей и общественности напрямую закреплены в антикоррупционном законодательстве и документах стратегического планирования, отмечается недостаточность систематизации ее организационно-правовых средств. Согласно официальным статистическим данным, по количеству ежегодно выявляемых коррупционных преступлений на всей территории страны ведущими среди правоохранительных структур

выступают органы внутренних дел (далее – ОВД) [1, с. 277-278].

Существующая структура ОВД Российской Федерации, продолжая испытывать кардинальные процессы реформирования, чтобы отвечать современным требованиям общества, нуждается в дальнейшем совершенствовании организационного и правового обеспечения. Задачи противодействия коррупции, стоящие перед ОВД, и прежде всего перед их специализированными подразделениями, многоаспектны, их решение невозможно без объединения сил с институтами гражданского общества и правового регулирования организации этих отношений.

Под правовым регулированием понимается форма регулирования общественных отношений, посредством которой поведение их участников приводится в соответствие с требованиями, со-

держаться в нормах права. Механизм правового регулирования включает в себя правовые нормы, правовые отношения, правовую ответственность, правовое сознание и т.д.¹ Единый нормативный правовой акт, регламентирующий совместную работу по противодействию коррупции с институтами гражданского общества, в МВД России в настоящее время отсутствует, данные нормы отражены в различных ведомственных нормативных правовых документах по основным направлениям оперативно-служебной деятельности.

Как свидетельствует международный опыт, институты гражданского общества выступают действенным инструментом противодействия коррупции, так как именно они помогают предотвращать и изобличать коррупционные факты. В связи с этим можно констатировать, что только сотрудничество правоохранительных структур и представителей гражданского общества обеспечит положительный результат в противодействии коррупции.

Обзор литературы

Вопросам противодействия коррупции, организации взаимодействия с институтами гражданского общества и правового регулирования правоохранительной деятельности посвящены научные исследования А.С. Автономова, Р.Р. Алиуллова, Б.Я. Гаврилова, И.Ю. Захватова, П.А. Кабанова, Е.В. Киричёка, А.М. Кононова, М.А. Молчановой, Ю.Г. Наумова, Ю.А. Тихомирова, Ю.В. Трунцевского, Т.Я. Хабриевой и других ученых.

Отмечая неопределимый вклад перечисленных авторов, констатируем, что правовой механизм противодействия коррупции как правовое явление и его контекст совместной антикоррупционной деятельности с институтами гражданского общества все еще находятся в поле зрения исследователей.

Материалы и методы

Основу изучения объекта исследования составили диалектико-материалистический метод, комплекс общенаучных (формально-логический, абстрагирование, структурно-функциональный, системно-структурный и др.) и специальных (статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и др.) методов познания. Эмпирическими данными выступили международные и отечественные антикоррупционные нормативные правовые доку-

менты, а также научные работы по теме исследования.

Обобщение полученных научных знаний способствовало обоснованию теоретических выводов и практических рекомендаций. Использование такого частного метода познания, как изучение нормативных правовых документов, дало возможность сопоставить внешние и внутренние факторы, выделить отличительные тенденции, установить сформированность знаний, обобщить эмпирические данные, сформулировать выводы и решения. Применение перечисленных научных методов обеспечило воплощение требований системного, ситуационного и комплексного подходов анализа исследуемых общественных отношений.

Результаты исследования

Становление российского антикоррупционного законодательства осуществляется с начала 90-х годов XX века. С момента образования суверенной России идет процесс создания механизмов противодействия коррумпированности государственного аппарата. Но формирование реальной правовой базы, предусматривающей взаимодействие уполномоченных органов государственной власти и управления в сфере противодействия коррупции с представителями гражданского общества, началось в России в 2006 году после ратификации Российской Федерацией Конвенции ООН против коррупции и Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию². Став частью российской правовой системы, указанные международные акты создали реальные предпосылки для формирования в России системы органов, занимающихся противодействием коррупции, и активного включения в данную деятельность институтов гражданского общества.

Важнейшим элементом механизма сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции выступает его правовая основа. Она представляет собой общие правила поведения, установленные государством, которые имеют общеобязательную силу, регулируют совместную деятельность в рассматриваемой сфере, наделяют участников соответствующими правами и обязанностями, а также устанавливают их ответственность.

Проведенный анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы совместной деятельности ОВД и институтов гражданского

¹ Яськов Е.Ф. Теория и практика управления: словарь-справочник. Москва: Академия управления МВД России, 1997. С. 166.

² С 01.07.2023 прекратила действие на территории Российской Федерации в связи с ее денонсацией Федеральным законом от 28.02.2023 «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Сохранение законодательства Российской Федерации. 2023. № 10. Ст. 1565.

общества по противодействию коррупции, не позволяет говорить о существовании отдельной правовой подсистемы в данной области. Правовые нормы рассредоточены в различных нормативных правовых актах: национальных¹ и международных², которые, в свою очередь, детально конкретизированы: в базовых федеральных законах³; документах стратегического планирования⁴, составляющих важную правовую основу сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества, определяющие дальнейшее его совершенствование; указах и иных актах Президента России⁵; постановлениях и распоряжениях Правительства РФ⁶; межведомственных⁷ и ведомственных нормативных правовых актах МВД России⁸. Подзаконные правовые акты выполняют функцию обеспечения действия закона, то есть относятся к правовым средствам (гарантиям) реализации права [2, с. 261]. Особенностью ведом-

ственного нормативного регулирования, отмечает Ю.Г. Арзамасов, является то, что оно позволяет разгрузить закон от деталей «технологического порядка», характерных только для деятельности отдельного министерства или ведомства [3, с. 70].

Изучение нормативных правовых актов, регламентирующих совместную деятельность подразделений МВД России с гражданами и их объединениями, позволяет констатировать, что в них содержится не более чем «норма-принцип» об организационном подходе к деятельности подразделения во взаимодействии с внешними субъектами, которая повторяется в каждом Типовом положении подразделения МВД России, либо они посвящены вопросам взаимодействия по конкретным направлениям правоохранительной деятельности⁹. При этом представляется принципиально важным рассматривать совместную деятельность ОВД и институтов гражданского общества в ре-

¹ Конституция РФ, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, иных федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и муниципальные правовые акты.

² Основные: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ); Конвенция против транснациональной организованной преступности (ратифицирована Федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ).

³ Федеральные законы: от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»; от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных актов»; от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»; от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ; от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»; от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и др.

⁴ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; Концепция общественной безопасности в РФ, Стратегия национальной безопасности РФ; Стратегия экономической безопасности РФ; Стратегия противодействия коррупции РФ; Национальный план противодействия коррупции; Государственная программа РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» и др.

⁵ Указы Президента РФ: от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции»; от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»; от 23.05.2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах»; от 28.07.2011 № 1027 «Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации» и др.

⁶ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») и др.

⁷ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023.

⁸ Приказы МВД России: от 16.03.2015 № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ст. 6, 13.16); от 16.06.2011 № 679 «Об утверждении Положения о Главном управлении собственной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ст. 7); от 09.01.2018 № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» (ст. 4 Приложения №1, ст. 4 Приложения №1, ст. 4 Приложения №3, ст. 4 Приложения №4); от 28.06.2016 № 343 «Вопросы Управления по организации дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ст. 6), от 16.06.2011 № 683 «Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ст. 7, 8); от 05.06.2017 № 355 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне» (ст. 6); от 15.06.2011 № 636 «Об утверждении Типового положения о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте» (ст. 8); от 01.09.2017 № 690 «Об утверждении Типового положения об отделе (отделении, пункте) полиции территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне» (ст. 6); от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» п. 2 раздел 1); от 24.02.2012 № 120 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в системе МВД России» (глава 2); от 12.09.2013 № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» и др.

⁹ Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, рассмотрение обращений граждан и др.

шении вопросов противодействия коррупции в качестве сотрудничества, как наиболее организованную форму взаимодействия. Категория «сотрудничество», закрепленная в федеральном законе «О полиции»¹, в самом тексте не раскрывается, в других нормативных правовых документах встречается редко². В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»³ близкие по смыслу термины «содействие» и «сотрудничество» постоянно чередуются в различных по содержанию формулировках. Уточнение понятийного аппарата дает возможность расширения по использованию различных форм противодействия, способствует разграничению содержания видов ответственности, а также минимизирует правоприменительные ошибки.

Вследствие отсутствия ведомственного нормативного правового акта МВД России, регулирующего вопросы сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции, определяющего цели, задачи, принципы, формы (методы), критерии оценки и т.д., в практической деятельности возникают сложности в выстраивании взаимоотношений указанных субъектов. Ранее действовал приказ МВД России от 1 января 2009 г. № 1 «Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и институтами гражданского общества на 2009-2014 годы»⁴, который определял цели, задачи и основные направления совершенствования взаимодействия ОВД РФ со СМИ, политическими и религиозными организациями, а также иными институтами гражданского общества. Однако данный приказ рассматривал общие вопросы взаимоотношений ОВД и ответственности, не регулируя конкретно общественные отношения по противодействию коррупции. После прекращения его действия новый приказ, регулирующий отношения с институтами гражданского общества, принят не был, хотя имелись соответствующие научные разработки в Академии управления МВД России [4]. Следует отме-

тить, что отдельный нормативный правовой документ МВД России по объединению усилий ОВД с институтами гражданского общества именно по противодействию коррупции не принимался.

Таким образом, анализ антикоррупционного законодательства РФ и ведомственных нормативных правовых актов МВД России дает основание утверждать, что необходимость объединения сил ОВД и институтов гражданского общества лишь констатируется: оно выделено в качестве принципа совместной деятельности полиции; передаются самые общие представления о взаимодействии и сотрудничестве, конкретизация же процедуры данных взаимоотношений остаётся за рамками нормативного правового регулирования. С учетом декларативного характера правового регулирования совместной деятельности ОВД с институтами гражданского общества по противодействию коррупции представляется крайне важной дальнейшая работа по совершенствованию правового регулирования данного направления. При всей важности и многогранности организации такого сотрудничества добиться отражения в нормативных актах всех нюансов данной проблемы, по нашему мнению, практически невозможно. Полагаем, значительный потенциал содержится в положительном опыте субъектов РФ на примере развития регионального законодательства⁵ и правоприменительной практики.

Рассмотренные выше правовые нормы представляют собой правовую основу сотрудничества ОВД с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции, под которой следует понимать совокупность нормативных правовых актов, регламентирующих отношения, возникающие в сфере этой деятельности. В целом она включает: ратифицированные международные конвенции, Конституцию РФ, федеральные законы, указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ и принятые в соответствии с ними ведомственные нормативные правовые акты МВД России, которые в своей совокупности представляют правовой механизм рассматриваемого сотрудничества.

¹ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 900.

² Например: Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции: инструкция по организации деятельности внештатных сотрудников полиции, утвержденная приказом МВД России от 10.01.2012 № 8; пункт 2 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и др.

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349; 2019. № 31. Ст. 4470.

⁴ Утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 23.01.2016 № 34 «О признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России».

⁵ Например: О противодействии коррупции в Республике Татарстан: Закон РТ от 04.05.2006 № 34-ЗРТ (принят ГС РТ 30.03.2006) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2006. № 5. ст. 1464; Об утверждении Государственной программы «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015 - 2023 годы: постановление КМ РТ от 19.07.2014 № 512 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 08.08.2014. № 58-59. ст. 1789.

Таким образом, правовой механизм сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества представляет собой единую систему правовых средств, при помощи которых должно обеспечиваться результативное правовое воздействие на взаимоотношения субъектов в сфере противодействия коррупции.

Обсуждение и заключение

Среди основных задач правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России в 2022 - 2026 годах следует выделить следующие: совершенствование нормативно-правового регулирования оперативно-служебной деятельности ОВД в сфере противодействия преступлениям в области коррупции (п. 2 ст. 4, гл. 2)¹.

Национальная стратегия противодействия коррупции² установила цель данного процесса в искоренении причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе. Достижение этой цели возможно путем формирования соответствующих потребностям времени законодательных и организационных основ противодействия коррупции.

Для решения сложных задач урегулирования общественных отношений юридической техникой используются *концепции*, предназначенные для обозначения ведущего замысла, конструктивного принципа в юридической и других видах деятельности. Концепция (от лат. *conceptio* – понимание, система) рассматривается как определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная точка зрения на предмет или явление, руководящая идея для их систематического освещения [5, с. 591]. Ведомственная позиция МВД России рассматривает концепцию как документ стратегического планирования, который представляет собой систему взглядов на деятельность по обеспечению национальной безопасности РФ в рамках ее отдельных направлений³. Посредством различных концеп-

ций МВД России реализует широкий спектр мер по правовому регулированию важных вопросов оперативно-служебной деятельности⁴. Вопросы совершенствования правового регулирования возможно унифицировать в рамках реализации Концепции совершенствования сотрудничества ОВД с институтами гражданского общества по противодействию коррупции (далее – Концепция), положения которой могут способствовать синхронизации усилий ОВД и институтов гражданского общества [6, с. 40]. Предложение о разработке данной Концепции было сформулировано еще расширенной рабочей группой экспертов в Дорожной карте дальнейшего реформирования ОВД РФ⁵, основное содержание которой должно было ориентировать на раскрытие механизма сотрудничества ОВД с институтами гражданского общества по различным направлениям правоохранительной деятельности, включая противодействие коррупции. Формирование данного механизма соответствует приоритетам государственной антикоррупционной политики, направленной, в первую очередь, на выработку и осуществление при участии государства и общества комплексных и последовательных мер по нейтрализации коррупции во всех сферах общественной жизни.

Выстроенная по аналогии с существующей моделью государственной антикоррупционной политики, Концепция призвана сообщить основные параметры ведомственной системы противодействия коррупции: цель, задачи, принципы, организационную структуру, субъектов, средства, формы и методы, критерии оценки, этапы и т.д. с ведущей ролью в этой системе ОВД. Концепция выступает в качестве программного документа совершенствования исследуемого сотрудничества и поэтапного воплощения мер повышения эффективности противодействия коррупции совместными силами, позволяющего систематизировать актуальную правовую базу совместной деятельности ОВД и институтов гражданского общества,

¹ Приоритетные направления правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2022 по 2026 год: утверждены Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В.А. Колокольцевым 21.12.2021.

² О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы: указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 // Собрание законодательства РФ. 19.04.2010 № 16. Ст. 1875.

³ Об утверждении Методических основ по организационному обеспечению в системе МВД России подготовки, корректировки и реализации документов стратегического планирования: распоряжение МВД России от 16.10.2020 № 1/11674.

⁴ Например: приказы МВД России от 09.01.2017 № 1 «Об утверждении Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 год»; от 13.11.2020 № 767 «Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года»; от 14.03.2012 № 169 «Об утверждении Концепции обеспечения информационной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации до 2020 года»; от 14.10.2021 № 760 «Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации»; от 19.09.2022 № 690дсп «Об утверждении Концепции обеспечения общественной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации до 2030 года» и др.

⁵ Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Професионал. 2013. № 1. С. 4-17.

осуществлять ее планирование, оценку и контроль.

Таким образом, совершенствование правового регулирования сотрудничества ОВД с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции предлагается путем разработки и реализации приказа МВД России «Об утверждении Концепции совершенствования сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества по противодействию коррупции», содержащего предложения по повышению эффективности исследуемого сотрудничества. Основные положения предлагаемой Концепции включают:

цель: эффективное комплексное использование потенциала ОВД и институтов гражданского общества по противодействию коррупции;

основные задачи: обеспечение профилактики, минимизации (ликвидации) коррупции; повышение антикоррупционного правосознания общества; осуществление совместных действий по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений; обеспечение взаимного обмена информацией; оказание правовой помощи гражданам, столкнувшимся с коррупционными проявлениями; защита лиц, информирующих о коррупционных проявлениях.

Сотрудничество основывается на принципах: разграничения сферы и предмета полномочий; постоянства; системности; приоритета применения предупредительных мер; социального партнёрства; выбора оптимальных форм и методов.

Формы организации сотрудничества концентрируются вокруг: совместной деятельности в составе рабочих групп и комиссий; совместной образовательной и научно-исследовательской деятельности; общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов; независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов; совместной деятельности в ходе предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования коррупционных преступлений и правонарушений, а также при обеспечении защиты лиц, заявляющих о фактах коррупции.

Основные направления повышения эффективности сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции связаны с устранением правовых пробелов в законодательстве путем внесения изменений в федеральные законы:

а) от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», дополнив положением, раскрывающим понятие «сотрудничество» как наиболее организованную форму взаимодействия;

б) от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», дополнив положением, раскрывающим меры по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупции с их дифференциацией;

в) от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» по введению в перечень субъектов общественного контроля, предусмотренных антикоррупционным законом «общественных комиссий», а также новой формы общественного контроля «общественное расследование»;

г) от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», по расширению круга лиц, на которых распространяются меры социальной поддержки, помимо лиц, непосредственно участвовавших и (или) участвующих в уголовном судопроизводстве.

Основные этапы: подготовительный и непосредственно реализующий совместные задачи, определяющий пределы сотрудничества посредством оценки степени достижения общих задач.

Система оценки эффективности сотрудничества: коэффициент вовлечения представителей институтов гражданского общества в противодействие коррупции, количественные и качественные показатели, а также результаты экспертного опроса.

Концепция выступает программным документом совершенствования исследуемого сотрудничества и поэтапного воплощения мер повышения эффективности противодействия коррупции совместными силами. Её реализация предполагает: воплощение принципов открытости и публичности деятельности МВД России; повышение уровня доверия граждан к ОВД; развитие сотрудничества на основе социального партнёрства; формирование гражданской активности и правосознания граждан; самореализации институтов гражданского общества и успешное выполнение ОВД задач по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина; формирование действенного организационно-правового механизма сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Саєтгараев В.Ф. Основные направления модернизации законодательства в сфере взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества по вопросам противодействия коррупции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3. С. 276 – 283. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.003.
2. Киричек Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2014. 537 с.
3. Арзамасов Ю.Г. Обеспечение прав человека и гражданина в нормотворческой деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 1998. 242 с.
5. Зимин А.В. Стратегия развития взаимодействия МВД России с институтами гражданского общества (проект) // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34). С. 9 – 17.
6. Арапова Г.У. Концепт, понятие и значение слова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1. С. 591 – 593.
7. Рашевский Ю.М., Саєтгараев В.Ф. Актуальные вопросы формирования эффективного механизма противодействия коррупции в России // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3 (39). С. 37 – 41.

REFERENCES

1. Saetgaraev V.F. Osnovnye napravleniya modernizatsii zakonodatel'stva v sfere vzaimodejstviya organov vnutrennih del i institutov grazhdanskogo obshchestva po voprosam protivodejstviya korrupcii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11, № 3. S. 276 – 283. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.3.003.
2. Kirichek E.V. Organizacionno-pravovoj mekhanizm obespecheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah vzaimodejstviya policii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii: dis... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2014. 537 s.
3. Arzamasov YU.G. Obespechenie prav cheloveka i grazhdanina v normotvorcheskoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Moskva, 1998. 242 s.
5. Zimin A.V. Strategiya razvitiya vzaimodejstviya MVD Rossii s institutami grazhdanskogo obshchestva (proekt) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 2 (34). S. 9 – 17.
6. Arapova G.U. Koncept, ponyatie i znachenie slova // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2016. № 1. S. 591 – 593.
7. Rashevskij YU.M., Saetgaraev V.F. Aktual'nye voprosy formirovaniya effektivnogo mekhanizma protivodejstviya korrupcii v Rossii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 3 (39). S. 37 – 41.

Информация об авторах:

Саєтгараев Вильсур Фирдависович, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0001-8209-5098, vilson78@list.ru

Пашин Вадим Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Saetgaraev Vilsur F., Lecturer at the Department of Investigative Activities of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ORCID: 0000-0001-8209-5098, vilson78@list.ru

Pashin Vadim M., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Пашин Вадим Михайлович – концепция и инициация исследования; осуществление критического анализа и доработка текста.

Саетгараев Вильсур Фирдависович – подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; поиск аналитических материалов в официальных источниках.

Статья получена: 17.07.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.6
DOI: 10.37973/KUI.2023.90.35.007

СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Артем Эрнестович Велиев,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
aeveliev@ya.ru

Аннотация

Введение: в статье изложено авторское видение системы уголовно-правовых средств, играющих роль в противодействии суицидальному поведению по действующему законодательству Российской Федерации.

Материалы и методы: при подготовке статьи применялись общенаучные и специально-юридические методы познания, в частности, формально-догматический, системный, логический. В ходе исследования использовались нормативные акты, акты судебного толкования, решения судов по конкретным делам, а также материалы доктринальных исследований.

Результаты исследования: сформулировано содержание системы уголовно-правовых средств противодействия суицидальному поведению, а также выявлены их особенности.

Обсуждение и заключение: автор приходит к выводу, что существующие в российском уголовном законодательстве средства противодействия суицидальному поведению могут быть разделены на две группы: общеуголовные и антисуицидальные, причём вторая группа подразделяется на специальные и казуальные.

Ключевые слова: самоубийство; суицид; суицидальное поведение; уголовное право; доведение до самоубийства; преступления, связанные с суицидом; квазисоучастие

© Велиев А.Э., 2023

Для цитирования: Велиев А.Э. Средства противодействия суицидальному поведению в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 57 – 62. DOI: 10.37973/KUI.2023.90.35.007

Scientific article
UDC 343.6
DOI: 10.37973/KUI.2023.90.35.007

MEANS TO COUNTERACT SUICIDAL BEHAVIOR IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Artem Ernestovich Veliev,
Volgograd State University, Volgograd, Russia, aeveliev@ya.ru

Abstract

Introduction: the article presents the author's viewpoint on the system of criminal law means that play a role in counteracting suicidal behaviour under the current legislation of the Russian Federation.

Materials and Methods: the author used a combination of general scientific and special-legal methodologies including dogmatic, systematic, and logical approaches. The study involved the analysis of relevant legal acts, acts of court interpretations, court decisions on specific cases, and academic papers of other authors.

Results: basing on the study results the author presents the contents of the system of criminal means to counteract suicidal behavior and identifies its characteristics.

Discussion and Conclusions: the author concludes that the means of counteracting suicidal behaviour in the Russian criminal legislation can be categorized into two groups: general criminal measures, and anti-su-

icide measures. The latter group can be further divided into special and case-by-case measures. The direct object of the offence, which is the independence of life disposal, is common to all anti-suicide norms.

Keywords: suicide; suicidal behaviour; criminal law; leading to suicide; crimes related to suicide; quasi-complicity

© Veliev A.E., 2023

For citation: Veliev A.E. Means to Counteract Suicidal Behavior in Russian Criminal Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):57 – 62. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.90.35.007

Введение

Российская Федерация продолжает оставаться одним из мировых лидеров по числу совершаемых самоубийств на душу населения¹. Государство прибегает к самым разным мерам борьбы с данным явлением, в том числе к средствам уголовного права.

За последние годы законодатель уделил немало внимания расширению и усовершенствованию системы уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с суицидальным поведением, что вызвало у исследователей повышенный интерес к данной проблематике. Вместе с тем, несмотря на достаточно подробную разработку отдельных вопросов, связанных с конкретными составами преступлений, средства уголовно-правового противодействия совершению самоубийств практически не подвергались осмыслению в качестве особой, специфической группы правовых норм.

Обзор литературы

Несмотря на значительную актуальность вопросов, связанных с уголовно-правовой регламентацией ответственности за совершение деяний, создающих предпосылки для суицида, доктринальные попытки рассмотрения такого рода норм в комплексе остаются немногочисленными. Так, в качестве единого института рассматривает статьи 110 – 110² УК РФ Н.М. Елисеева, которая предлагает объединять соответствующие преступления в рамках термина «квазисоучастие в самоубийстве» [1, с. 46-47, 53]. Автор другого комплексного исследования в данной сфере – М.А. Артамонова – выделяет категорию «преступлений, связанных с суицидом», которую также ограничивает деяниями, предусмотренными статьями 110 – 110² УК РФ [2, с. 72]. Такое понимание уголовно-правового противодействия суицидальному поведению представляется небесспорным.

Материалы и методы

В ходе исследования применены общенаучные и специально-юридические методы познания, в

частности, формально-догматический, системный, логический. Материалами для исследования послужили нормативные акты, акты судебного толкования, решения судов по уголовным делам, а также научные источники, в которых затрагивались соответствующие вопросы.

Результаты исследования

При определении круга уголовно-правовых средств противодействия суициду исследователи зачастую ограничиваются нормами статей 110-110² УК РФ. Однако такое понимание, по нашему мнению, является неоправданно узким, поскольку в действующей системе уголовного права число норм, в той или иной мере направленных на сдерживание суицидального поведения, значительно больше, и реализуются они сразу на нескольких уровнях.

Во-первых, закон рассматривает в качестве преступлений целый ряд общественно опасных способов самоубийства. В обычных условиях современное уголовное право не преследует действия, в результате которых лицо добровольно причиняет вред самому себе. Однако такой принцип действует лишь до тех пор, пока такие действия не вредоносны для окружающих. Поэтому хотя сам по себе суицид в современной России не наказуем, в ряде случаев попытки суицида и парасуицида могут преследоваться в связи с другими общеуголовными запретами, которые, следовательно, приобретают связь с суицидом *ad hoc*.

Любые подобные деяния в зависимости от конкретных обстоятельств подлежат квалификации по соответствующим статьям УК РФ. Так, С. был осуждён по части 3 статьи 30, пункту «б» части 2 статьи 105 УК РФ и по части 3 статьи 321 УК РФ за покушение на убийство сотрудника исправительного учреждения. При этом, согласно показаниям осуждённого, нападение им было совершено в надежде, что при задержании убьют его самого². В качестве другого примера можно привести приговор в отношении К.³ Проживая со-

¹ Suicide rates // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mental-health/suicide-rates> (дата обращения: 07.12.2023).

² Определение ВС РФ от 18.02.2010 по делу № 73-О10-4 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционный приговор Верховного суда Республики Коми № 22-847/2018 от 17 мая 2018 г. по делу № 22-847/2018 // СПС «СудАкт».

вместно со своей престарелой матерью и устав в одиночку организовывать и осуществлять быт в частном доме, К. решил покончить жизнь самоубийством путём отравления угарным газом, убив при этом и мать, поскольку полагал, что та тяжело больна и из-за этого испытывает страдания. Убедившись, что его мать спит, он затопил печь, топка которой выходила в комнату матери, закрыл задвижку дымохода, расположенную в другой комнате, и лёг в комнате, где находилась потерпевшая, куда начали поступать продукты горения дров из топки печи. Преступление было пресечено М., которая зашла, чтобы навестить престарелую женщину, а содеянное квалифицировано по части 3 статьи 30, части 1 статьи 105 УК РФ.

При определённых условиях под признаки состава преступления подпадают и акты парасуицида, т. е. такой разновидности суицидального поведения, при котором причинение вреда собственному здоровью в действительности не имеет окончания жизни своей конечной целью. Например, рядовой С. был признан виновным по части 1 статьи 339 УК РФ, в связи с тем, что, имея намерение путём симуляции психического расстройства временно уклониться от прохождения военной службы, он нанёс себе лезвием канцелярского ножа резаную рану верхней трети предплечья. Несмотря на установление отсутствия цели лишить себя жизни, по медицинским критериям деяние С. было расценено как суицидальная попытка, что, впрочем, не отменяет его уголовной наказуемости¹.

Разумеется, составы названных выше преступлений имеют своей задачей не только и не столько предотвращение суицида. Тем не менее риск в случае неудачи подвергнуться уголовному преследованию может стать достаточной мотивацией, для того чтобы предпочесть менее общественно опасный способ сведения счётов с жизнью. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать перечисленные нормы как своего рода вспомогательное средство борьбы с суицидом, а точнее – с его отдельными, общественно опасными способами. С учетом того что самоубийство в таких преступлениях не относится к признакам состава, их связь с суицидом можно характеризовать как фактическую, а не юридическую.

В этом плане им противоположны те составы преступлений, в которых субъектом выступает не сам суицидент, а то лицо, которое тем или иным образом создаёт условия, подталкивающие к совершению самоубийства. Такие преступления явно или имплицитно связаны с суицидом уже на уровне конструкции состава преступления.

Антисуицидальные составы преступлений делятся на две подгруппы. Первая из них представлена преступлениями, уже основные составы которых направлены на предупреждение суицида, совершённого под влиянием третьих лиц, и именно это влияние является уголовно наказуемым. Действующий уголовный закон предусматривает ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110), склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110¹), содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110¹) и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110²). Назовём такие антисуицидальные составы специальными.

Вторая подгруппа включает уголовно-правовые нормы, своим основным объектом имеющие самые разные общественные отношения, однако в силу их конструкции квалифицированным составом преступления охватываются и тяжкие последствия в виде самоубийства потерпевшего или попытки его совершения. Такое понимание тяжких последствий было дано в целом ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где прямо указывается на такие преступления, как изнасилование и насильственные действия сексуального характера (п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132)², злоупотребление должностными полномочиями и их превышение (ч. 3 ст. 285 и п. «в» ч. 3 ст. 286)³, а также склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «б» ч. 3 ст. 230)⁴. Кроме того, указанный квалифицирующий признак может вменяться и в других случаях, например, широкое распространение в судебной практике получили приговоры по делам о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, повлёкшем тяжкие последствия (ч. 3 ст. 335). Хотя в тексте статей такого рода суицид не упоминается, дан-

¹ Приговор 61 гарнизонного военного суда № 1-29/2013 от 15 октября 2013 г. СПС «СудАкт».

² О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16, п. 13. СПС «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19, п. 21. СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 15.06.2006 № 14, п. 28. СПС «КонсультантПлюс».

ное обстоятельство не препятствует включению соответствующих составов преступлений в круг антисуицидальных, поскольку содержание правовой нормы не сводится к тексту той или иной структурной единицы нормативного акта. С учётом сложившегося понимания термина «тяжкие последствия» можно утверждать, что в таких статьях суицид потерпевшего просто «выносятся за скобки» законодательных формулировок, оставаясь, тем не менее, одним из возможных вариантов фактической реализации квалифицирующего признака, имеющего существенное значение для уголовно-правовой оценки содеянного. Поскольку признак самоубийства потерпевшего в составах, учитывающих тяжкие последствия преступления, является альтернативным и их антисуицидальная направленность проявляется только при определённых обстоятельствах конкретного дела (казуса), правовые нормы, входящие в данную группу, можно предложить именовать казуальными.

Также необходимо отметить, что антисуицидальные составы преступлений характеризуются ещё и особым объектом, который выделяет их на фоне других преступлений против жизни.

При определении объекта специальных антисуицидальных преступлений на родовом и видовом уровне особых разногласий не возникает: как известно, представление о них вполне дают уже деление Особенной части УК РФ и названия, данные его структурным единицам – разделам и главам соответственно [3, с. 214-215]. Таким образом, можно вполне уверенно заявлять, что родовым объектом специальных антисуицидальных составов является личность, а видовым – жизнь и здоровье человека.

Сложнее дело обстоит с непосредственным объектом данных преступлений. В теории данный вид объекта рассматривается как «объект отдельного конкретного преступления, часть родового объекта», которая представляет собою «какое-либо конкретное благо, на которое непосредственно направлено посягательство» [3, с. 215].

Как правило, авторы исследований, посвящённых составам преступлений, предусмотренных статьями 110-110² УК РФ, непосредственным объектом посягательства называют жизнь другого человека (см., например: [2, с. 70-71; 4, с. 68; 5, с. 201]). Сторонники концепции признания объектом преступления общественных отношений также называют в этом качестве общественные отношения, обеспечивающие «безопасность жизни» [6, с. 21], «безопасность жизни и здоровья психически здорового лица, достигшего 16-летнего воз-

раста» [7, с. 13-14], «право индивидуально определённого человека на собственную жизнь в её биологическом содержании» [8, с. 79] и т. п.

Думается, что приведённые выше позиции не отражают своеобразия антисуицидальных составов и никак не выделяют их из целого ряда других преступлений против жизни.

Жизнь является непосредственным объектом достаточно широкого спектра преступлений, однако несложно заметить, что антисуицидальные составы в структуре главы 16 УК РФ расположены обособленно, образуя относительно самостоятельную группу противоправных деяний. В связи с этим напрашивается вывод, что такое объединение неслучайно и основанием для группировки послужило нечто иное, более специфическое, чем просто общность жизни как объекта преступления. Очевидно, что все деяния, предусмотренные статьями 110-110² УК РФ, так или иначе имеют связь с суицидом. Однако остаётся открытым вопрос, что именно составляет то благо, на которое виновный посягает, становясь, тем самым, причиной самоубийства?

Достаточно близко, как кажется, подошёл к определению объекта суицидальных преступлений В.Ш. Аюпов, который, рассматривая состав доведения до самоубийства, обратил внимание на то, что от действий виновного страдает волеизъявление потерпевшего: «Непосредственным основным объектом... являются, с одной стороны, жизнь конкретной личности как неотъемлемое благо, естественное субъективное право на жизнь, а также общественные отношения, возникающие по поводу охраны и реализации данного субъективного права; с другой – к непосредственному объекту указанного преступления можно вполне справедливо отнести естественное субъективное право личности на свободу выбора по распоряжению указанным выше благом» [9, с. 125]. В то же время такое понимание не лишено и ряда недостатков.

Во-первых, называя жизнь непосредственным объектом преступления, данный автор смешивает понятия видового и непосредственного объекта. Как уже было сказано ранее, жизнь человека не является специфическим объектом рассматриваемых посягательств, её уголовно-правовой охране посвящены и другие статьи главы 16 УК РФ. Очевидно, что статьи 110-110² УК РФ должны обладать отличительной особенностью, которая и позволяет безошибочно выделять их среди других преступлений против жизни. Как верно отмечено во второй части приведённой выдержки, эта особенность заключена в своеобразном непосред-

ственным объекте, которым является не просто жизнь человека, а фактическая возможность лица распоряжаться ею.

Во-вторых, не совсем точным является в данном случае использование слова «свобода» для описания свойства воли, на которое посягает преступник. Дело в том, что словом «свобода» в русском языке обозначается «возможность проявления субъектом своей воли», «отсутствие ограничений, стеснений»¹. Однако именно на свободу выбора преступник не посягает, в конечном счёте оставляя решение вопроса об уходе из жизни полностью на усмотрение потерпевшего (в противном случае содеянное следовало бы расценивать как убийство). В то же время невозможно игнорировать, что это решение принимается под определённым влиянием, которое может склонить лицо к выбору именно смертельного варианта – потому оно и признаётся законодателем общественно опасным. В связи с этим представляется более корректным при определении охраняемого уголовным законом блага пользоваться не термином «свобода», а термином «самостоятельность», который как раз подразумевает совершение чего-либо «собственными силами, без посторонних влияний, без чужой помощи»².

Таким образом, можно сделать вывод, что для специальных антисуицидальных составов преступлений (статьи 110, 110¹, 110²) основным непосредственным объектом является самосто-

ятельность распоряжения жизнью. Что касается казуальных антисуицидальных составов, то самостоятельность распоряжения жизнью также является общим для всех них *дополнительным* объектом преступления, тогда как основной непосредственный объект должен определяться индивидуально, в зависимости от специфики соответствующего преступления.

Обсуждение и заключение

В ходе проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

1. Преступления, связанные с суицидом, не исчерпываются деяниями, перечисленными в статьях 110-110² УК РФ, а включают и другие общественно опасные деяния. Предлагаем классификацию соответствующих составов, построенную по признаку степени их специализированности:

- 1) общеуголовные;
- 2) антисуицидальные:
 - специальные;
 - казуальные.

2. Отличительной особенностью, позволяющей выделять антисуицидальные составы в самостоятельную группу уголовно-правовых норм, является их объект – самостоятельность распоряжения жизнью. Для специальных антисуицидальных составов он является основным, тогда как в казуальных то же благо выступает в качестве дополнительного объекта преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елисеева Н.М. Квасисоучастие в самоубийстве: актуальные проблемы криминализации и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Краснодар, 2020. 198 с.
2. Артамонова М.А. Преступления, связанные с суицидом: понятие, виды, проблемы законодательной регламентации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Уфа, 2022. 215 с.
3. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. Москва: Зерцало, 1999. 592 с.
4. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Москва, 2008. 218 с.
5. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 196 – 215.
6. Малетина М.А. Уголовно-правовая характеристика преступной причастности к самоубийству, не связанной с доведением до него: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Барнаул. 2021. 226 с.
7. Антипова А.В. Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения доведения несовершеннолетних до самоубийства: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Москва. 2020. 210 с.
8. Агафонов А.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. 201 с.
9. Аюпов В.Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 123 – 126.

¹ Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. Москва: АСТ, 2016. С. 566.

² Там же. С. 560.

REFERENCES

1. Eliseeva N.M. Kvazisouchastie v samoubijstve: aktual'nye problemy kriminalizacii i differenciacii otvetstvennosti: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Krasnodar, 2020. 198 s.
2. Artamonova M.A. Prestupleniya, svyazannye s suicidom: ponyatie, vidy, problemy zakonodatel'noj reglamentacii: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Ufa, 2022. 215 s.
3. Kurs ugovnogo prava. Obschaya chast'. Tom 1: Uchenie o prestuplenii / pod red. N.F. Kuznecovoj i I.M. Tyazhkovoj. Moskva: Zercalo, 1999. 592 s.
4. Ukolova YU.A. Problemy kvalifikacii dovedeniya do samoubijstva kak prestupnogo deyaniya: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Moskva, 2008. 218 s.
5. Krukovskij V.E., Mosechkin I.N. Ugolovno-pravovye problemy protivodejstviya deyatel'nosti, napravlennoj na pobuzhdenie k soversheniyu ubijstv i samoubijstv // Pravo. ZHurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2018. № 4. S. 196 – 215.
6. Maletina M.A. Ugolovno-pravovaya harakteristika prestupnoj prichastnosti k samoubijstvu, ne svyazannoj s dovedeniem do nego: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Barnaul. 2021. 226 s.
7. Antipova A.V. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye mery preduprezhdeniya dovedeniya nesovershenoletnih do samoubijstva: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Moskva. 2020. 210 s.
8. Agafonov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2012. 201 s.
9. Ayupov V.SH. K voprosu ob ob'ekte dovedeniya do samoubijstva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 363. S. 123 – 126.

Информация об авторе:

Велиев Артем Эрнестович, соискатель кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета, ORCID: 0000-0003-3548-6461, aeveliev@ya.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Veliev Artem E., the applicant at the Criminal Law Department of Volgograd State University, ORCID: 0000-0003-3548-6461, aeveliev@ya.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 09.09.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.3
DOI: 10.37973/KUI.2023.58.84.008

**ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ
САМОВОЛЬНОГО ПОДКЛЮЧЕНИЯ К НЕФТЕПРОВОДАМ,
НЕФТЕПРОДУКТОПРОВОДАМ И ГАЗОПРОВОДАМ**

Федор Михайлович Величко,
Тверской филиал Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия,
fedor-velichko31@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются особенности регламентации признаков субъекта и субъективной стороны преступления в виде самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам. Целью статьи является получение нового знания относительно особенностей субъективных признаков данного преступления с выработкой на этой основе выводов и предложений, касающихся совершенствования законодательной регламентации и практической реализации уголовной ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам.

Материалы и методы: в качестве материалов для научного исследования автором избраны действующее уголовное законодательство, опубликованная судебная статистика и практика, теоретические труды, затрагивающие вопросы уголовной ответственности за рассматриваемое преступление.

Использованы метод системного анализа и метод правового моделирования.

Результаты исследования: при установлении и реализации уголовной ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, основанной на административной преюдиции, необходимо учитывать особенности, возникающие вследствие привнесения в содержание состава этого преступления соответствующего дополнительного признака, отражающегося на содержании не только субъекта, но и его субъективной стороны.

Обсуждение и заключение: наряду с административной преюдицией к признакам субъекта указанного преступления целесообразно отнести судимость лица за аналогичное уголовно наказуемое деяние, а равно исключить какие-либо дополнительные признаки субъекта применительно к совершению самовольного подключения к магистральным трубопроводам и самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Ключевые слова: административная преюдиция; нефтепроводы; нефтепродуктопроводы и газопроводы; субъект преступления; субъективная сторона преступления; самовольное подключение; уголовная ответственность

© Величко Ф.М., 2023

Для цитирования: Величко Ф.М. Особенности субъективных признаков самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 63 – 68. DOI: 10.37973/KUI.2023.58.84.008

Scientific article
UDC 343.3
DOI: 10.37973/KUI.2023.58.84.008

FEATURES OF SUBJECTIVE SIGNS OF UNAUTHORIZED CONNECTION TO OIL PIPELINES, OIL PRODUCT PIPELINES AND GAS PIPELINES

Fyodor Mihailovich Velichko,
Tver Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of MIA of Russia, Tver', Russia,
fedor-velichko31@mail.ru

Abstract

Introduction: the author highlights and considers the features in reglamentation of the subject and signs of the subject and the subjective side of the corpus delicti of unauthorised connections to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines committed by an individual placed in administrative detention for the similar act. The goal of the research is to learn a new skill regarding particularities of the subjective side of the corpus delicti and work out conclusions and suggestions on improving their legal frameworks and the practical realization of criminal responsibility for unauthorised connections to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines.

Materials and Methods: the author has chosen the criminal legislation, published court statistics and court practice, theoretical works on criminal responsibility for the crime under consideration as the research base.

Results: in the criminalization and ensuring criminal responsibility for unauthorised connections to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines based on the administrative prejudice it is necessary to take into account features arising from the including in the corpus delicti the additional sign influencing the content not only of the subject but its subjective side.

Discussion and Conclusions: along with the administrative prejudice it is expedient to include the criminal record of an individual for the similar penal offence as well as exclude any additional attributes of the subject in respect to unauthorised connections to trunk pipes and unauthorised connections to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines committed by a group with a premeditated conspiracy or by an organized group.

Keywords: administrative prejudice; oil pipelines; oil and gas pipelines; the subject of the crime; the subjective side of the crime; unauthorized connection; criminal liability

© Velichko F.M., 2023

For citation: Velichko F.M. Features of Subjective Signs of Unauthorized Connection to Oil Pipelines, Oil Product Pipelines and Gas Pipelines. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):63 – 68. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.58.84.008

Введение

Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, является предметом запрета ч. 1 и ч. 2 ст. 215³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), где квалифицирующим признаком выступает самовольное подключение к магистральным трубопроводам. Основной и квалифицированный составы этого преступления характеризуются рядом особенностей, в том числе присущих признакам его субъекта и субъективной стороны, на рассмотрении которых мы остановимся в статье.

Обзор литературы

Принимая во внимание обозначенную выше специфику преступления, предусмотренного, ч. 1 и ч. 2 ст. 215³ УК РФ, в рамках исследования мы преимущественно обращались к трудам ученых в области уголовного права, освещающим общие и частные проблемы, связанные с административной преюдицией в уголовном законе [1, с. 78-86; 2, с. 57-60; 3, с. 51-54; 4, с. 5-7].

Материалы и методы

Помимо всеобщего метода – материалистической диалектики, а также общенаучных и частнонаучных методов, традиционно используемых в юридических исследованиях, применены метод системного анализа и метод правового модели-

рования, позволившие не только подробно рассмотреть вопросы, связанные с законодательной регламентацией субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 215³ УК РФ, но и сформулировать конкретные изменения, предлагаемые к внесению в данную уголовно-правовую норму. При этом проанализированы официальные статистические данные и опубликованная судебная практика в исследуемой области.

Результаты исследования

Первая группа субъективных признаков аккумулируется в таком неотъемлемом элементе состава преступления, как его субъект, и характеризует лицо, способное нести уголовную ответственность за определенное деяние. Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 215³ УК РФ, приобретает определенные специфические черты, прежде всего, вследствие административной преюдиции, являющейся необходимым условием уголовной ответственности за самовольное подключение к указанным трубопроводам. Исходя из этого, субъект преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 215³ УК РФ, является специальным – таковым может выступать только то лицо, которое совершило соответствующие противоправные действия, будучи подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, наказуемое по ст. 7.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Подчеркнем, что в ст. 7.19 КоАП РФ, в отличие от ст. 215³ УК РФ, ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам дифференцирована в зависимости от субъекта совершения этого деяния и наличия или отсутствия повторности последнего. К ответственности по ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ привлекаются как физические лица, включая тех, кто имеет должностной статус, так и юридические лица, совершившие соответствующие противоправные действия впервые, тогда как по ч. 3 этой статьи более строгой ответственности подлежат только юридические лица, повторно совершившие аналогичные действия.

Если дифференциация юридической ответственности организаций за самовольное подключение к тем или иным трубопроводам ограничивается применением к ним ч. 1 или ч. 3 ст. 7.19 КоАП РФ, то для физических лиц такая дифференциация, берущая свое начало в ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ, продолжается в ч. 1 и ч. 2 ст. 215³

УК РФ, где признак повторности совершения этого деяния в период административной наказанности за предыдущее самовольное подключение приобретает криминообразующее значение.

Например, Д., являясь лицом, подвергнутым административному наказанию за самовольное подключение к газопроводам и использование газа, пренебрегая правилами безопасности и не имея необходимого допуска, посредством механического повреждения газопроводной сети низкого давления повторно осуществил самовольное подключение своего домовладения к газопроводу, квалифицируемое по ч. 1 ст. 215³ УК РФ¹.

Отметим, что приведенный пример является типичным, поскольку на практике ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ преимущественно применяется в случаях так называемого бытового самовольного подключения к газопроводам, преимущественно имеющим место в границах частных домовладений, то есть речь идет о повреждениях не магистральных трубопроводов, а газопроводной сети низкого давления, при этом квалификация содеянного как неоконченной или оконченной уголовно наказуемой кражи, предусмотренной п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, не осуществляется. В связи с этим согласимся с мнением М.Г Решняк и С.С. Моисеева, согласно которому на законодательном уровне, а также в рамках разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации необходимо разграничить уголовно наказуемую кражу из различных трубопроводов от административно наказуемого самовольного подключения к последним и безучетного пользования их содержимым [5, с. 45-50]. Полагаем, самовольное подключение к соответствующим трубопроводам практически во всех случаях представляет собой покушение на кражу газа, нефти или нефтепродуктов либо приготовление к этому тяжкому преступлению, что следует учитывать при юридической оценке соответствующих противоправных действий.

Далее обратим внимание на пробел, являющийся типичным для большинства уголовно-правовых норм с административной преюдицией, заключающийся в отсутствии в ч. 2 ст. 215³ УК РФ такого квалифицирующего признака субъекта соответствующего преступления, как наличие у него судимости за аналогичное деяние либо еще и за сходные деяния. На практике это приводит к тому, что из числа субъектов преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 215³ УК РФ, выпадают лица, которые уже перестали быть административно наказанными, но еще имеют неснятую

¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 30.11.2021 по делу № 22-2304/2021. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2023).

или непогашенную судимость за аналогичное деяние. Примером законодательного устранения такого пробела стало дополнение ст. 116¹ УК РФ об ответственности за побои соответствующим квалифицирующим признаком, произведенное в связи с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, признавшей данную норму не соответствующей Основному закону¹. Полагаем, ч. 2 ст. 215³ УК РФ целесообразно дополнить сходным признаком, указав в качестве специального субъекта рассматриваемого преступления лицо, имеющее судимость за аналогичное деяние или иное преступление, предусмотренное любой из частей данной уголовно-правовой нормы.

При назначении наказания за рассматриваемое преступление, а также в рамках его предупреждения важно учитывать особенности личности осужденных за совершение указанных противоправных действий. Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показал, что подавляющее большинство из этих лиц несет наказание по ч. 1 ст. 215³ УК РФ.

Например, в 2020 г. по ст. 215³ УК РФ по основной и дополнительной квалификации было осуждено 589 лиц, в том числе по ч. 1 этой статьи – 584 лица (99,15%); в 2021 г. эти же показатели составили соответственно 776 лиц и 775 лиц (99,87%), а в 2022 г. – 1088 лиц и 1086 лиц (99,82%)². Эта особенность объясняется тем, что в настоящее время в ч. 2 ст. 215³ УК РФ предусмотрен только один квалифицирующий признак, предполагающий ту же административную преюдицию, но при совершении аналогичного деяния в отношении магистральных трубопроводов, тогда как на практике самовольное подключение преимущественно осуществляется в домохозяйствах или на ином «бытовом» уровне. Соответственно, чаще всего такие деяния совершают лица, имеющие задолженность по оплате газа, при этом они не жалеют деньги на оплату услуг других лиц, имеющих навыки и инструменты для указанного самовольного подключения, либо делают это сами, создавая тем самым опасность утечки и взрыва газа. Во всяком случае именно такие деяния преимущественно выявляются на практике, тогда как самовольное подключение к магистральным трубопроводам, предполагающее более сложный процесс, требующий подготовки, определенных навыков и технических средств,

выявляется и раскрывается гораздо более редко. С нашей точки зрения, самовольное подключение к магистральным трубопроводам изначально обладает криминальной степенью общественной опасности, причем в ст. 7.19 КоАП РФ такое деяние не выделяется, в связи с этим полагаем целесообразным предусмотреть для данного состава преступления так называемый общий субъект, не дополняя его признаком административной преюдиции.

В результате анализа статистических данных о составе 1082 осужденных в 2022 г. по ч. 1 ст. 215³ УК РФ (по основной квалификации) установлено, что большинство из них составляют мужчины (898 лиц – 82,99%), при этом преобладают лица, относящиеся к возрастным группам от 30 до 49 лет (597 лиц – 55,18%) и от 50 лет и старше (411 лиц – 37,99%), в том числе лица пенсионного возраста (142 лица – 13,12%). Кроме того, для разрешения вопросов, связанных с назначением наказания, а также для предупреждения данных преступлений заслуживает внимания, что 958 (88,54%) осужденных, хотя и являлись трудоспособными, но не имели постоянного источника дохода.

С позиции дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за самовольное подключение к различным трубопроводам считаем важным учитывать повышенную общественную опасность совершения соответствующих противоправных действий группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [6, с. 3-5]. Представляется, что такие действия обладают общественной опасностью, присущей преступлению, уже при их первоначальном совершении, причем в ст. 7.19 КоАП РФ групповой способ самовольного подключения не выделяется, что позволяет нам предложить закрепление данного признака в ч. 2 ст. 215³ УК РФ, без дополнения его указанием на административную преюдицию.

Применительно к субъективной стороне преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 215³ УК РФ, отметим, что ее особенности связаны с осознанием лицом общественной опасности совершаемого деяния, которая складывается, в том числе, из его повторного осуществления в период административной наказанности за аналогичное первоначальное деяние. В связи с этим в содержание умысла виновного лица включается ин-

¹ По делу о проверке конституционности статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 16 (ч. III). Ст. 2874.

² Здесь и далее см.: сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, раздел «Данные судебной статистики». URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.08.2023).

теллектуальный компонент, в большей степени касающийся понимания уголовной противоправности совершаемого деяния, тогда как внешне последнее не отличается от первого самовольного подключения к трубопроводу, за которое это лицо было привлечено к административной ответственности. Также следует учитывать, что при наличии корыстной цели и направленности деяния на противоправное завладение чужим имуществом в виде газа, нефти или нефтепродуктов, содеянное в зависимости от конкретных обстоятельств дела представляет собой покушение на кражу, предусмотренную п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, или покушение на это тяжкое преступление.

В случае законодательного закрепления самовольного подключения к магистральным нефтепроводам, нефтепродуктопроводам или газопроводам, а равно самовольного подключения к таким или иным нефтепроводам, нефтепродуктопроводам или газопроводам, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в качестве признаков самостоятельного состава преступления, не включающего административную преюдицию,

его субъективная сторона будет характеризоваться прямым умыслом, включающим осознание общественной опасности самого деяния и желанием его совершить при данных обстоятельствах.

Обсуждение и заключение

Таким образом, для повышения эффективности противодействия самовольным подключениям к указанным трубопроводам необходимо на законодательном уровне учитывать различающуюся общественную опасность совершения данных противоправных действий на «бытовом» уровне в отношении газопроводов низкого давления и совершения таковых в отношении магистральных трубопроводов, в том числе в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы. Представляется, что эти различия должны найти свое отражение в регламентации признаков субъекта, подлежащего уголовной ответственности за последние действия, из которых целесообразно исключить административную преюдицию, что одновременно скажется и на содержании умысла лиц, подлежащих ответственности за данные самовольные действия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78-86. EDN: BIVMRG
2. Карабанова Е.Н., Цепелев К.В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 57-60. EDN: SAUHWZ
3. Хромов Е.В. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений с административной преюдицией // Законность. 2020. № 2. С. 51-54. EDN: QEWFOF
4. Страунинг Ю.А., Баранов А.А., Иванцов С.В., Ивасюк О.Н., Калашников И.В., Кирюхин А.Б., Соломатина Е.А., Шмарион П.В. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. 68 с. EDN: DCAYNV
5. Решняк М.Г., Моисеев С.С. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за незаконное подключение к газопроводу и использование газа в бытовой сфере // Безопасность бизнеса. 2019. № 2. С. 45-50. EDN: YYOIXR
6. Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности: монография. Москва: ЮНТИ-ДАНА, 2017. 287 с. EDN: ZVCYQL

REFERENCES

1. Kapinus O.S. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave: problemy teorii i praktiki // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 6. S. 78-86. EDN: BIVMRG
2. Karabanova E.N., Sepelev K.V. K voprosu o perspektive ispol'zovaniya administrativnoj preyudicii v ugovolnom prave Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 11. S. 57-60. EDN: SAUHWZ
3. Hromov E.V. Aktual'nye problemy privlecheniya k ugovolnoj otvetstvennosti za sovershenie prestuplenij s administrativnoj preyudiciej // Zakonnost'. 2020. № 2. S. 51-54. EDN: QEWFOF
4. Strauning YU.A., Baranov A.A., Ivancov S.V., Ivasyuk O.N., Kalashnikov I.V., Kiryuhin A.B., Solomatina E.A., SHmarion P.V. Preduprezhdenie prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij organami vnutrennih del. Moskva: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya, 2022. 68 s. EDN: DCAYNV
5. Reshnyak M.G., Moiseev S.S. K voprosu o sootnoshenii ugovolnoj i administrativnoj otvetstvennosti za

nezakonnoe podklyuchenie k gazoprovodu i ispol'zovanie gaza v bytovoj sfere // Bezopasnost' biznesa. 2019. № 2. S. 45-50. EDN: YYOIXR
6. Ivancov S.V. Obespechenie organami vnutrennih del sistemnogo podhoda v izuchenii i preduprezhdenii organizovannoj prestupnosti: monografiya. Moskva: YUNTI-DANA, 2017. 287 s. EDN: ZVCYQL

Информация об авторе:

Величко Федор Михайлович, преподаватель кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, fedor-velichko31@mail.ru.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Velichko Fyodor M., Lecturer at the Department of Organization and Provision of Disclosure and Investigation of Crimes of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, fedor-velichko31@mail.ru.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 10.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.1 + 343.2./7
DOI: 10.37973/KUI.2023.91.18.009

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: МИФЫ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И РЕАЛИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Борис Яковлевич Гаврилов¹, Алексей Владимирович Красильников²,
^{1,2} Академия управления МВД России, Москва, Россия,
¹ Академия ФСИН России, Рязань, Россия,
¹ profgavrilov@yandex.ru, ² krass-al@yandex.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию ряда уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов, определяющих современное состояние борьбы с преступностью, а также уровень гарантий прав и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: всеобщий диалектический метод познания явился методологической основой исследования. Авторами применены системно-структурный анализ, а также частнонаучные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой, статистический и другие. В аргументации своих выводов авторы опирались на труды признанных отечественных ученых в области уголовного права и уголовного процесса. Эмпирическую основу исследования составили актуальные статистические показатели.

Результаты исследования: рассмотрены основные причины внесения в уголовно-процессуальное законодательство многочисленных изменений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, в том числе на их доступ к правосудию, а также влияющих на реализацию важнейших принципов уголовного процесса, в частности – принципа разумного срока и др. С приведением статистических показателей изложены результаты реформы 2007 г., направленные на обеспечение законности и качества предварительного расследования. На основании анализа дореволюционного российского законодательства и современного зарубежного уголовного законодательства, включая опыт государств постсоветского пространства, а также складывающейся судебной практики и оценки общественной опасности отдельных видов противоправных деяний, доказана необходимость введения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) новой категории противоправного деяния – уголовного проступка. Представлены результаты исследования, направленного на повышение эффективности законодательства уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью и одновременно повышения уровня гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Обсуждение и заключение: теоретическому осмыслению подвергнуты конкретные субъективные и объективные факторы, обуславливающие причины внесения в УПК РФ многочисленных изменений, что позволило сформулировать аргументированные выводы о негативных, с точки зрения авторов, последствиях формирования в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве отдельных институтов и предложить конкретные направления их реформирования.

Ключевые слова: уголовное право; уголовный процесс; возбуждение уголовного дела; качество расследования; законность; малозначительность противоправного деяния; уголовный проступок

© Гаврилов Б.Я., Красильников А.В., 2023

Для цитирования: Гаврилов Б.Я., Красильников А.В. Совершенствование уголовно-правовых и процессуальных средств противодействия преступности: мифы законодателя и реалии правоприменения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 69 – 78. DOI: 10.37973/KUI.2023.91.18.009

Scientific article

UDC 343. 1 + 343.2./7

DOI: 10.37973/KUI.2023.91.18.009

IMPROVEMENT OF CRIMINAL AND PROCEDURAL TOOLS TO COUNTER CRIME: MYTHS OF THE LEGISLATOR AND REALITIES OF LAW ENFORCEMENT

Boris Yakovlevich Gavrilov¹, Alexey Vladimirovich Krasilnikov²,

^{1,2} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia,

¹ profgavrilov@yandex.ru, ² krass-al@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers criminal and procedural establishments determining the current state of fight against crime as well as the level of the rights and legitimate interests of the citizens involved in criminal proceedings. The value of the research findings is primarily determined by the use the relevant statistics reflecting the real state and the development of criminal and procedural establishments both from the point of view of the legislator and the enforcer.

Materials and Methods: universal dialectical method of cognition was the methodological basis for the study. The authors used systemic and structural analysis as well as specific scientific cognition methods: legal, legal comparative, historical and legal, statistical etc. In arguing for their conclusions the authors relied on the prominent Russian scholars of criminal law and criminal procedure.

Results: the authors consider main reasons for numerous amendments to the Code of Criminal Procedure that specifically affect the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings including their access to justice as well as affecting the realization of the most important principles of criminal procedure, in particular the principle of reasonable time etc. With statistics the authors indicate the outcome of the reform of 2007 aimed at ensuring the legality and quality of the preliminary investigation. Basing on the analyzing pre-revolutionary Russian legislation and modern foreign criminal legislation including the experience of post-Soviet states, as well as emerging judicial practice and the assessment of the public danger of certain types of unlawful acts, the authors argue for introduction into the Criminal Code of the Russian Federation of a new category of unlawful act – criminal misdemeanour. The results of the research aimed at increasing the effectiveness of the legislation of the criminal-legal complex in the fight against crime and at the same time increasing the level of guarantees of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings are presented.

Discussion and Conclusions: the authors theoretically conceptualize objective and subjective factors behind the reasons for the numerous amendments to the Code of Criminal Procedure which made it possible to draw reasoned conclusions about the negative, from the authors' point of view, consequences of the formation of certain institutions in the Russian criminal and criminal procedural legislation and to propose specific directions for their reform.

Keywords: criminal law; criminal procedure; initiation of a criminal case; quality of investigation; legality; insignificance of an illegal act; criminal offense

© Gavrilov B.Ya., Krasilnikov A.V., 2023

For citation: Gavrilov B.Ya., Krasilnikov A.V. Improvement of Criminal and Procedural Tools to Counter Crime: Myths of the Legislator and Realities of Law Enforcement. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):69 – 78. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.91.18.009

Введение

Современное состояние науки уголовно-правового комплекса нами рассматривается с позиции ее влияния на эффективность вклада органов предварительного расследования и органов дознания в противодействие преступности в рамках досудебного уголовного производства. В свою очередь, это определяется состоянием научной мысли и конкретными предложениями представителей науки по совершенствованию ряда ключевых институтов законодательства уголовно-правового комплекса с учетом правоприменительной практики.

При этом исключительно важным инструментом здесь является объективный анализ эффективности действия конкретных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов, что требует преодоления догматизма ученых и правоприменителей в реальной оценке действующего законодательства уголовно-правового комплекса, что, на наш взгляд, позволит сформировать новые подходы к целесообразности и даже необходимости его совершенствования.

В связи с этим критически оценивая эффективность ряда уголовных и уголовно-процессуальных институтов современного досудебного производства, регламентирующих начало производства по уголовному делу, сроки предварительного следствия, процессуальный порядок предъявления обвинения, вырабатывая предложения о принятии неотложных мер, направленных на снижение уровня уголовной репрессии путем возвращения в российское уголовное законодательство категории уголовного проступка и, соответственно, введение для расследования данной категории противоправных деяний более упрощенной, по сравнению с действующими, формы расследования, мы, прежде всего, исходим из насущных потребностей практического противодействия преступности. Следует отметить, что рассматриваемые вопросы находятся в фокусе внимания одного из авторов статьи – профессора Б.Я. Гаврилова – на протяжении более 30 лет его практической деятельности в органах предварительного следствия и органах дознания системы МВД России и являлись предметом его активной законодотворческой деятельности при подготовке проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям в составе рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации, а также при разработке ряда законопроектов в составе экспертной комиссии при Комитете по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы РФ.

Рассматривая основные предпосылки внесения в УПК РФ многочисленных изменений, необходимо отметить, что после его принятия силами данной рабочей группы с участием представителей правоохранительных и судебных органов был осуществлен мониторинг применения уголовно-процессуального законодательства в более, чем в половине субъектов Российской Федерации. Именно его результаты, в том числе отражающие негативную практику реализации нового уголовно-процессуального закона, позволившие выявить многочисленные пробелы и нестыковки его положений, явились причинами, что уже после вступления с 1 июля 2002 года в действие УПК РФ, в него был внесен ряд весьма значимых изменений, связанных, в том числе, с появлением в кодексе новых процессуальных институтов. Отметим, что в современный УПК РФ внесены изменения более чем 300 федеральными законами, что, на наш взгляд, делает закономерным вопрос: в настоящее время действует УПК РФ, принятый в 2001 г., или мы вынуждены работать с уже новым нормативным правовым актом?

Аналогичная ситуация складывается и в сфере уголовного законодательства. Отмечается, что по состоянию на 1 января 2022 года в УК РФ внесено примерно такое же количество изменений, в силу чего данные законодательные акты постоянно и вполне обоснованно подвергаются критике и со стороны научного сообщества и правоприменителей.

Безусловно, дискуссия относительно целесообразности внесения изменений и дополнений в ключевые институты уголовного и уголовно-процессуального законодательства сама по себе играет весьма положительную роль в его совершенствовании, выработке оптимальных направлений развития теории и практики уголовного судопроизводства. Однако следует отметить, что нашими оппонентами не учитывается ряд обстоятельств, сущность которых заключается в том, что значительная часть внесенных в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство изменений обуславливались в первую очередь потребностями правоприменительной практики, а в ряде случаев – необходимостью реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в части приведения в соответствие с Конституцией Российской Федерации отдельных положений УПК РФ, непосредственно затрагивающих права граждан как участников уголовного процесса, а также назревшую необходимость снижения уровня уголовной репрессии. Вместе с тем следует указать, что отдельные поправки в УПК РФ и УК РФ, напро-

тив, не были вызваны необходимостью их совершенствования, а в ряде случаев носили характер контрреформ, обусловленных, в том числе, и позицией Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации (частичное возвращение института судебного дознания, возвращение к форме обвинительного заключения, регламентированной УПК РСФСР и ряд других), на что указывал как один из авторов статьи [1], так и профессор В.П. Божьев [2].

Обзор литературы

Ведя речь о причинах внесения изменений в УПК РФ, авторы статьи считают возможным указать на то, что часть из них была обусловлена компромиссными решениями законодателя при подготовке проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям и, соответственно, при его принятии Государственной Думой и одобрении Советом Федерации Российской Федерации. Более того, законодатель отказался от включения в проект Кодекса ряда конкретных предложений профессора Б.Я. Гаврилова и его коллег по вышеуказанной рабочей группе при Комитете по законодательству, включая предложения о дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, введения в систему участников уголовного процесса на стороне обвинения начальника специализированного подразделения дознания и ряда других не менее значимых предложений, что пришлось корректировать в последующие годы путем внесения в УПК РФ значительного количества поправок, что так активно и обоснованно критикуется в научном сообществе [1].

Возвращаясь к дискуссии о целесообразности изменения ключевых институтов уголовно-процессуального законодательства, подчеркнем еще раз, что, на наш взгляд, помимо сугубо теоретических аргументов и позиций, они должны быть максимально практикоориентированы, соответствовать уровню развития правоохранительной системы Российской Федерации в целом и учитывать специфику построения и особенности организации и функционирования судебной системы и системы органов предварительного расследования. В связи с этим следует обратить внимание, что далеко не все предложения, в том числе весьма авторитетных ученых, в настоящее время являются актуальными и востребованными практикой борьбы с преступностью. Так, например, отмечая несовершенство современного досудебного производства, профессор А.С. Александров предлагает кардинально изменить ряд уголовно-процессуальных институтов. В

частности – принципиально отказаться от предварительного следствия и ввести вместо него по примеру Уголовно-процессуального кодекса Федеративной Республики Германия прокурорское дознание при одновременном закреплении в уголовно-процессуальном законодательстве параллельного адвокатского расследования. Более того, из англосаксонской системы правосудия он предлагает имплементировать в российское судопроизводство право гражданина на возбуждение уголовного иска при отказе в этом государственного органа [3]. Безусловно, в условиях российской действительности, когда правоохранительные органы ежегодно из регистрируемых 10-11 млн заявлений, сообщений о преступлениях возбуждают всего 1,6 млн уголовных дел, а по 6 млн принимают процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, из которых прокуроры признают незаконными и необоснованными и отменяют от 20% до 40%, с предложением уважаемого ученого следовало бы согласиться. Однако если рассуждать реалистично, то возможно прийти к выводу, что судебная система совместно с органами прокуратуры реализовать данную функцию просто не сможет.

Небезынтересным, хотя и далеко неоднозначным, в связи с этим является предложение ряда исследователей, в том числе и одного из авторов статьи, о введении в российское уголовное законодательство самостоятельной категории противоправного деяния – уголовного проступка. Рассматривая вопрос о целесообразности введения в УК РФ уголовного проступка, авторы опираются на результаты исследований С.Г. Келиной [4], Г.А. Кригера [5], Н.Ф. Кузнецовой [6], С.В. Максимова [7], Е.В. Роговой, В.Ф. Цепелева [8] и др., а также представителей практических правоохранительных органов (В.В. Гордиенко [9], Б.Я. Гаврилов [10] и др.). Предложения указанных и других представителей науки и практики о дифференцировании противоправных деяний на преступления и проступки в зависимости от тяжести совершенного деяния призвано обеспечить не формальную, как это зачастую имеет место в действующем уголовном законодательстве, а реальную правовую оценку преступных деяний с учетом степени общественной опасности как самого деяния, так и лица, его совершившего. Кстати, в дореволюционном законодательстве проступок появился еще в Своде законов Российской Империи 1832 г., а в настоящее время закреплён в законодательстве абсолютного большинства стран, в том числе бывшего постсоветского пространства.

Материалы и методы

Исследование вопросов, связанных с современным уголовно-процессуальным правом, осуществлено при помощи логического метода научного исследования, методов анализа и синтеза, дедукции и индукции, статистического анализа. Законодательную основу исследования составили нормативные правовые акты, содержащие нормы отечественного и международного права, а также статистические показатели о состоянии преступности ГИАЦ МВД России за 2006, 2013, 2020 – 2022 годы, а также ряд доктринальных источников российской теории уголовного права и уголовного процесса.

Результаты исследования

Анализируя предпосылки внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, необходимо еще раз подчеркнуть, что большинство из них, несмотря на справедливую критику практики их реализации, были в достаточной степени теоретически обоснованы и, что самое главное, целесообразны с практической точки зрения.

1. Например, до настоящего времени не утихают дискуссии о целесообразности разграничения надзорных полномочий прокурора и полномочий руководителя следственного органа по процессуальному руководству предварительным следствием. Напомним, что в рамках масштабной реформы следственного аппарата органов прокуратуры, обусловленных идеей отказа от возложения функции надзора и функции процессуального руководства расследованием на одного и того же субъекта – прокурора, и внесением соответствующих изменений в ряд законодательных актов¹ был образован Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, впоследствии трансформировавшийся в самостоятельный федеральный государственный орган с широким кругом полномочий в сфере уголовного судопроизводства – Следственный комитет Российской Федерации². Итогом кардинальных изменений уголовно-процессуального законодательства стало фактическое изъятие у прокурора ключевых полномочий по руководству предварительным следствием: права на дачу согласия на возбуждение уголовного дела и права принятия решения о возбуждении уголовного дела, права на дачу согласия на заявление ходатайства о производстве целого ряда важнейших процессуальных действий, ограничивающих кон-

ституционные права и свободы граждан, на чем один из авторов статьи – профессор Б.Я. Гаврилов настаивал еще до принятия УПК РФ и в течение пяти лет после его вступления в силу.

Целесообразность реформы 2007 г. подтверждается и приведенными ниже статистическими данными о результатах расследования уголовных дел, свидетельствующих:

о более высокой эффективности процессуального контроля руководителя следственного органа (таблица 1);

о повышении эффективности надзорной деятельности прокурора, на что указывают, с одной стороны, значительное увеличение количества возвращенных прокурорами уголовных дел для дополнительного расследования, с другой – существенное сокращение количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (таблица 2).

2. Продолжает оставаться актуальным вопрос о соответствии положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих сроки предварительного следствия, норм-принципу о разумном сроке уголовного судопроизводства. Позволим себе напомнить, что системное толкование ст. 6¹ УПК РФ и ст. 7.1 Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» позволяет говорить о нарушении разумного срока уголовного судопроизводства, если продолжительность досудебного производства по уголовному делу со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу превысила четыре года. Однако действующая редакция ст. 162 УПК РФ не предусматривает ограничение срока предварительного следствия, кроме истечения сроков давности, что, по мнению авторов, создает условия для нарушения разумного срока уголовного судопроизводства. Выход из создавшейся ситуации видится в кардинальном пересмотре подходов к регулированию сроков предварительного расследования, вплоть до их исключения до момента установления лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления.

3. В связи с изложенным уместно еще раз обратиться к предложению о совершенствовании

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313/ (дата обращения 01.03.2023).

² О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения 01.03.2023).

Период	Число оправданных судом лиц, в т. ч. на 1000 обвиняемых, по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД России	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2021	371 – 1,2	101	630 – 6,5	241
2022	372-1,3	71	665-6,6	290

Таблица 1. Статистические данные о числе оправданных подсудимых, в том числе на 1000 обвиняемых, в том числе содержащихся под стражей¹

Table 1. Acquitted Defendants Including per 1,000 Accused Persons, Including those in Custody

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следов-м МВД России	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2020	17563	6,3	1902	2,0	6021	4166 – 1,2%
2021	17507	6,0	1847	2,1	6315	4518 – 1,2%
2022	15709	6,0	1769	2,1	5846	4216 – 1,2%

Таблица 2. Статистические данные о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ²

Table 2. Criminal cases returned by the prosecutor and court to the prosecutor under Art. 237 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation

уголовно-процессуального института предъявления обвинения, нормы которого на протяжении многих десятилетий служили действенной гарантией вступления в уголовное дело защитника-адвоката и обеспечения права обвиняемого на защиту. Однако данная функция рассматриваемого института в настоящее время существенно утратила свое значение. Защитник вправе участвовать в уголовном деле с момента начала осуществления по сути любых процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. Более того, с учетом положений Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ участие адвоката стало возможным уже на этапе проверки сообщения о преступлении в отношении конкретного лица³.

Сравнение процессуального статуса подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ) также приводит к выводу, что принципиального различия в правовом положении данных участников уголовного судопроизводства, за исключением этапа окончания производства по уголовному делу, в настоящее время не существует.

Весьма успешная практика расследования уголовных дел в форме дознания и их окончания без «классического» предъявления обвинения (а это ежегодно около 5 млн уголовных дел), при отсутствии жалоб осужденных в Конституционный Суд Российской Федерации на нарушение их права на защиту от обвинения, может рассматриваться как аргумент и предпосылка для принятия решения о пересмотре подходов к дифференциации

¹ Статистические данные о числе лиц, оправданных судом, в т.ч. на 1000 обвиняемых, по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей за период с 2006 по 2022 гг. / Статистические данные ГИАЦ МВД России: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.02.2023).

² Статистические данные о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором следователям МВД, прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации и возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в период с 1999 по 2022 гг. / Статистические данные ГИАЦ МВД России: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.02.2023).

³ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 04.03.2013 № 23-ФЗ. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1\]2908/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1]2908/) (дата обращения: 31.08.2022).

институтов предъявления от имени государства «подозрения» и «обвинения» в совершении преступления.

Полагаем, при принятии решения о реформировании института предъявления обвинения следует также учитывать и позицию Конституционного Суда Российской Федерации «о пределах судебного разбирательства» (постановление от 16.05.2007 № 6-П)¹ и ряд других факторов.

4. Актуальным, на наш взгляд, является вопрос о введении в российское уголовное законодательства самостоятельного вида противоправного деяния – уголовного проступка. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, комментируя частичную декриминализацию краж чужого имущества без квалифицирующих признаков с размером ущерба до 2 500 руб. (ч. 1 ст. 158 УК РФ), части побоев (ст. 116 УК РФ), фактов уклонения от уплаты «алиментов» (ст. 157 УК РФ), отметил, что данные законодательные новеллы (их инициатором был Верховный Суд Российской Федерации) требуют законодательного продолжения – введения «уголовно-наказуемого проступка», который является новым элементом в российской уголовно-правовой политике. Данное обстоятельство следует учитывать и законодателю с учетом представленного А.Л. Кудриным 5 апреля 2017 года на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ проекта Дорожной карты (2017-2025 гг.) совершенствования уголовной политики². В связи с этим авторы статьи предлагают обратить внимание, что число лиц, отбывающих наказание в России, на 100 тыс. населения составляет 630 чел., а, например, в Скандинавских странах – 88, Италии – 78, Франции – 100, Испании – 126 чел.

Кроме приводимых в научной литературе, а также Верховным Судом Российской Федерации и другими правоприменителями доводов в обоснование необходимости возвращения в российское законодательство уголовного проступка, следует обратиться к такой уголовно-правовой категории как «малозначительность деяния». При введении уголовного проступка будет возможно исключение закрепленного в ч. 2 ст. 14 УК РФ понятия деяния в силу малозначительности, не представляющего общественной опасности. Его наличие сегодня обуславливает противоречивую

судебную практику. Например, в одном регионе за незаконный вылов 20 шт. окуней на сумму 500 руб. лицо было осуждено по ч. 1 ст. 256 УК РФ, а в другом – за незаконный вылов 5 шт. лосося, что составило ущерб в 5 тыс. руб., лицо было оправдано.

Или, например, по складывающейся в 2013-2016 гг. судебной практике деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 158 УК РФ, при размере похищенного до 1 тыс. руб., а в отдельных регионах и до 3 тыс. руб., не признавались преступлениями в силу их малозначительности. Но такие деяния не могли быть квалифицированы и как административные правонарушения, поскольку диспозиция ст. 7.27 КоАП РФ «мелким» признает хищение только при отсутствии квалифицирующих признаков кражи. Как следствие, в 2018-2022 гг. противоправные деяния по 1,2 млн сообщений о кражах, по которым приняты процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела без установления лица, его совершившего, фактически не получили юридической оценки, что повлекло ограничение предусмотренного ст. 52 Конституции РФ права потерпевших на их доступ к правосудию и возмещение причиненного им ущерба. При этом значительная часть таких «отказных» материалов ежегодно прокурорами признаны незаконными или необоснованными и отменены. О незаконности таких решений высказался и Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 15.06.2021 № 28-П³, который указал, что «отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможно только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно-опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления».

5. Считаю необходимым еще раз заострить внимание на проблеме уголовно-процессуального реагирования на заявление, сообщение о преступлении. Анализ правоприменительной практики, складывающейся на начальных этапах досудебного производства, со всей очевидностью актуализирует проблему обеспечения законности принятия процессуальных решений по заявлениям, сообщениям о преступлениях. В связи с этим авторы отмечают, что за последнее деся-

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 № 6-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68552/ (дата обращения: 01.03.2023).

² Уголовная политика: дорожная карта 2017-2025 гг. URL: <http://www.crs.ru/ru/events/ugolovnaya-politika-dorozhnaya-karta-2017-2025-gg/> (дата обращения 01.03.2023).

³ По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова (дата обращения: 14.06.2023).

титетие показатель возбуждения уголовных дел снизился в два раза при фактической неизменной регистрации количества заявлений, сообщений о преступлениях (в 2006 г. – 10,7 млн и в 2022 г. – 11,9 млн). При этом в 2006 г. были возбуждены 3,3 млн уголовных дел и вынесено 4,5 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а в 2022 г. на 1,6 млн уголовных дел пришлось уже 6 млн «отказных» материалов [11]. Это напрямую влечет за собой искажение статистических показателей о состоянии преступности. Так, коэффициент преступности в России на 100 тыс. населения в 2022 г. составил менее 1400 преступлений, в Германии, Франции, Италии он превышает среднероссийский в 4-5 раз, а в Швеции – в 8,5 раз. Думается, что с точки зрения криминологов такая ситуация вполне понятна и объяснима. Полагаем, что и российский законодатель должен, наконец, обратить на нее внимание.

6. Весьма перспективным направлением противодействия преступности авторы считают дальнейшее развитие дифференциации уголовно-процессуальной формы. На наш взгляд, в том числе и в контексте изложенных выше предложений о введении в уголовное законодательство уголовного проступка, назрела необходимость возвращения в досудебное производство протокольной формы расследования (по УПК РСФСР – так называемой протокольной формы досудебной подготовки материалов, по которой ежегодно в суд направлялось по 200-250 тысяч таких материалов о преступлениях небольшой тяжести). Основной предпосылкой к принятию такого решения является отмечаемые большинством ученых и практических сотрудников органов внутренних дел несовершенство правовой регламентации и, как следствие, крайняя неэффективность реализации введенного в УПК РФ Федеральным законом № 23-ФЗ дознания в сокращенной форме (Глава 32.1 УПК РФ). Анализ правоприменительной практики дает основание утверждать, что по объему произведенных следственных и иных процессуальных действий, так же как и по срокам расследования, дознание в сокращенной форме ничем не отличается от ординарного дознания.

Сущность предлагаемой авторами протокольной формы расследования состоит в том, что: 1) расследование осуществляется только в отношении конкретного лица в случае признания им факта преступления и очевидности обстоятельств совершенного деяния; 2) вынесение постановления о возбуждении уголовного дела и производство проверки сообщения о преступлении не требуется; 3) производство следственных действий ограничивается допросом подозреваемого, потерпевшего и (или) свидетелей-очевидцев; 3) производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ; 4) при задержании подозреваемого в порядке ст. 91, 92 УПК РФ срок расследования до направления уголовного дела прокурору не может превышать 48 часов.

Обсуждение и заключение

Высказанные идеи и сформулированные в настоящей статье предложения, безусловно, нуждаются в дальнейшей разработке и в настоящее время могут рассматриваться лишь в качестве определенных ориентиров, позволяющих наметить и обсудить общие тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Одной из задач статьи авторы видят активизацию дискуссии об основных направлениях реформирования ключевых институтов уголовного и уголовно-процессуального права. В широком смысле мы исходим из назревшей необходимости разработки новой концепции совершенствования уголовного судопроизводства как определяющего условия эффективного противодействия преступности в современных реалиях социально-политической, экономической и правовой сфер жизнедеятельности российского общества и государства. Следует констатировать, что этому в немалой степени, препятствуют сложившиеся в профессиональном правовом сознании стереотипы о незыблемости названных выше правовых институтов и догматизм юридической мысли, ограничивающий творческий научный поиск и сужающий возможности использования передового опыта развития законодательства уголовно-правового комплекса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Б.Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 7 – 14.
2. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2000. № 10. С. 9 – 11.
3. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // *Вестник Нижегородской правовой академии*. 2015. № 5 (5). С. 7 – 10.
4. Келина С.Г. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.М. Кудрявцев, С.Г. Келина. Москва: Наука, 1987. 276 с.
5. Кригер Г.А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // *Вестник Московского университета. Серия Право*. 1979. № 2. С. 3 – 9.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
7. Максимов С.В. и др. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации: монография / под общ. ред. С.В. Максимова. Москва: Институт государства и права РАН. 2014. 482 с.
8. Цепелев В.Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // *Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. 27-28 мая 2004 г. Москва, 2005. С. 331 – 419.*
9. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // *Российская юстиция*. 2016. № 11. С. 2 – 5.
10. Гордиенко В.В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // *Российский следователь*. 2011. № 16. С. 4-5.
11. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2018. № 2 (78). С. 74 – 78.

REFERENCES

1. Gavrilov B.YA. 20 let rossijskomu ugovolno-processual'nomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimeritelya // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2021. № 6. S. 7 – 14.
2. Bozh'ev V.P. «Tihaya revolyuciya» Konstitucionnogo suda v ugovolnom processe Rossijskoj Federacii // *Rossijskaya yusticiya*. 2000. № 10. S. 9 – 11.
3. Aleksandrov A.S. O doktrinal'noj modeli ugovolno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossii // *Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii*. 2015. № 5 (5). S. 7 – 10.
4. Kelina S.G. Ugolovnyj zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya / otv. red. V.M. Kudryavcev, S.G. Kelina. Moskva: Nauka, 1987. 276 s.
5. Kriger G.A. Konstituciya SSSR i sovershenstvovanie ugovolnogo zakonodatel'stva // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Pravo*. 1979. № 2. S. 3 – 9.
6. Kuznecova N.F. Prestuplenie i prestupnost'. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1969. 232 s.
7. Maksimov S.V. i dr. Monitoring ugovolno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii: monografiya / pod obshch. red. S.V. Maksimova. Moskva: Institut gosudarstva i prava RAN. 2014. 482 s.
8. Cepelev V.F. Sootnoshenie prestupleniya i inyh pravonarushenij: sravnitel'nyj aspekt // *Sootnoshenie prestuplenij i inyh pravonarushenij: sovremennye problemy: Materialy IV Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., posvyashchennoj 250-letiyu obrazovaniya Mosk. gos. un-ta im. M.V. Lomonosova i sostoyavshejsya na yurid. fak. MGU im. M.V. Lomonosova. 27-28 maya 2004 g. Moskva, 2005. S. 331 – 419.*
9. Gavrilov B.YA., Rogova E.V. Zakreplenie ugovolnogo prostupka v kontekste reformirovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii // *Rossijskaya yusticiya*. 2016. № 11. S. 2 – 5.
10. Gordienko V. V. Zakonodatel'nye novelty i ih rol' v povyshenii effektivnosti bor'by s prestupnost'yu // *Rossijskij sledovatel'*. 2011. № 16. S. 4-5.
11. Bozh'ev V.P., Gavrilov B.YA. Sootvetstvuet li otkaz v vobuzhdenii ugovolnogo dela ideologii sovremennoj ugovolno-pravovoj politiki Rossii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2018. № 2 (78). S. 74 – 78.

Информация об авторах:

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, profgavrilov@yandex.ru

Красильников Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, krass-al@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Gavrilov Boris Y., Doctor in Law (Doctor habilitatus), Professor, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of MIA of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Academy of FSIN of Russia, profgavrilov@yandex.ru

Krasilniknikov Alexei V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Professor of the Department of Crime Investigation Bodies Management of the Academy of Management of MIA of Russia, krass-al@yandex.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Гаврилов Борис Яковлевич – инициатор темы исследования, постановка проблемы, определение объекта и методов исследования, разработка обзора литературы, уточнение выводов и рекомендаций.

Красильников Алексей Владимирович – анализ доктринально-прикладных данных, подготовка введения и результатов исследования, формирование заключения.

Статья получена: 02.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2023.78.15.010

**К ВОПРОСУ О ДИСТАНЦИОННОМ ПРОВЕДЕНИИ
НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Рушан Радикович Галяутдинов,
Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия,
rushan-94@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена рассмотрению проблем, возникающих при реализации правоприменителем законоположений о проведении допроса, очной ставки и опознания посредством использования видео-конференц-связи, а также выявлению несовершенства законодательной регламентации статьи 189.1 УПК РФ.

Материалы и методы: автором изучены уголовно-процессуальные законы Российской Федерации, а также Республики Беларусь и Республики Казахстан, научные статьи отечественных ученых правоведов, изучающих проблему цифровизации в сфере уголовного судопроизводства. Использованы методы сравнения, анализа, синтеза, диалектический метод, формально-юридический метод.

Результаты исследования: введение в уголовно-процессуальный закон статьи 189.1 УПК РФ, регламентирующей проведение допроса, очной ставки и опознания посредством видео-конференц-связи, порождает у правоприменителя закономерные вопросы: в каких случаях целесообразно проводить указанные следственные действия дистанционно и какие объективные обстоятельства могут препятствовать реализации данных законоположений на практике.

Обсуждение и заключение: совершенствование законодательной регламентации законоположений о дистанционном проведении допроса, очной ставки и опознания, а также создание необходимой технической базы для обеспечения органов предварительного следствия комплексами ВКС позволит решить задачи, поставленные законодателем, обеспечив соблюдение разумных сроков судопроизводства при расследовании уголовного дела.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право; допрос; очная ставка; опознание; видео-конференц-связь; разумные сроки судопроизводства

© Галяутдинов Р.Р., 2023

Для цитирования: Галяутдинов Р.Р. К вопросу о дистанционном проведении некоторых следственных действий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 79 – 84. DOI: 10.37973/KUI.2023.78.15.010

Scientific article
UDC 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2023.78.15.010

ON SOME INVESTIGATIONS CARRYING REMOTELY

Rushan Radikovich Galyautdinov,
Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
rushan-94@mail.ru

Abstract

Introduction: the author emphasizes some practical challenges in implementation by the law enforcer of the legal provisions on implementation by the law enforcer of the legal provisions on interrogation,

confrontment and identification through the videoconferencing, as well as identifying imperfections in the legislative regulation of Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Materials and Methods: the author studied criminal procedure laws of the Russian Federation, as well as of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan, domestic scientists' developments studying challenges in digital environment in criminal proceedings. When working on the study the author used comparison, analysis, synthesis, dialectics, and legal research methods.

Results: the incorporation of Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating on interrogation, confrontment and identification through the videoconferencing into the law raises in the enforcer certain questions in which cases it is relevant to conduct the proceedings by remote mode as well as which objective circumstances can threaten putting these recommendations into practice.

Discussion and Conclusions: the improvement of the legal framework of the statutory provision on the remote interrogation, confrontment and identification as well as the development of technical equipment for provision of preliminary investigation bodies with videoconferencing will allow to solve the tasks set by the legislator, ensuring the observance of reasonable terms of legal proceedings during the investigation of a criminal case.

Keywords: criminal procedural law; interrogation; confrontation; identification; videoconference; reasonable time of legal proceedings

© Galyautdinov R.R., 2023

For citation: Galyautdinov R.R. On Some Investigations Carrying Remotely. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):79 – 84. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.78.15.010

Введение

Пандемия коронавируса существенно повлияла на систему коммуникации современного российского общества: дистанционное обучение и удаленная работа – далеко не весь перечень достижений цифровизации, которые в настоящее время прочно укоренились в сфере образования и трудовой деятельности.

Достижения цифровизации, уже давно успешно используемые в российском обществе, повлияли также и на совершенствование отечественного уголовно-процессуального права.

Так, Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ, вступившим в законную силу 10 января 2022 года¹, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) дополнен статьей 189.1, регламентирующей проведение таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание, путем использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС)².

При этом важно учитывать, что для реализации самых передовых и позитивных изменений, вносимых в закон, в том числе уголовно-процессуальный, должна быть обеспечена объективная возможность их успешного функционирования на практике, что обуславливается потребностью в создании соответствующей материально-технической и правовой базы [1, с. 3].

Материалы и методы

Автором исследованы уголовно-процессуальные законы Российской Федерации, а также Республики Беларусь и Республики Казахстан. Изучены научные статьи отечественных ученых-правоведов, рассматривающих проблему цифровизации в сфере уголовного судопроизводства: С.В. Валова, Ю.А. Цветкова, О.В. Мичуриной, А.Р. Белкина, Н.О. Никурадзе, О.А. Малышевой, опубликованные в 2022-2023 годах. Методология исследования представлена методами сравнения, анализа, синтеза, диалектическим и формально-юридическим методом.

Результаты исследования

Внесение анализируемых нами изменений в УПК РФ направлено, прежде всего, на обеспечение соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, предотвращение нарушения сроков расследования уголовных дел.

Например, вопрос проведения допроса свидетеля, проживающего на значительном расстоянии от места проведения предварительного расследования, на практике решается с помощью направления поручения для проведения данного следственного действия в орган предварительного следствия или дознания по месту жительства такого свидетеля либо посредством командирования следователя, в чьем производстве находится уголовное дело, к месту жительства свидетеля. Оба способа требуют времени, а во втором случае

¹ Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 70.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 14.04.2023). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.05.2023).

(при командировании следователя) также и влекут финансовые затраты. Таким образом, появление возможности проведения ряда следственных действий посредством ВКС позволит ускорить процесс проведения указанных следственных действий, а также снизить вероятность несения финансовых затрат на их осуществление.

Необходимо отметить, что для получения положительных результатов проведения таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание посредством ВКС, следует, во-первых, обеспечить возможность использования законодательных новелл на практике, во-вторых, обеспечить соблюдение принципов уголовно-процессуального права, а также прав и интересов участников процесса с учетом законодательной формулировки статьи 189.1 УПК РФ.

Раскроем содержание выделенных нами ранее положений. Нами проведено анкетирование следователей МВД России по Давлекановскому району на предмет их готовности применять в своей практической деятельности положения статьи 189.1 УПК РФ. Так, 80% респондентов ответили утвердительно, 15% затруднились с ответом и только 5% высказались отрицательно, мотивировав тем, что очное проведение следственных действий позволяет достигнуть более качественного результата.

Как видим, большинство следователей, которым и адресовано использование положений статьи 189.1 УПК РФ, позитивно относятся к возможности дистанционного способа проведения допроса, очной ставки и опознания. В свою очередь, отсутствие технической оснащённости системой ВКС существенно осложняет возможность реализации анализируемых нами законоположений, как в ОМВД по Давлекановскому району, так и в подавляющем большинстве территориальных подразделений МВД России. Согласно части 1 статьи 189.1 УПК РФ для использования систем ВКС необходимо наличие соответствующих технических возможностей [2, с. 25].

Таким образом, основная проблема реализации положений статьи 189.1 УПК РФ, – отсутствие повсеместной оснащённости органов предварительного следствия системами ВКС, в отличие, например, от судебной системы, где практически в каждом суде имеются комплексы ВКС, которые активно используются при рассмотрении уголовных дел [3, с. 20].

Вторая практическая проблема применения систем ВКС при проведении допроса, очной став-

ки и опознания также сопряжена со спецификой использования системы ВКС, поскольку дистанционное проведение указанных следственных действий не всегда может быть качественным с технической точки зрения, так как сопряжено с возможными запаздываниями звука за изображением, прерыванием видеосвязи и иными техническими неполадками [4, с. 14]. Более того, авторы, исследующие данную проблему, уже ранее указывали, что «были зафиксированные случаи, в которых во время ВКС были сказаны сведения, являющиеся невыгодными для следствия и после данных слов обрывалась связь по техническим причинам» [5, с. 259]. Проблема применения систем ВКС может быть связана и с самим программным обеспечением. Проанализировав правоприменительную практику Республики Башкортостан, мы обнаружили интересное судебное решение: проведение допроса с применением ВКС было признано недопустимым по причине использования программы «Skype». Суд указал, что в дословном толковании статьи 189.1 УПК РФ прямо указано, что орган предварительного следствия использовал общедоступное программное обеспечение для проведения ВКС¹.

Следующий немаловажный вопрос, который может возникнуть у практиков, связан с целесообразностью и результативностью проведения таких следственных действий, как очная ставка и опознание посредством ВКС. Так, очная ставка – это не просто допрос с одновременным участием двух допрашиваемых, важной составляющей ее успешного проведения является сама психологическая сущность следственного действия. Данное следственное действие направлено на преодоление противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, и совместный их допрос в формате очного присутствия способен создать более качественную психологическую обстановку, благодаря которой с большей долей вероятности будут достигнуты цели, поставленные следователем при проведении очной ставки. Также открытым остается вопрос, насколько качественным будет дистанционное опознание, с учетом того, что в производство данного следственного действия вовлечено большее, по сравнению с допросом и очной ставкой, количество граждан, в частности, понятые, статисты. Закономерен вопрос, как стороне защиты предотвратить и предусмотреть возможность оказания давления на опознающего, находящегося по другую сторону экрана [5, с. 45]. Безусловно, стоит отметить и положительные аспекты про-

¹ Архив Калининского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Д. №2-124/2022.

ведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания посредством ВКС. Во-первых, реализация данных следственных действий направлена на соблюдение установленных сроков расследования уголовных дел в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки. В будущем, например в условиях пандемии, это может обезопасить многих участников уголовного расследования. Во-вторых, и в настоящее время эти положения актуальны для регионов, где ограничено авиасообщение, либо следственных отделов на транспорте. В-третьих, процесс предъявления для опознания посредством ВКС возможен для обеспечения большей безопасности как опознаваемого, так и опознающего, например, по должностным насильственным преступлениям. В-четвертых, проведение очной ставки посредством ВКС минимизирует риск давления на участников как во время таковой, так и непосредственно перед ее проведением, в случае если участники очной ставки встретятся друг с другом.

В изученных автором материалах уголовных дел по ст. 286 УК РФ отсутствует широкая практика проведения анализируемых следственных действий в дистанционном формате, исходя из этого, сложно делать какие-либо однозначные выводы относительно целесообразности проведения очной ставки и опознания посредством ВКС. При этом важной составляющей эффективности и результативности следственных действий является строгое и неукоснительное соблюдение требований уголовно-процессуального закона, регламентирующего порядок их проведения.

Подытоживая практические проблемы использования систем ВКС при проведении допроса, очной ставки и опознания, отметим, что, на наш взгляд, для обеспечения реализаций законодательных новелл необходимо в первую очередь обеспечить органы предварительного расследования современными комплексами ВКС, которые позволят провести следственные действия и получить соответствующие качественные результаты.

Полагаем, статья 189.1 УПК РФ сформулирована без отражения конкретных целей или оснований, что может повлечь необоснованное проведение дистанционных следственных действий при наличии реальной возможности провести их в очном формате. С одной стороны, введение закрытого перечня оснований данных

следственных действий представляется некорректным, с другой – даже в рамках территориальной близости более обоснованно проводить очную ставку между несовершеннолетним и совершеннолетним участником с применением ВКС. Зачастую в ходе проведения традиционной процедуры очной ставки несовершеннолетний опасается негативного влияния на него со стороны взрослого участника, может замкнуться и отказаться от любых показаний, ВКС позволит избежать данных последствий. В настоящее время правоприменительная практика складывается таким образом, что в рассмотренной ситуации, учитывая негативные последствия такой очной ставки, следователи и дознаватели просто отказываются от ее проведения, что на наш взгляд, является не совсем верным решением.

Так, нормы, регламентирующие проведение следственных действий посредством ВКС, существуют не только в УПК РФ, но и в уголовно-процессуальных законах стран СНГ, таких как, например, Республика Беларусь и Республика Казахстан. В отличие от положений статьи 189.1 УПК РФ, в уголовно-процессуальных законах этих стран закреплен перечень оснований, при которых допускается дистанционное проведение следственных действий.

В части 1 статьи 224.1 УПК Республики Беларусь в качестве причин, по которым проведение допроса, очной ставки либо опознания с участием свидетеля или потерпевшего может быть произведено дистанционно, указаны невозможность прибытия в место производства следственного действия по состоянию здоровья; для обеспечения безопасности участников следственного действия и других лиц; несовершеннолетие свидетеля/потерпевшего и для обеспечения более быстрого исследования обстоятельств дела¹.

В части 1 статьи 213 УПК Республики Казахстан, помимо аналогичных белорусскому уголовно-процессуальному закону причин, указано также на наличие обстоятельств, свидетельствующих, что очное проведение следственных действий будет сопряжено с излишними затратами или будет затруднено².

Полагаем, статью 189.1 УПК РФ необходимо дополнить обстоятельствами, которые объективно обуславливают необходимость проведения допроса, очной ставки и опознания посредством ВКС. По нашему мнению, конкретизация в за-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-з (ред. от 09.03.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 04.05.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (ред. от 26.03.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 04.05.2023).

коне объективных обстоятельств, делающих невозможным проведение следственного действия в очной форме, позволит предотвратить случаи злоупотребления следователем возможностями дистанционного проведения следственных действий в тех случаях, когда наиболее целесообразно проведение следственных действий очно, что не влечет излишних финансовых и временных затрат. За 2022 год автором было найдено более 30 решений судов, когда результаты очной ставки с применением ВКС были признаны в ходе судебного заседания недопустимым доказательством. Как правило, это процессуальные и субъективные нарушения законодательства. Например, имеется справка следователя по результатам проведенного следственного действия, что видеозапись не получилась по причине того, что устройство, на котором проводилась запись, вышла из строя. Подобная техническая неисправность, на наш взгляд, содержит субъективные факторы, когда следователь, изучив порядок очной ставки с использованием ВКС, понимает, что реально допущены нарушения уголовно-процессуального законодательства: например, несвоевременно разъяснены права и обязанности участникам следственного действия, неверно интерпретированы пояснения лиц, участвующих в следственном действии, неверно проведена процедура повторного предъявления для опознания путем использования ВКС. В итоге нарушается сама суть проведения очной ставки. В продолжение данных мыслей согласимся с О.А. Малышевой, которая предлагает «законодательно направить

протокол на электронный ресурс предварительного расследования для последующего личного ознакомления участников с ним, если они заявят такое ходатайство» [7, с. 78].

Обсуждение и заключение

Сама идея внедрения достижений цифровизации в процесс проведения следственных действий – это позитивное начало, обуславливающее совершенствование стадии предварительного расследования с учетом достижений современных технологий, поскольку указанные нововведения позволят как сократить время производства предварительного следствия, так и уменьшить финансовые затраты на его проведение, обеспечив соблюдение разумных сроков судопроизводства.

Предлагаем статью 189.1 УПК РФ дополнить частью 1.1, изложив ее в следующей редакции: допрос, очная ставка и опознание могут быть проведены путем использования систем видео-конференц-связи в случаях:

- 1) отсутствия объективной возможности участника процесса прибыть на место производства следственного действия по состоянию здоровья, ввиду значительной удаленности места проживания либо при наличии иных уважительных причин;
- 2) в целях обеспечения безопасности участников процесса и иных лиц;
- 3) наличие объективных сведений, свидетельствующих о том, что проведение следственных действий будет сопряжено со значительными финансовыми или временными затратами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валов С.В. Ресурсное обеспечение цифровой трансформации следственной деятельности // Российский следователь. 2023. № 3. С. 2 – 6. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-3-2-6.
2. Цветков Ю.А. Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 21 – 28. DOI: 10.18572/2072-4411-2023-1-21-28.
3. Мичурин О.В. Информатизация уголовного судопроизводства в аспекте возможностей и преимуществ для предварительного расследования // Российский следователь. 2022. № 12. С. 19 – 21. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-12-19-21.
4. Белкин А.Р. Использование видео-конференц-связи в следственных действиях: технические преимущества и процессуальные проблемы // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 12 – 16. DOI: 10.18572/2072-4411-2022-4-12-16.
5. Пономаренко Ю.Н. Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи: актуальные проблемы и пути их решения // Международный научный журнал «Вестник науки». 200. № 6 (51). С. 257 – 262.
6. Никурадзе Н.О. Актуальные вопросы обеспечения в уголовно-правовой сфере конституционных прав под влиянием информационно-цифрового развития общества // Российский следователь. 2022. № 10. С. 44 – 47. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-10-44-47.
7. Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex Russica. 2022. Том 75 №6 (187). С. 78. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.074-084.

REFERENCES

1. Valov S.V. Resursnoe obespechenie cifrovoj transformacii sledstvennoj deyatel'nosti // Rossijskij sledovatel'. 2023. № 3. S. 2 – 6. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-3-2-6.
2. Cvetkov YU.A. Inkvizicionnyj process: versiya 2.0 (cifrovaya inkviziciya) // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2023. № 1. S. 21 – 28. DOI: 10.18572/2072-4411-2023-1-21-28.
3. Michurina O.V. Informatizaciya ugolovnogo sudoproizvodstva v aspekte vozmozhnostej i preimushchestv dlya predvaritel'nogo rassledovaniya // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 12. S. 19 – 21. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-12-19-21.
4. Belkin A.R. Ispol'zovanie video-konferenc-svyazi v sledstvennyh dejstviyah: tekhnicheskie preimushchestva i processual'nye problemy // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2022. № 4. S. 12 – 16. DOI: 10.18572/2072-4411-2022-4-12-16.
5. Ponomarenko YU.N. Osobennosti provedeniya doprosa, ochnoj stavki, opoznaniya putem ispol'zovaniya sistem video-konferenc-svyazi: aktual'nye problemy i puti ih resheniya // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Vestnik nauki». 200. № 6 (51). S. 257 – 262.
6. Nikuradze N.O. Aktual'nye voprosy obespecheniya v ugolovno-pravovoj sfere konstitucionnyh prav pod vliyaniem informacionno-cifrovogo razvitiya obshchestva // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 10. S. 44 – 47. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-10-44-47.
7. Malysheva O.A. Processual'nye garantii prav uchastnikov sledstvennyh dejstvij, proizvodimyh s primeneniem sistemy video-konferenc-svyazi» // Lex Russica. 2022. Tom 75 №6 (187). S. 78. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.074-084.

Информация об авторе:

Галяутдинов Рушан Радикович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, rushan-94@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Galyautdinov Rushan R., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Department of Criminalistics, Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, rushan-94@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 11.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 340.69
DOI: 10.37973/KUI.2023.21.68.011

РУСОФОБСКИЙ ДИСКУРС И МЕДИАБЕЗОПАСНОСТЬ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Елена Игоревна Галяшина¹, Константин Михайлович Богатырев²,
^{1,2} Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
¹ eigalyashina@gmail.com, ² kbog@rambler.ru

Благодарности: исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030»

Аннотация

Введение: в статье анализируется понятие «русофобия», обозначающее актуальную угрозу национальной (в частности, информационно-мировоззренческой) безопасности Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования правового и научного обеспечения информационной безопасности в части защиты общества и государства от агрессивной ксенофобской идеологии, основу которой составляет ненависть не только к государствообразующему народу, но ко всем представителям полиэтнической российской нации. Данное междисциплинарное научное исследование осуществляется на пересечении политологии и таких юридических наук, как криминалистика, теория судебных экспертиз (судебная экспертология) и судебное речеведение.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составила аналитическая филологическая традиция наряду с общенаучными методами (описание, сравнение, обобщение и др.), а также частнонаучными методами (формально-юридическим, сравнительно-историческим, сравнительно-правовым и др.). Эмпирической основой исследования выступили материалы практической деятельности Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Результаты исследования: осуществлено выявление типичных черт русофобского дискурса, основных клише, используемых сторонниками данной идеологии. Указываются основные направления русофобской агрессии: против народа, государства и культуры. Рассматриваются разновидности русофобии, характерные для внешних противников и внутренних неконструктивно настроенных сил; уделяется внимание самоненавистничеству как особой разновидностью русофобии.

Обсуждение и заключение: русофобия как разновидность экстремистской идеологии должна встречать жесткий отпор, а противодействие ей – получить необходимое юридическое оформление. Кроме того, необходима разработка прикладного инструментария, позволяющего осуществлять юрисдикционную деятельность, связанную с комплексной правовой оценкой и противодействием противоправным речевым действиям, относящимся к русофобскому дискурсу. Основным средством, по мнению авторов, должны стать специально разрабатываемые криминалистические диагностические комплексы (КДК) речевых действий, содержащие определенные лингвистические признаки и представляющие собой типовую модель криминогенного речевого действия. В рамках данного подхода

авторами предлагаются собственные разработки в данной области и делаются выводы об основных направлениях и перспективах противодействия русофобии со стороны России и ее народа.

Ключевые слова: Россия; русский народ; традиционные ценности; ксенофобия; русофобия; национальная безопасность; информационная безопасность; медиабезопасность; криминалистика; судебное речеведение

© Галяшина Е.И., Богатырев К.М., 2023

Для цитирования: Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Русофобский дискурс и медиабезопасность: новые вызовы в условиях информационной войны // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 85 – 94. DOI: 10.37973/KUI.2023.21.68.011

Scientific article

UDC 340.69

DOI: 10.37973/KUI.2023.21.68.011

RUSOFOBIA DISCOURSE AND MEDIA SECURITY: NEW CHALLENGES IN INFORMATION WARFARE CONDITIONS

Elena Igorevna Galyashina¹, Konstantin Mihailovich Bogatyrev²,
^{1,2} the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
¹ eigalyashina@gmail.com, ² kbog@rambler.ru

Acknowledgments: *The research was conducted in frame of the federal academic leadership program Priority 2030*

Abstract

Introduction: this article deals with the concept of “Russophobia” which denotes a current threat to the national security of the Russian Federation and particularly informational and ideological security as well. The relevance of the study is determined by the need to improve the legal and scientific support for information security for protecting our society and state from aggressive xenophobic ideology, based on hatred to all representatives of the multi-ethnic Russian nation. This interdisciplinary scientific research is carried out at the intersection of political science and such legal disciplines as criminology, theory of forensic examinations (forensic expertology), and forensic speech analysis.

Materials and Methods: the methodology of the study was based on the analytical philosophical tradition and universal research methods (describing, comparing, generalising, etc.) as well as specific research methods (legal, comparative, historical, etc.). The empirical bases for the study were Centre for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, Kutafin Moscow State Law University case studies.

Results: the authors identified typical features of Russophobic discourse, basic clichés used by the proponents of this ideology; the main directions of Russophobic aggression: the people, the state, the culture; considers types of Russophobia specific to external opponents and internal unconstructive forces. The authors pay special attention to self-hatred as a special kind of Russophobia.

Discussion and Conclusions: Russophobia, as a type of extremist ideology, should be strongly resisted, and the fight against it should receive the necessary legal framework. In addition, it is necessary to create application tools to enable jurisdictional activities to be carried out, connected to comprehensive legal assessment and counteraction to unlawful speech actions related to Russophobic discourse. The main tool, according to the authors, should be specially developed forensic diagnostic complexes of speech actions, containing certain linguistic features and representing a typical model of criminogenic speech action. Within the framework of this approach, the authors propose their own developments in this area and draw conclusions about the main directions and prospects of countering Russophobia on the part of Russia and its people.

Keywords: Russia; Russian people; traditional values; xenophobia; Russophobia; national security; information security; media security; forensic science; forensic speech science

© Galyashina E.I., Bogatyrev K.M., 2023

For citation: Galyashina E.I., Bogatyrev K.M. Rusophobic Discourse and Media Security: New Challenges in Information Warfare Conditions. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):85 – 94. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.21.68.011

Введение

В современном информационном пространстве имеет место формирование резко отрицательного, враждебного образа России, активная и агрессивная антироссийская пропаганда. Ее цель – внутреннее разложение и разобщение патриотических сил, поддерживающих действующую власть и ее стратегический курс, направленный на обеспечение национальной безопасности, укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности страны¹. По мнению В.П. Кириленко и Г.П. Алексеева, «развитие доктрины информационного суверенитета показывает, что верховенство власти и качество массовой информации находятся в непосредственной политической зависимости»; добавим, что в современных реалиях активное участие радикальных международных молодежных движений в создании экстремистского медиаконтента способствует «скьюритизации информационного пространства и ограничению доступа к информации на основе норм публичного права» [1, с. 45].

В.В. Путин не раз говорил о необходимости защиты традиционных российских ценностей и предложил считать консервативные ценности «ядром» национальной идеи России², главным основанием ее самобытного развития³. В последние годы ненависть к России, проявляющаяся у отдельных граждан, выступает в качестве серьезной информационно-мировоззренческой угрозы, которую нельзя недооценивать, а следует рассматривать в аспекте комплексного обеспечения безопасности в медиасреде⁴. При этом надуманные стереотипы, ложные представления, формирование негативных установок в отношении русского народа, языковой экспансии и принижения значения русского языка и русской культуры, разрушения русского исторического самосознания, дискредитации наиболее патриотической части русского народа являются основными проявлениями русофобского дискурса во враждебном

отношении к России, российскому государству и его гражданам со стороны как ее внешних противников⁵, так и внутренних недоброжелателей.

Не меньшую угрозу представляет русофобский культуроцид – оказываемое на Россию и русских давление с целью заставить русских отказаться от своих традиционных духовных ценностей, типологических черт, отличающих их от Запада, утратить свое национально-историческое своеобразие, свою русскость: осквернение национальных святынь и кощунственные, оскорбляющие религиозные чувства людей действия; идеологическое и психологическое воздействие на российских граждан с целью насаждения чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности; отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака и многодетности (в т.ч. за счет разрушения традиционной российской семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и добровольного отказа от рождения детей), созидательного труда.

Имеют массовый характер попытки фальсификации истории (в т.ч. за счет реабилитации нацистских преступников и их пособников) и отрицания позитивного вклада России в мировую историю и культуру. Особо циничный и оскорбительный характер для России, народ которой понес наибольшие жертвы в борьбе с нацизмом, в качестве проявления русофобии носят ложные обвинения России в развязывании Второй мировой войны (обосновывающие допустимость агрессии нацистской Германии и ее союзников в 1941 году), концепция «равной» вины и «одинаково преступной природы» СССР и Третьего рейха.

Признаком ярой русофобии является высокий индекс агрессивности ряда западных СМИ

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства: послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 б/н // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057> (дата обращения: 07.06.2023).

³ О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства: послание Президента Российской Федерации от 04.12.2014 б/н // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443> (дата обращения: 07.06.2023).

⁴ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁵ MEDIA – (DIS)INFORMATION – SECURITY // North Atlantic Treaty Organization (NATO). URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2020/5/pdf/2005-deepportal4-information-warfare.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

в отношении России, выражающийся в многократном перевесе негативных публикаций над нейтральными или позитивными, основанными на презумпции виновности России во всех касающихся ее конфликтах или трагедиях. Последнее десятилетие в мировом информационном пространстве отмечено значительным ростом русофобских тенденций, которые в итоге привели к тяжелым моральным и материальным потерям, а также многочисленным человеческим жертвам. Ярким примером является Украина, где русофобия была вознесена до уровня «национальной гордости» (что на юридическом уровне было закреплено в таких актах, как закон Украины от 28.11.2006 № 376-V «О Голодоморе 1932-1933 годов в Украине», закон Украины от 09.04.2015 № 314-VIII «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке», закон Украины от 09.04.2015 № 317-VIII «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики», закон Украины от 22.05.2022 № 2265-IX «О запрете пропаганды российского нацистского тоталитарного режима, вооруженной агрессии Российской Федерации как государства-террориста против Украины, символики военного вторжения российского нацистского тоталитарного режима в Украину», закон Украины от 21.03.2023 № 3005-IX «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики в Украине и деколонизации топонимии» и т.д.). Следствием этого стал геноцид русских на Донбассе¹, ограничение сферы применения русского языка даже в тех регионах, где русские составляют большинство, другие проявления антироссийской политики.

Результаты исследования

В утвержденной Президентом Российской Федерации Концепции внешней политики² термин «руссофобия» употребляется наряду с обозначениями иных информационных угроз. В документе имеется информация о необходимости противодействия кампании русофобии, развязанной недружественными государствами³. Выступая на XI Петербургском юридическом форуме, за-

меститель министра юстиции России А.В. Логинов предложил официально закрепить в законодательстве понятие «руссофобия». Вице-спикер Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И.А. Яровая призвала ввести в России уголовное наказание за руссофобию, отметив, что руссофобия стала не только средством разжигания ненависти и дискриминации в отношении россиян, проживающих за рубежом, но и идеологической основой для агрессивной антироссийской политики коллективного Запада⁴.

В Доктрине информационной безопасности 2016 года⁵ отмечается нарастающая тенденция к увеличению в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации; наращивается информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, создания негативистских установок относительно собственного народа, страны, государства и их истории. Распространенность руссофобии среди религиозных экстремистов является одним из основных факторов, подпитывающих террористическую угрозу гражданам России всех национальностей и вероисповеданий.

В связи с этим к числу основных информационных угроз национальной безопасности документами стратегического планирования отнесена осуществляемая с использованием информационных технологий деятельность по оказанию информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Подчеркивается, что различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников.

¹ Путин назвал геноцидом «происходящее в Донбассе» // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/620bc8919a794797fe506b3c> (дата обращения: 20.05.2023).

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

³ Руссофобия: нацизм XXI века // XI Петербургский международный юридический форум. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/2873/> (дата обращения: 13.05.2023).

⁴ Недружественные манеры: в ГД работают над уголовным наказанием за руссофобию // ИЗВЕСТИЯ. URL: <https://iz.ru/1533655/alena-nefedova/nedruzhestvennye-manery-v-gd-rabotaiut-nad-ugolovnym-nakazaniem-za-rusofobiiu> (дата обращения: 26.06.2023).

⁵ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

Русофобию следует рассматривать как разновидность ксенофобии¹ (в ряду сходных с ней явлений, таких как англо-, франко-, германофобия, антисемитизм) – это ненависть и вражда, неприязнь к России, российским гражданам, русскому народу, русскому языку и культуре, неприятие российской самобытности, этнокультурной, религиозной и национально-государственной российской идентичности (как пишет И.Л. Мостицкий, это «патологическая, в значительной мере неосознаваемая ненависть к индивидам, которые идентифицируют себя с русской многонациональной культурой, а также к самой этой культуре и ее символам (русскому языку, русской литературе и др.). Тенденция усматривать ее проявления там, где на самом деле их нет, представляет собой как бы обратную сторону этого расстройств, но в сущности своей все ту же перманентную паранойю, каковой в действительности русофобия и является»²).

Жертвами русофобии становятся сегодня не только этнически русские (представители государствообразующего народа), но все граждане Российской Федерации, говорящие на русском языке, ощущающие свою сопричастность с ценностями русской культуры, традиционными духовно-нравственными российскими ценностями – представители полиэтнической российской нации, обозначаемой в преамбуле Конституции 1993 г. как «многонациональный народ Российской Федерации»³.

Несмотря на важность рассмотрения данной проблемы, нельзя сказать, что она должным образом исследована; причина этого усматривается в характеристике данной тематики как конфликтно-генной и недопустимой. На это указывал И.Р. Шафаревич – консервативный мыслитель, активно исследовавший феномен русофобии и заключивший, что «единственный выход – это дискуссия» [2, с. 217], обсуждение, которое не только позволит понять причины и природу проблемы, но и найти подходы к ее решению.

Он же, рассматривая истоки данной идеологии, писал: «Западная мысль в XIX веке стояла на такой точке зрения, что Россия – это некоторое препятствие, которое загроживает дорогу для прогресса, как бы кто ни понимал понятие прогресса»; из чего следовал вывод о том, что окку-

пантам, эксплуататорам и угнетателям «русским “нужно себя искусственно поставить в положение более низкое по сравнению с другими нациями”» [2, с. 222-223]. Россия, являющаяся культурной западной цивилизацией, рассматривалась как опаснейший соперник, который должен быть низвергнут и унижен: поэтому основной пропагандистской идеей стало ее позиционирование как дикой восточной деспотии. О.Б. Неменский в связи с этим отмечал следующее: «Русофобия – это западная по происхождению идеология, утверждающая злую природу русского народа. <...> Логика русофобии основана на противопоставлении русского и западного как дурного хорошему. В связи с этими свойствами русские как народ видятся принципиально враждебными Западу, а Россия – как сущностно иная, чуждая цивилизация. Россия предстает как экзистенциальный враг Запада и всего, что осознается в западной культуре как специфически «западное» – свободы, демократии, прав человека. Из этого делаются выводы о необходимости борьбы с Россией и уничтожения всего того, что составляет русскость, – физического или культурного в зависимости от конкретных трактовок» [3, с. 36-37].

Типичный набор идеологем, так или иначе фигурирующих в русофобском дискурсе (где русофобия представляет собой давно сложившуюся доктрину с четким набором догм), можно охарактеризовать следующим образом:

против народа (продвигается тезис об отрицании существования русского народа или о его негативной роли): «такого народа нет» / «это не европейцы / не славяне»; «это народ-самозванец (не русские, а московиты)»; русские – «ничего не могут и не умеют», «природные рабы, нуждающиеся в “сильной руке”». Основная мысль: *русские не имеют собственного мнения, их убеждения – целиком продукт официальной пропаганды (вплоть до того, что русские воспринимаются не как индивидуумы, а как элементы бездушной государственной машины)*⁴;

против государства (продвигается тезис, что российская государственность – это притворяющаяся европейской страной жестокая и неэффективная восточная деспотия, которая должна перестать существовать): *Россия – нищая, отсталая страна («Орда», «варварская Московия»,*

¹ Ксенофобия (от греч. чужой, страх) — неприязнь к кому-либо или чему-либо чужому; восприятие чужого как неприятного и опасного, враждебного.

² Мостицкий И.Л. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике // Academic. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru (дата обращения: 07.06.2023).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237 (первоначальный текст).

⁴ Курсив здесь и далее – см.: Меморандум экспертного центра Всемирного русского народного собора о русофобии // РЕЛИГИЯ и СМИ. URL: http://www.religare.ru/2_106622.html (дата обращения: 20.06.2023).

«Хазарский каганат»). Причиной этого являются русская лень, пьянство и экономическая неэффективность чрезмерно обширного государства. Россия – агрессивное государство. Ее огромные размеры являются результатом ее имманентной агрессивности. Россия – ксенофобское общество, «тюрьма народов». Русские враждебно относятся к своим соседям и жестоко эксплуатируют национальные меньшинства. Россия – пространство рабства и несвободы. Права и возможности человеческой личности в России фатально ограничены. Россия – «недоразвалившаяся империя, так и не сумевшая стать нацией», поэтому она должна прекратить существование – раздробиться и уступить место конгломерату малых стран;

против культуры (отрицание ценности и самостоятельного характера русской культуры, ее позитивного вклада в общемировое достояние): развитие чаадаевского «мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь» [4].

Все негативные события и явления в истории и современности позиционируются как следствие «порочной» природы российской государственности («империя зла», «тюрьма народов») и русского народа («великодержавный шовинизм», «рашизм»), как последствия деятельности последнего («захватчики», «оккупанты», «нацисты» и т.д.). Широко используется принцип коллективной ответственности (ведь все действия государства осуществляются «с молчаливого согласия» русского народа), через применение которого предпринимаются попытки формирования у русских «культуры стыда». В связи с этим нельзя не отметить и особую разновидность русофобии, которую О.Б. Неменский обозначает как «русская русофобия (самоненавистничество)», формирую-

щаяся «по мере восприятия российской интеллектуальной средой русофобских идей», в результате которого складывается «необычный тип русского культурного человека, как бы отчуждённого от своей культуры в пользу западной»¹ (яркий пример последнего времени – появление после начала СВО «хороших русских», публично выступающих против России для того, чтобы быть «на хорошем счету» в эмиграции²).

Из всего перечисленного выше приверженцами русофобской идеологии делается один логический вывод: *Россия является мировым полюсом зла, который угрожает всему человечеству. Необходимо стремиться к максимальному ослаблению этой «империи зла», освобождению народов от ее влияния и в итоге – к полному устранению исходящей угрозы.* Таким образом, русофобские доктрины являются оправданием непрекращающейся пропагандистской идеологической войны, направленной на нейтрализацию, расчленение и максимальное ослабление России.

В периоды политической нестабильности и социальных потрясений русофобское мировоззрение определяет политическую практику деструктивных сил, усугубляет остроту социальных конфликтов и приводит к массовой гибели людей. В антирусской пропаганде русофобия выступает как деструктивная идеология дегуманизации (расчеловечивания) русского человека (пример – именование русских «орками»³), направленная на уничтожение всего, что с ним связано: его образа жизни, его исторической памяти, его сакральных чувств. Главным образом это выражается в стремлении уничтожить российское государство, опорочить российскую государственность как таковую. У русофобской идеологии общая природа с иными экстремистскими идеологиями, понимание которых раскрыто в п. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации (согласно которому «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»). Кроме того, она напрямую противоречит ст. 26 Конституции Российской Федерации, гласящей, что

¹ Олег Неменский – Русофобия как идеология // Русский дом. URL: <http://www.russdom.ru/node/7732> (дата обращения: 07.06.2023).

² Кто такие «хорошие русские». Объясняем простыми словами // Секрет фирмы. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/khoroshie-russkie.htm> (дата обращения: 20.06.2023).; Им уже не стыдно: на Западе завелись «хорошие русские» // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20220521/emigratsiya-1789839555.html> (дата обращения: 20.06.2023).

³ Mick Ryan. The Russia-Ukraine war will not end soon but post-war planning must start now // ABC NEWS. URL: <https://www.abc.net.au/news/2022-09-27/russia-ukraine-post-war-planning/101473304> (дата обращения: 20.06.2023).

«каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». Таким образом, в политическом дискурсе русофобию следует рассматривать в одном ряду с иными информационными угрозами экстремистско-террористического толка, в т.ч. как деструктивную идеологию западных глобалистских элит, которые «сравливают людей и раскалывают общества, провоцируют кровавые конфликты и перевороты, сеют ненависть, русофобию, агрессивный национализм, уничтожают и семейные, традиционные ценности, которые делают человека человеком»¹.

Если русофобскую речевую деятельность следует относить к экстремистской, то по каким признакам ее можно отличить от других правонарушений, совершаемых посредством речевых актов? Воспользуемся для этого подходом, используемым в комплексной методике, разработанной специалистами Российского Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России [5]. В развитие этого подхода, с опорой на судебное речеведение и прагмалингвистику («Если синтактика объясняет, как устроено высказывание, как говорит человек (в плане внешних форм языка), если семантика показывает, что он говорит, что означает высказывание, то прагматика стремится раскрыть в каких условиях и с какой целью в данном случае говорит человек» [6, с. 11]) для распознавания определенных противоправных деяний нами разрабатываются криминалистические диагностические комплексы (далее – КДК) лингвистических признаков речевых действий, представляющие собой типовые модели криминогенных речевых действий – «образцы-эталоны» для сравнительной стадии диагностического исследования. Система КДК состоит из трех строго определенных компонентов признака речевого действия (далее – ПРД): (1) что говорится и что означает высказывание, (2) какое отношение говорящий выразил в отношении сказанного, (3) в каких условиях и с какой целью говорил человек.

Таким образом, можно диагностировать конкретное речевое действие как подпадающее под состав общественно опасного деяния или не несущее общественной опасности. Данное свойство (общественная опасность) может быть подтверждено, только когда все три элемента системы име-

ют место. В случае если какой-либо из указанных элементов системы (предмет речи/отношение/речевая цель) будет отсутствовать у исследуемого речевого действия (на сравнительной стадии процесса диагностического исследования выявится несовпадение его с компонентом КДК), следует сделать вывод, что общественная опасность у исследуемого речевого действия отсутствует (или степень общественной опасности не настолько велика, чтобы данное речевое действие было криминализировано) [7].

На основе данного подхода предлагаем следующие комплексы, позволяющие диагностировать речевые продукты русофобского дискурса (негативное отношение к объекту речевой агрессии выражается через стереотипы с использованием рассмотренных выше клише: приписывание обобщенных негативных характеристик; приписывание враждебных действий и намерений; перенос негативных характеристик конкретных лиц на всю группу в целом; объяснение проблем, бедствий, неблагоприятия деятельностью России и русских).

Результаты проведения сравнительного диагностического исследования позволяют сделать вывод об отнесенности исследуемого речевого действия к конкретному виду речевых действий, т.е. речь идет о решении классификационно-диагностической задачи – об установлении соответствия объекта (речевого продукта) определенным, заранее заданным характеристикам (признакам эталона компонентов КДК) и отнесении его к определенному виду криминогенных речевых действий. Представляется, что в отсутствие специальных норм, предусматривающих ответственность за русофобию, данные деяния должны квалифицироваться по общим антиэкстремистским нормам, предусмотренным ст. 20.3.1. КоАП РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Обсуждение и заключение

Таким образом, современная идеология русофобии является одной из наиболее опасных угроз национальной безопасности Российской Федерации, проявляясь в виде деструктивной террористической идеологии, пропаганды экстремизма, информационного продвижения агрессивных националистических, сепаратистских и иных антироссийских сил, которые таким обра-

¹ ДЕНЬ ПОБЕДЫ: ПОМНИМ! Выступление президента России Владимира Путина. 09.05.2023 // Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/shows/den-pobedy/obrashenie-prezidenta/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina-09-05-2023> (дата обращения: 10.05.2023).

Таблица 1. КДК «Русофобия»
Table 1. Forensic Diagnostics “Russophobia”

Компонент ПРД	Криминалистические (лингвистические) признаки эталона
Предмет речи	объект криминогенной агрессии: а) группа лиц «русские», выделяемая по признаку социальной идентичности, или ее представитель (-и) б) Российская Федерация, государственные служащие (в т.ч. должностные лица и лица, занимающие государственные должности), граждане РФ
Отношение	негативное враждебно-неуважительное отношение к предмету речи: а) ненависть б) обвинение в) презрение г) страх д) пренебрежение к ценностям
Речевая цель	информирование о негативном, неуважительно-презрительном, враждебном отношении к предмету речи, демонстрация этого отношения

Таблица 2. КДК «Пропаганда русофобии»
Table 2. Forensic Diagnostics “Russophobia propaganda”

Компонент ПРД	Криминалистические (лингвистические) признаки эталона
Предмет речи	объект криминогенной агрессии: а) группа лиц «русские», выделяемая по признаку социальной идентичности, или ее представитель (-и) б) Российская Федерация, государственные служащие (в т.ч. должностные лица и лица, занимающие государственные должности), граждане РФ
Отношение	негативное враждебно-неуважительное отношение к предмету речи: а) ненависть б) обвинение в) презрение г) страх д) пренебрежение к ценностям
Речевая цель	убеждение в необходимости негативного эмоционального отношения к предмету речи

зом пытаются мобилизовать свою социальную базу, утвердить региональное или глобальное господство, навязать российскому обществу или русскоязычному населению, проживающему за границей, чуждые российскому народу и разрушительные для российского общества системы идей и ценностей.

Русофобия должна встречать жесткий отпор, а борьба с ней должна получить необходимое юридическое оформление (как внутри страны, так и на международном уровне¹). Противодействие русофобии должно стать частью национальной

идеи, поскольку она по сей день не имеет серьезных преград к развитию и распространению; напротив, существует «обратная политкорректность», способствующая русофобским высказываниям².

Кроме того, внутри страны необходимо вести активную работу, направленную на недопущение распространения ненависти и вражды по любому основанию (в т.ч. по признаку отношения к государствообразующему народу). В связи с этим следует помнить о возможном решении, предложенном еще Э. Ренаном – это обращение слабости в

¹ Резолюция 2686 (2023) <Поддержание международного мира и безопасности>, принятая Советом Безопасности на его 9347-м заседании 14 июня 2023 года // СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2023> (дата обращения: 07.07.2023).

² Олег Неменский – Русофобия как идеология // Русский дом. URL: <http://www.russdom.ru/node/7732> (дата обращения: 07.07.2023).

силу, использование негативных моментов нашей истории для объединения, а не для конфронтации («общие страдания соединяют больше, чем общие радости»), т.к. осознание общности исторической судьбы и понимание общих побед и достижений, поражений и провалов формирует «ясно выраженное желание продолжать общую жизнь», обеспечивает существование нации как «повседневный плебисцит» [8]. Как считают в связи с этим С.П. Поцелуев, А.А. Гаас и А.Д. Яковлев, «Нация есть прежде всего политический проект, предполагающий, что составляющие ее индивидуумы хотят совместно строить свое будущее. А для этого они должны быть способны многое позабыть из того, что их разделяло в историческом прошлом. Из вышесказанного вытекает необходи-

мость разработки современного концепта российской нации как базового элемента отечественной национальной политики. Критика данного концепта как “неоимперского” не только не уместна в научном и политическом плане; она скрывает этнонационалистические тенденции, реально угрожающие территориальной целостности РФ» [9, с. 203]. Следует заключить, что негативные события истории России должны не разделять (как в случаях «войн памятников», «войн памяти»), а объединять народ в единую государственную нацию, способную находить и развивать общие интересы при принятии и примирении с историческим наследием, но в первую очередь – противостоять агрессивным попыткам унижить и уничтожить Россию и ее народ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кириленко В.П., Алексеев Г.П. Право доступа к информации и медиабезопасность // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 39 – 49. EDN NWCWCN.
2. Шафаревич И.Р. Сочинения. В 3 т. Т. 2. Москва: Феникс, 1994. 512 с.
3. Неменский О.Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13). С. 26 – 65. EDN RVSSDH.
4. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма; перевод с фр. Д.И. Шаховского, Л.З. Каменской, М.П. Лепехина, В.В. Сапова. Москва: Наука, 1991. Т. 1. С. 320 – 440.
5. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. 108 с.
6. Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 11 – 17.
7. Галяшина Е.И., Никишин В.Д., Богатырев К.М. Типовые криминалистические диагностические комплексы криминогенных речевых действий // Судебная экспертиза. 2021. № 1 (65). С. 16 – 31. DOI: 10.25724/VAMVD.RXYZ. – EDN QSAXPL.
8. Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений в 12 томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87 – 101.
9. Поцелуев С.П., Гаас А.А., Яковлев А.Д. Монументальная коммеморация и российская идентичность на Северном Кавказе: может ли непринятие решений быть рациональной политической стратегией? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 197 – 204. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-197-204. EDN UMTIER.

REFERENCES

1. Kirilenko V.P., Alekseev G.P. Pravo dostupa k informacii i mediabezopasnost' // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. 2019. № 1. S. 39 – 49. EDN NWCWCN.
2. SHafarevich I.R. Sochineniya. V 3 t. T. 2. Moskva: Feniks, 1994. 512 s.
3. Nemenskij O.B. Rusofobiya kak ideologiya // Voprosy nacionalizma. 2013. № 1 (13). S. 26 – 65. EDN RVSSDH.
4. CHaadaev P.YA. Filosoficheskie pis'ma // CHaadaev P.YA. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma; perevod s fr. D.I. SHahovskogo, L.Z. Kamenskoj, M.P. Lepekhina, V.V. Sapova. Moskva: Nauka, 1991. T. 1. S. 320 – 440.
5. Kukushkina O.V., Safonova YU.A., Sekerazh T.N. Metodika provedeniya sudebnoj psihologo-lingvisticheskoj ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodejstviem ekstremizmu i terrorizmu. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moskva: FBU RFCSE pri Minyuste Rossii, 2022. 108 s.
6. Gak V.G. Pragmatika, uzus i grammatika rechi // Inostrannye yazyki v shkole. 1982. № 5. S. 11 – 17.

7. Galyashina E.I., Nikishin V.D., Bogatyrev K.M. Tipovye kriminalisticheskie diagnosticheskie komplekсы kriminogennyh rechevyh dejstvij // Sudebnaya ekspertiza. 2021. № 1 (65). S. 16 – 31. DOI: 10.25724/VAMVD.RXYZ. – EDN QSAXPL.
8. Renan E. CHto takoe naciya? // Sobranie sochinenij v 12 tomah. Perevod s francuzskogo pod redakciej V.N. Mihajlovskogo. T. 6. Kiev, 1902. S. 87 – 101.
9. Poceluev S.P., Gaas A.A., YAkovlev A.D. Monumental'naya kommemoraciya i rossijskaya identichnost' na Severnom Kavkaze: mozhet li neprinyatie reshenij byt' racional'noj politicheskoj strategiej? // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2023. № 1. S. 197 – 204. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-197-204. EDN UMTIER.

Информация об авторах:

Галяшина Елена Игоревна, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-1003>, eigalyashina@gmail.com

Богатырев Константин Михайлович, младший научный сотрудник Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, ассистент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-009X>, kbog@rambler.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Galyashina Elena I., Doctor of Law Sciences, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Center for Legal Examination in the Terrorism Ideology Combating and Extremism Prevention Sphere, Head of the Department of Criminalistics at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-1003>, eigalyashina@gmail.com

Bogatyrev Konstantin M., junior researcher scientist of the Center for Legal Examination in the Terrorism Ideology Combating and Extremism Prevention Sphere, assistant of the Department of Criminalistics at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-009X>, kbog@rambler.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Галяшина Елена Игоревна – определение общей концепции, структуры, методологии исследования, предмет-объектной области.

Богатырев Константин Михайлович – проведение исследования, работа с эмпирическим материалом, формулирование выводов.

Статья получена: 07.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

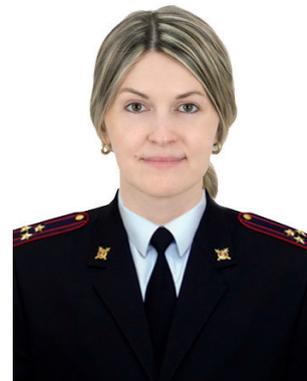
Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.17.14.012

**ЛИЧНОСТЬ СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНИКА:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Мария Викторовна Гусарова,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
rr-maria@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье проанализированы данные о лицах, совершивших преступления сексуального характера. Криминологическая характеристика личности сексуального преступника исследована на основании обобщения статистических данных по трех направлениям: социально-демографическая характеристика (пол, возраст, образование, семейное положение); социальный статус и функции, раскрывающие виды деятельности индивида в обществе; нравственно-психологические свойства.

Материалы и методы: в работе использовались логический, системно-структурный и статистический методы. Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации, статистические данные, положения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, научная литература.

Результаты исследования: в статье сформулирована криминологическая характеристика личности сексуального преступника. Исследован новый вид личности сексуального преступника, совершающего преступления посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Обсуждение и заключение: определены социально-демографические показатели, социальный статус и нравственно-психологические свойства личности сексуального преступника. Отдельно уточнены особенности лиц, имеющих особенности сексуального поведения и предпочтений (парафилий). Обозначено появление нового типа преступника в рассматриваемой сфере, совершающего деяния с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет.

Ключевые слова: личность сексуального преступника; криминологическая характеристика; преступления сексуального характера

© Гусарова М.В., 2023

Для цитирования: Гусарова М.В. Личность сексуального преступника: криминологическая характеристика // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 95 – 100. DOI: 10.37973/KUI.2023.17.14.012

Scientific article
UDC 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.17.14.012

THE IDENTITY OF A SEX OFFENDER: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS

Mariya Viktorovna Gusarova,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia, rr-maria@mail.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes data on persons who have committed sexual crimes. Criminological characteristics of a personality of a sex offender are analyzed on the basis of generalization of statistical data

in three areas: socio-demographic characteristics (gender, age, education, marital status); social status and functions that reveal the types of activities of an individual in society; moral and psychological properties.

Materials and Methods: logical, system-structural, and statistical methods were used in the work. The research materials were the norms of the criminal legislation of the Russian Federation, statistical data, the provisions of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific literature.

Results: the article expresses the criminological characteristics of the personality of a sex offender. A new type of personality of a sex offender committing offences through the telecommunication network "Internet" is investigated.

Discussions and Conclusions: the author identified social and demographical figures, social status, and moral and psychological properties of sexual offender. The author pays special attention to the features of the individuals with special sexual behavior and preferences (paraphilias). The study identifies the new type of offenders in the given criminological area who commits crimes using public telecommunication technologies including the Internet.

Keywords: identity of a sex offender; criminological characteristics; crimes of a sexual nature

© Gusarova M.V., 2023

For citation: Gusarova M.V. The Identity of a Sex Offender: Criminological Characteristics. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):95 – 100. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.17.14.012

Введение

Рассмотрение сексуальной преступности в рамках насильственной не позволяет выделить всех ее характеристик. Понятию «преступления сексуального характера» в криминологическом аспекте соответствует термин «сексуальная преступность». Рассмотрим более подробно криминологическую характеристику личности преступника, совершающего деяния сексуального характера.

Криминологическая характеристика личности любого преступника, в том числе сексуального, включает в себя следующие компоненты:

- 1) социально-демографическая характеристика (пол, возраст, образование, семейное положение);
- 2) социальный статус и функции, раскрывающие виды деятельности индивида в обществе;
- 3) нравственно-психологические свойства.

Обзор литературы

В юридической литературе личности сексуального преступника посвящены фундаментальные труды Ю.М. Антоняна, Н.А. Исаева, А.А. Ткаченко, В.Е. Эминова и других.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания. Дополнительно были использованы различные общие и частные научные методы, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, системно-структурный и формально-логический, сравнительно-правовой и лингвистический.

Материалами исследования послужили статистические данные, нормы уголовного законода-

тельства Российской Федерации, научная литература.

Результаты исследования

В ходе проведенного исследования проанализированы данные о лицах, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в период с 2010 по 2022 год¹. Анализ данных дает основание утверждать, что в более половины случаев указанные деяния совершаются лицами в возрасте от 18 до 29 лет. При этом в данном возрастном диапазоне наиболее часто преступления совершают лица от 18 до 24 лет. Совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетними составляет в среднем от 5 до 9% от общего числа лиц, совершивших указанные преступления в рассматриваемом периоде.

Сексуальные преступления совершаются преимущественно лицами моложе 40 лет. При этом, согласно статистическим данным, лицами в возрасте от 18 до 29 лет совершается в среднем до 60% сексуальных преступлений, в возрасте от 30 лет и старше – до 30 %, в возрасте от 14 до 17 лет – до 10%.

Количество женщин, совершивших преступления рассматриваемого вида, составляет в среднем менее 1% от общего количества лиц, совершивших деяния.

Образовательный уровень лиц, совершающих данные преступления, невысокий. В большинстве случаев это лица, имеющие среднее профессиональное и среднее общее образование, реже – высшее образование. Начальное и среднее (пол-

¹ ГИАЦ МВД России. URL: <http://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 11.04.2022).

ное) общее образование имели в среднем от 65 до 75% от общего числа совершивших преступление. От 35 до 25% – среднее профессиональное образование. Лиц, имевших высшее профессиональное образование, в среднем от общего количества преступников составляет от 3 до 6%.

Статистические данные отражают следующие показатели совершения преступлений рассматриваемого вида в составе группы: группой лиц – 3-9%; группой лиц по предварительному сговору – от 9 до 12%; организованной преступной группой – 0,1%; в составе преступного сообщества – 0.

Лица молодого возраста преимущественно совершают преступления сексуального характера в группе.

Социальное положение лиц, совершающих преступления рассматриваемой категории, свидетельствует, что 70 и более % из них совершаются лицами без постоянного источника дохода и безработными. От 20 до 30% преступлений совершается наемными рабочими, от 7 до 10% – учащимися и студентами. Выделение иных категорий социального статуса виновных лиц нецелесообразно ввиду незначительности их доли.

В состоянии алкогольного опьянения на момент совершения изнасилования или покушения на него находились в среднем от 40 до 50% лиц, совершивших преступление. В состоянии наркотического опьянения в среднем находились от 2 до 7%, в состоянии токсического опьянения – менее 1%.

Среди лиц, совершающих сексуальные преступления, высокий уровень ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, который составляет в среднем 50% и выше.

Среди лиц, совершивших преступления рассматриваемой категории, граждане РФ составляют 90% и более.

Среди насильников немалая доля лиц на грани психического расстройства. Психические аномалии отмечаются от 30 до 40% сексуальных преступников [1, с. 117]. К ним относятся расстройства психической деятельности, не исключающие вменяемости. Указанная категория лиц находится на грани психического здоровья и заболевания и характеризуется нестабильностью поведения, эмоциональной неустойчивостью, раздражительностью, агрессивностью.

Сексуальные извращения могут формироваться при различных заболеваниях психики (шизофрения, психопатия, олигофрения, поражение головного мозга и пр.), при этом структура пер-

версии отражает особенности психопативной почвы, на которой она развивается [2, 306]. По сообщению Г.С. Васильченко, «все расстройства сексуальности представляют собой частные случаи дизонтогенеза в форме нарушений индивидуального психосексуального развития индивидуума»¹. По данным проведенных исследований, 61,0% виновных в изнасилованиях психически здоровы, оставшуюся массу составляют: психопаты – 15,8%, хронические алкоголики – 9,0%, олигофрены – 6,8%, лица с остаточными явлениями травм черепа – 2,8% [3, с. 148]. Высокий удельный вес олигофренов среди сексуальных преступников объясняется тем, что данное расстройство психики сопровождается дефектами речи, ограниченным запасом слов, угловатостью движений, что мешает устанавливать контакты с женщинами.

В формировании решимости совершить преступление сексуального характера сексуальные мотивы не всегда являются доминантными, а могут и вовсе отсутствовать.

Г.Б. Дерягин выделяет следующие психологические качества сексуальных агрессоров:

1) импульсивность, нарушение прогнозирования последствий своих поступков, непринятие социальных норм и требований, высокий уровень тревожности, ригидность и аффективность в сочетании с плохой приспособляемостью;

2) бессознательное ощущение своей ущербности, недостаточности во взаимоотношениях с женщинами, неуверенность в себе;

3) снижение возможности сопереживания, слабое самосознание, нарушение сексуальной приспособляемости и отсутствие персонификации в выборе сексуального партнера;

4) стремление к утверждению себя во взаимоотношениях с лицами женского пола, восприятие их как потенциально агрессивных, подавляющих, стремящихся к доминированию [4, с. 17].

Сексуальные проявления (поведение) сами по себе могут составлять норму либо быть аномальными. Критерий аномальности находится в медицинской (психиатрической, сексопатологической) плоскости. Психическим расстройством признается клинически значимый поведенческий синдром, связанный с болезненным симптомом, или нарушением одной или нескольких сфер функционирования, или значительным риском смертельного исхода, болью, утратой свободы; это проявление поведенческой, психологической или биологической дисфункции индивида [5, с. 34].

¹ Сексопатология: Справочник / под ред. Г.С. Васильченко. Москва, 1990. С. 126.

Основным медицинским критерием нормативности сексуального поведения принято считать нарушение контроля: неспособность сопротивления импульсу выполнить действия, способные принести вред себе или другим [6, с. 33]. В отечественной сексологии в качестве парафилий выделяют эксгибиционизм, педофилию и садомазохизм [7, с. 171]. Эксгибиционизм, заключающийся в публичном обнажении половых органов, является довольно распространенным проявлением. Вместе с тем данные действия постепенно выбывают из круга наказуемых деяний ввиду низкой степени общественной опасности, и в настоящее время правовое реагирование наступает только при демонстрации полового органа лицу, не достигшему шестнадцатилетнего возраста.

Педофилия как отклонение, заключающееся в сексуальном влечении к детям, носит не только отклоняющийся, но и криминальный характер. Все нормы о преступлениях сексуального характера содержат и деяния, совершенные в отношении детей. Государство и общество должны обеспечить особую защиту несовершеннолетних от сексуальных посягательств в связи с их повышенной в силу возраста уязвимостью от рассматриваемых действий.

Следующим отклонением от нормы является садомазохизм, в современном мире употребляется англоязычный аналог термина – BDSM. Данное сексуальное поведение предполагает доминирование над партнером, его подчинение, связывание, садизм. В то же время явление носит условное отклонение от нормы и чаще не предполагает криминальный характер, поскольку осуществляется в добровольном договорном порядке между участниками. В настоящее время заранее оговоренное сексуальное поведение, предполагающее доминирование над партнером и его полное подчинение, уже не вызывает серьезного общественного резонанса (возмущение). В случае если участники рассматриваемого сексуального поведения достигли совершеннолетнего возраста (либо более раннего возраста, определенного законодательством в качестве легитимного начала сексуальной жизни), криминальным характером их действия также не обладают, поскольку осуществляются добровольно. При отсутствии добровольности со стороны участника деяние не только приобретает аномальную сексуальную форму, но и становится криминальным.

Эксгибиционизм, педофилия и садомазохизм обозначены в качестве основных сексологических отклонений. Существуют также фетишизм, мастурбация, некрофилия, зоофилия, проститу-

ция, инцест, групповой секс, нудизм, изнасилование и многие другие отклонения, встречающиеся в сексуальном поведении.

Нравственно-психологические свойства личности преступника характеризуются эгоцентризмом, при котором удовлетворение собственных желаний является основой выбора поведения. Для лиц, виновных в совершении сексуальных преступлений, характерно также неуважение к женщинам и примитивное восприятие отношений между полами. Прослеживается связь роста совершения насильственных преступлений сексуального характера с моральной распущенностью, что позволяет преступникам оправдывать собственное поведение соответствием современным взглядам.

Нравственные требования личности преступника, совершающего сексуальные преступления, к социально значимым ценностям и выполняемым социальным функциям снижены. Как правило, данное лицо не преследует потребности в социально-нравственном одобрении своих действий, иногда специально противопоставляет себя общественным нормам поведения.

Следует констатировать факт пренебрежительного отношения лиц, совершающих сексуальные преступления, ко всей системе ценностных ориентаций, формирующих и определяющих нравственные отношения, нравственную деятельность и моральное сознание людей, в том числе в сфере половых отношений.

Наибольший процент рецидива за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы наблюдается у лиц, которые никогда не вступали в брак [8, с. 96].

В научной литературе авторами сформулированы различные типы насильников. В качестве основных типов лиц, виновных в рассматриваемых преступлениях, выделяют:

- «агрессивный» – нападающий внезапно на незнакомых женщин. Характерно, что поведение жертвы в данном случае, как правило, не является провоцирующим. К данному типу преступника относятся также большинство сексуальных преступлений, сопряженных с причинением тяжких телесных повреждений и убийством;
- «маниакальный» – включает лиц, совершение преступлений у которых вызвано болезненным состоянием психики, не исключаящим вменяемости;
- «ведомый» – совершающий преступления для подражания малой социальной группе или с целью упрочнения собственного авторитета в глазах конкретной личности;

- «ситуативный» – совершающий сексуальные преступления под воздействием обстоятельств (нахождение в одной компании с потенциальной жертвой, виктимное поведение жертвы).

С 2018 года Главный информационно-аналитический центр Российской Федерации дополнительно обрабатывает и учитывает сведения, характеризующие лиц, совершивших рассматриваемые преступления: кем они являются по отношению к потерпевшему. В 2019 году лицо, совершившее преступление, по отношению к потерпевшему являлось знакомым – 64%; членом семьи – 10% (из них супругом – 0,2%; родителем – 3%; сыном или дочерью – 0,3%); родственником – 3%; сожителем или бывшим супругом – 2,5.

Изложенные данные позволяют сформулировать признаки лица, совершающего преступления сексуального характера: это лицо мужского пола, находящееся чаще в возрасте от 18 до 29 лет, образование в большинстве случаев среднее или полное общее, гражданин РФ, социальный статус – лицо без постоянного источника дохода. В половине случаев виновное лицо в момент совершения преступления находилось в состоянии алкогольного опьянения. В более половины случаев виновное и потерпевшее лица были знакомы до совершения преступления.

В 2020 году Россия заняла 8-е место в списке стран с наибольшим количеством пользователей сети Интернет с показателями в 116,3 млн, что составило 80% от общего населения страны¹. Некоторые виды преступлений сексуального характера получили дополнительный импульс к развитию посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», составив часть киберпреступности.

В настоящее время широкое распространение в сети получили такие явления, как секстинг и груминг. Секстинг представляет собой пересылку личных фотографий и сообщений интимного содержания при помощи виртуальных каналов связи, социальных сетей. Груминг (от англ. – уход) – вовлечение под видом заботы взрослым лицом несовершеннолетних (малолетних) в интимные отношения посредством сети Интернет. Метод направлен на вызов у ребенка ощущения, что о нем заботятся, им искренне интересуются, т.е. формирование в его подсознании ощущения психологической зависимости². Н.А. Голованова со ссылками на

отчеты различных стран отмечает, что сексуальный груминг в отношении детей с помощью Интернета и связанных с ним технологий является растущей мировой проблемой [9, с. 53]. Аналогичные действия, сопряженные с сексуальной эксплуатацией детей в сети Интернет, получили название интернет-педофилии.

Интернет-пространство упрощает виновным лицам поиск жертв и последующее преступное поведение. На первоначальном этапе груминга происходит мониторинг детских страниц, размещенных в социальных сетях, на предмет возможности совершения в отношении ребенка преступления сексуального характера. В указанных целях анализируются сведения о друзьях и увлечениях конкретного лица. Далее преступник входит в контакт с выбранным ребенком посредством отправки сообщений, стремится войти к нему в доверие и подружиться.

Общение имеет конечной целью совершение преступления сексуального характера в одной из двух форм:

1) физической – в ходе последующей личной встречи, договоренность о которой происходит в сети;

2) виртуальной – преступление осуществляется только посредством цифровых технологий в сети Интернет.

Таким образом, современный виртуальный контакт между преступником и жертвой, ранее чаще составлявший подготовительную стадию к преступлениям сексуального характера, представляет собой самостоятельную форму совершения данных деяний.

Установить долю преступлений сексуального характера, совершенных с использованием интернет-сетей, невозможно ввиду отсутствия соответствующей статистической выборки.

Обсуждение и заключение

Изложенные данные позволяют сформулировать признаки лица, совершающего преступления сексуального характера: это лицо мужского пола, в возрасте от 18 до 29 лет, образование в большинстве случаев среднее или полное общее, гражданин РФ, социальный статус – лицо без постоянного источника дохода. В половине случаев виновное лицо в момент совершения преступления находилось в состоянии алкогольного опьянения. В более половины случаев виновное и потерпевшее лица были знакомы до совершения преступления.

¹ Top 20 Countries in Inrnet Users. URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm>.

² Интернет-груминг: орудие педофилов. URL: <http://expo-itsecurity.ru/company/viruslab/arts/15319.html>. (дата обращения: 07.09.2016).

Современный виртуальный контакт между сексуального характера, представляет собой са- преступником и жертвой, ранее чаще составляв- мостоятельную форму совершения данных дея- ший подготовительную стадию к преступлениям ний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. Москва, 2001. 247 с.
2. Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. Москва, 2015. 374 с.
3. Эминов В.Е. Сексуальные преступники: криминологический характер // Актуальные проблемы российского права, 2016. № 5. С. 147 – 153.
4. Криминальная сексология. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2011. 429 с.
5. Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Анормальная психология. Санкт-Петербург, 2004. 1166 с.
6. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. Санкт-Петербург, 2007. 484 с.
7. Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. Москва: Триада Х, 1999. 460 с.
8. Степанова О.Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2018. 286 с.
9. Голованова Н.А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 42 – 57.

REFERENCES

1. Antonyan YU.M. Nasilie. SChelovek. Obshchestvo. Moskva, 2001. 247 s.
2. Antonyan YU.M. Nauka kriminologiya: monografiya. Moskva, 2015. 374 s.
3. Eminov V.E. Seksual'nye prestupniki: kriminologo-psihologicheskij harakter // Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 2016. № 5.S. 147 – 153.
4. Kriminal'naya seksologiya. Moskva: YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2011. 429 s.
5. Karson R., Batcher Dzh., Mineka S. Anormal'naya psihologiya. Sankt-Peterburg, 2004. 1166 s.
6. Isaev N.A. Seksual'nye prestupleniya kak ob"ekt kriminologii. Sankt-Peterburg, 2007. 484 s.
7. Tkachenko A.A. Seksual'nye izvrashcheniya – parafilii. Moskva: Triada H, 1999. 460 s.
8. Stepanova O.YU. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody nesovershennoletnih: sovershenstvovanie zakonodatel'noj reglamentacii i pravoprimeneniya: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Sankt-Peterburg, 2018. 286 s.
9. Golovanova N.A. Novye formy onlajn-prestupnosti za rubezhom // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. № 3. S. 42 – 57.

Информация об авторе:

Гусарова Мария Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, rr-maria@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Gusarova Mariya V., Candidate in Law (Research doctorate), Docent, Docent of the Department of Criminal Procedure, the Kazan Law Institute of MIA of Russia, rr-maria@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 11.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.84.83.013

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Марина Александровна Ефремова,
Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия, Казань, Россия,
crimlaw16@gmail.com

Аннотация

Введение: статья посвящена изучению вопроса об уголовно-правовом значении информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, в том числе о месте использования информационно-телекоммуникационных сетей в системе признаков объективной стороны преступления и о влиянии данного обстоятельства на общественную опасность содеянного.

Материалы и методы: методологической базой исследования выступила совокупность общенаучных и частнонаучных методов научного познания, которые позволили проанализировать источники первичной научной информации, собранный автором эмпирический материал, относящийся к предмету исследования.

Результаты исследования: понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в настоящее время в доктрине уголовного права еще не сформировалось. Информационно-телекоммуникационные сети в системе признаков объективной стороны преступления являются средством совершения преступлений, и по этому признаку предлагается систематизировать анализируемую группу преступлений. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в процессе совершения преступления, по мнению автора статьи, не всегда повышает общественную опасность деяния.

Обсуждение и заключение: отсутствие унифицированного подхода и расхождение в терминологии, допущенной законодателем при конструировании соответствующего квалифицирующего признака, негативно сказывается на правоприменительной практике. Информационно-телекоммуникационные сети имеют общие черты со средствами массовой информации. В отдельных случаях криминальный потенциал информационно-телекоммуникационных сетей существенно превосходит возможности современных средств массовой информации. Включению соответствующего квалифицирующего признака в ряд статей УК РФ должна предшествовать тщательная ревизия уголовного закона. В случае если использование информационно-телекоммуникационных сетей способно упростить процесс совершения преступления, причинить или создать угрозу причинения вреда большего, чем если бы деяние совершалось без их использования, то возникают предпосылки для дополнения иных статей УК РФ подобным признаком.

Ключевые слова: право; цифровые технологии; информационно-телекоммуникационные сети; сеть Интернет; преступление; общественная опасность; средство совершения преступления

© Ефремова М.А., 2023

Для цитирования: Ефремова М.А. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 101 – 106. DOI: 10.37973/KUI.2023.84.83.013

Scientific article
UDC 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.84.83.013

NEW TECHNOLOGIES AS A MEANS OF COMMITTING CRIMES

Marina Alexandrovna Efremova,
Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan', Russia,
crimlaw16@gmail.com

Abstract

Introduction: the author considers criminal idea through information and telecommunication networks, such as the Internet, and the space usage of the networks in the objective part of crime, and the dangerous influence of the matter on society.

Materials and Methods: the complex of general and specific research methods of cognition which had allowed analyze the sources of primary scientific information, and empirical material gathered by the author related to the subject of the research provided the methodological basis for this study.

Results: the concept of crimes committed through new technologies has not yet emerged in criminal law doctrine. Basing on the fact that information and telecommunication networks in the objective of the crime are a means of committing offences the author suggests systematize the group of crime under study. According to the author's opinion, new technologies in crime do not always increase public danger.

Discussion and Conclusions: the lack of unified approach and terminology divergence allowed by the legislator in designing the appropriate qualifying feature negatively affects law enforcement practice. New technology has mass media have common features. In certain cases criminal potential of new technologies is significantly larger than the abilities of the media. The inclusion of the relevant qualifying feature in a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation should be preceded by a thorough revision of the criminal law. If the use of information and telecommunication networks can simplify the process of committing a crime, cause or create a threat of harm greater than if the act was committed without their use, then there are prerequisites for supplementing other Articles of the Criminal Code of the Russian Federation with such a sign.

Keywords: law; digital technologies; information and telecommunication networks; Internet; crime; public danger; means of committing a crime

© Efremova M.A., 2023

For citation: Efremova M.A. New Technologies as a Means of Committing Crimes. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):101 – 106. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.84.83.013

Введение

Решение сложной задачи по эффективному противодействию преступлениям, которые совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС), является одной из актуальных проблем современности. Применение ИТС при совершении преступлений обуславливает их особенности: динамику форм преступной деятельности, транснациональный характер, сложности обнаружения и, следовательно, высокую латентность.

Согласно данным Международного союза электросвязи, в настоящее время в мире насчитывается более 5,3 млрд пользователей сети Интернет¹. В то же время жители целого ряда регио-

нов (2,7 млрд человек) все еще не имеют доступа к глобальной сети. В России в настоящее время около 88% населения имеют доступ к сети Интернет². При этом 99% населения доступны технологии мобильной связи. Мобильные телефоны являются наиболее распространенным устройством для использования Интернета во всем мире. В целом, по оценкам Международного союза электросвязи, Интернет в 2022 г. стал более доступным во всех регионах мира среди населения с разными доходами.

Став неотъемлемой частью жизни современного общества, сеть Интернет оказалась в центре внимания криминальных структур. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, в 2020 г.

¹ Internet more affordable and widespread, but world's poorest still shut off from online opportunities. URL: <https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2022-11-30-Facts-Figures-2022.aspx> (дата обращения: 07.01.2023).

² Digital 2023: the Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения: 15.10.2023).

было зарегистрировано 300 337 преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, в 2021 г. этот показатель составил 351 463 преступления, а в 2022 г. было зарегистрировано уже 381 112 подобных преступлений. При этом почти три четверти тяжких и особо тяжких преступлений совершаются с использованием ИТС¹. Приведенные данные свидетельствуют о значительной распространенности использования сети Интернет при совершении противоправных деяний и необходимости принятия соответствующих мер.

Государство, осознавая потребность в противодействии данному негативному явлению, предпринимает различные превентивные меры. Одной из них является установление уголовно-правового запрета использования ИТС для совершения целого ряда противоправных деяний. В тексте статей Особенной части УК РФ первое упоминание ИТС связано с включением в него ст. 185³ «Манипулирование рынком», в которой речь шла об «электронных, информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая сеть «Интернет»)». В последующем законодатель отказался от уточняющего термина «общего пользования» применительно к информационно-телекоммуникационным сетям, а сам признак использования указанных сетей стал появляться и в иных статьях УК РФ. В настоящее время дискуссионными остаются вопросы о понятии преступлений, совершаемых с использованием ИТС, о месте использования ИТС в системе признаков объективной стороны преступления и влиянии их использования на общественную опасность деяния.

Обзор литературы

В доктрине отечественного уголовного права в последнее время проявился высокий интерес в проблеме противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТС. Вместе с тем обращение к указанной проблематике осуществлялось преимущественно в рамках исследования проблем противодействия компьютерной преступности [1, 2]. И хотя группа преступлений, совершаемых с использованием ИТС, являлась предметом нескольких специальных исследований [3, 4], все еще наличествует потребность в их новом теоретическом осмыслении.

Материалы и методы

Методологической базой исследования выступила совокупность общенаучных и частнонаучных методов научного познания, которые позво-

лили проанализировать теоретический пласт и собранный автором эмпирический материал, относящийся к предмету исследования.

Результаты исследования

Прежде чем ответить на поставленные выше вопросы, необходимо остановиться на самом понятии ИТС. Закон определяет ИТС как «технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники»². ИТС представляет собой «симбиоз двух видов сетей – информационно-телекоммуникационной и телекоммуникационной» [2, с. 20]. Телекоммуникация означает передачу данных на большие расстояния. В свою очередь, телекоммуникационная сеть представляет множество связанных между собой средств телекоммуникации, которые образуют сеть определенной конфигурации. Компьютерные сети или сети передачи компьютерных данных являются разновидностью телекоммуникационных сетей. Подобные сети также называют цифровыми, а информация в таких сетях передается в виде сообщений, для чего используются различные типы сигналов, в том числе электрические. ИТС могут быть глобальными, локальными, корпоративными, региональными, ведомственными и специального назначения. Следовательно, сеть Интернет следует считать одной из разновидностей ИТС.

Несмотря на то, что в законодательном обиходе признак использования ИТС присутствует довольно давно, в отечественной доктрине отсутствует устоявшееся определение группы преступлений, которые совершаются с помощью указанных технологий. Так, для обозначения исследуемой группы преступлений используются термины «компьютерная преступность» [1, с. 3], «цифровая преступность» [5, с. 2] и др. Однако при попытке обособления преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей, не учитывается одно важно обстоятельство: указанные технологии могут быть использованы при совершении значительного числа противоправных деяний; следуя такой логике, любое преступление, совершенное с помощью ИТС, будет относиться к группе исследуемых противоправных деяний. Ввиду изложенного интересны суждения Н.В. Летелкина, по мнению которого, использование ИТС в противоправной деятель-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 07.01.2023).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

ности образует посягательство на новую группу общественных отношений – «отношения в сфере правомерного использования ИТС (включая сеть «Интернет»)), следовательно, все подобные посягательства будут являться двухобъектными [2, с. 44]. Несмотря на то, что они имеют различные основные непосредственные объекты, в результате их совершения всегда страдает вышеназванная группа общественных отношений. Под преступлениями, совершаемыми с использованием ИТС (включая сеть «Интернет»), Н.В. Летелкин предлагает понимать «деяния, посягающие на общественные отношения в сфере охраны правомерного пользования сетями телекоммуникации, совершаемые посредством технологических систем, предназначенных для хранения и передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с применением средств вычислительной техники (компьютеров)» [2, с. 49].

Преступления, совершаемые с использованием ИТС, представляют собой часть компьютерной преступности, при этом системообразующим критерием, позволяющим их сгруппировать, следует считать средство совершения преступления. ИТС, включая сеть Интернет, являются лишь одним из средств распространения и передачи информации, поэтому они соотносятся как часть и целое. В свою очередь, данная группа преступлений не может существовать вне рамок компьютерной преступности ввиду технологических особенностей ИТС. Кроме того, ИТС зачастую лишены материальной формы (например, интернет-сайты, мессенджеры и т.д.).

В настоящее время невозможно представить целостную и четкую систему преступлений, совершаемых с использованием ИТС. Однако анализ положений Особенной части УК РФ позволяет сделать вывод, что информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, в ряде статей УК РФ включены законодателем в число обязательных признаков основного состава преступления (ч. 3 ст. 137, ст. 159⁶, ч. 1 ст. 171², ст. 185³, ч. 1.1 ст. 258¹, ст. 282 УК РФ), в других случаях их использование образует квалифицированный состав (п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110¹, ч. 2 ст. 110², ч. 2. ст. 128¹, ч. 3. ст. 133, ч. 2. ст. 205², п. «д» ч. 3 ст. 222, п. «в» ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 3 ст. 222¹, п. «в» ч. 4 ст. 222¹, п. «в» ч. 3 ст. 222², п. «в» ч. 5 ст. 222², п. «б» ч. 2 ст. 228¹, п. «д» ч. 3 ст. 230, ч. 1.1 ст. 238¹, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹, п. «г» ч. 2 ст. 242², п. «г» ч. 2 ст. 245, п.

«б» ч. 2. ст. 258¹, ч. 2. ст. 280, ч. 2. ст. 280¹, п. «в» ч. 2. ст. 280⁴, п. «в» ч. 2 ст. 354¹, ч. 4. ст. 354¹ УК РФ). Однако при конструировании соответствующего признака законодатель допустил расхождение терминологии, указав в ст. 185³, ч. 2. ст. 205², п. «б» ч. 2 ст. 228¹, «б» ч. 2. ст. 258¹, ч. 2. ст. 280¹ УК РФ еще и на «электронные сети». В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»¹ разъясняется, что «для целей уголовного законодательства понятия электронных и ИТС не разграничиваются». В свою очередь, ИТС могут быть сети операторов связи, локальные сети организаций, домашние локальные сети, а также любые иные сети, предоставляющие возможность двум или более пользователям с помощью любых компьютерных устройств осуществлять проводной или беспроводной доступ к информации, расположенной на компьютерных устройствах, подключенных к данной сети, либо передачу информации между компьютерными устройствами. Квалифицирующие признаки отдельных составов, помимо «использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет», содержат указание и на «использование средств массовой информации». По мнению А.И. Антипова, ИТС и средства массовой информации имеют сходства: при помощи информационно-телекоммуникационных сетей можно получать доступ к материалам СМИ, кроме того, их использование позволяет массово и в короткий срок распространять информацию неограниченному кругу лиц, что зачастую превосходит возможности традиционных СМИ [3, с. 64]. В целях унификации законодательной терминологии он предлагает использовать формулировку «совершение деяния с использованием средств массовой передачи информации» [3, с. 194]. Л.В. Иногамова-Хегай полагает, что в целях обеспечения системности уголовного закона и единства законодательного языка «предпочтительнее везде или указывать, или не указывать средства массовой информации и электронные сети» [6, с. 53 – 58]. Использование СМИ при совершении преступлений предполагает публичность и массовость, ИТС, помимо этого, позволяет действовать

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 05.01.2023).

дистанционно, оставаться при этом анонимным. Не все те деяния, где в качестве квалифицирующего признака предусмотрено использование ИТС, могут быть совершены с использованием СМИ чисто технически. Поэтому излишним является лишь упоминание «электронных сетей», в остальном же, на наш взгляд, данные признаки в какой-либо корректировке не нуждаются.

Отвечая на вопрос о влиянии использования ИТС на общественную опасность, следует отметить, что законодательная оценка общественной опасности деяний, совершаемых с использованием ИТС, учтена при описании признаков действий данного рода в законе. Большинство ученых, исследовавших проблему влияния использования ИТС на общественную опасность, приходят к выводу, что использование информационно-телекоммуникационных сетей повышает общественную опасность деяния [7, с. 73; 6. С. 31]. С таким суждением трудно согласиться, особенно ввиду того, что каких-либо доводов, обосновывающих такой подход, авторы не приводят. Еще более преждевременным выглядят предложения о дополнении отдельных статей УК РФ подобным квалифицирующим признаком. Как справедливо отмечает Е.А. Русскевич, не всякое использование ИТС влияет на степень общественной опасности деяния, а включение соответствующих квалифицирующих признаков в состав преступления необходимо тогда, когда они объективно повышают вероятность наступления вредных последствий, что, в свою очередь, является показателем опасности деяния. Полагаем, именно поэтому законодатель весьма осторожно подошел к вопросу включения соответствующего квалифицирующего признака в действующее уголовное законодательство. Представляется, что при решении вопроса о дополнении иных статей УК РФ подобным признаком следует исходить из того, что повышенная общественная опасность деяния, совершенного с использованием ИТС, будет иметь место в тех случаях, когда такое деяние причиняет или создает угрозу причинения вреда большего, чем если бы деяние совершалось без их использования [8, с. 14]. Как писал В.Н. Кудрявцев, «опасность действия заключается в том, что оно может вызвать определенные вредные последствия. Однако эти последствия наступают не во всех случаях. Естественно, что действия будут сравнительно тем опаснее, чем выше степень вероятности наступления вредных последствий» [4, с. 103]. В то же время использование ИТС существенно упрощает процесс выполнения объективной стороны преступле-

ния. Дистанционный характер совершения преступлений позволяет сохранить анонимность, причинить вред не одному, а сразу нескольким потерпевшим, в том числе и несовершеннолетним. Указанные обстоятельства существенно повышают опасность причинения большего вреда. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в одних случаях использование ИТС не влияет на общественную опасность деяния, а в других – существенно ее повышает.

Обсуждение и заключение

В системе признаков объективной стороны ИТС выступают средством совершения преступления. Именно данный признак позволяет обособить указанную группу преступлений. С учетом того, что большинство преступлений, ответственность за которые предусмотрена действующим уголовным законодательством, могут быть совершены с использованием ИТС, все они будут относиться к указанной группе преступлений. При описании признака использования ИТС в некоторых статьях Особенной части УК РФ законодатель наряду с ними излишне упоминает «электронные сети». С целью унификации описания этого признака следует отказаться от упоминания «электронных сетей». Законодателем учтена общественная опасность деяний, совершаемых с использованием ИТС, при конструировании соответствующих составов преступлений, с приданием значения обязательного признака основного и квалифицированного состава преступления. Учитывая постоянно возрастающую распространенность использования ИТС при совершении преступлений, исследователи предлагают дополнить ряд статей УК РФ соответствующим квалифицирующим признаком. Однако этому должна предшествовать тщательная ревизия всего УК РФ. Только если использование ИТС способно упростить процесс совершения преступления, причинить или создать угрозу причинения вреда большего, чем если бы деяние совершалось без их использования, становится возможным ставить вопрос о законодательном закреплении такого признака. Указанным обстоятельствам способствует и то, что у преступника имеется возможность, сохраняя анонимность, осуществить воздействие на объект уголовно-правовой охраны дистанционно, причинить вред неограниченному кругу потерпевших и скрыть следы преступления. Вместе с тем законодателю следует учитывать распространенность соответствующих деяний и невозможность установления иных правовых запретов для устранения возникшей опасности причинения вреда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2021. 557 с.
2. Летелкин Н.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2018. 218 с.
3. Антипов А.И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Санкт-Петербург, 2022. 248 с.
4. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления: (репринт издания Москва, 1960). Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 245 с.
5. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. Москва: ИНФРА-М, 2019. 227 с.
6. Иногамова-Хегай Л.В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в современном уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 53 – 58.
7. Дремлюга С. Интернет-преступность. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. 240 с.
8. Русскевич Е.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Москва: ИНФРА-М, 2019. 188 с.

REFERENCES

1. Evdokimov K.N. Protivodejstvie komp'yuternoj prestupnosti: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2021. 557 s.
2. Letelkin N.V. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Nizhnij Novgorod, 2018. 218 s.
3. Antipov A.I. Ugolovno-pravovoe znachenie ispol'zovaniya sredstv massovoj informacii i informacionno-telekommunikacionnyh setej pri sovershenii prestuplenij s priznakami prizyvov, skloneniya, nezakonnogo oborota predmetov i materialov: dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.4. Sankt-Peterburg, 2022. 248 s.
4. Kudryavcev V.N. Ob'ektivnaya storona prestupleniya: (reprint izdaniya Moskva, 1960). Moskva: YUr. Norma, NIC INFRA-M, 2016. 245 s.
5. Russkevich E.A. Ugolovnoe pravo i «cifrovaya prestupnost'»: problemy i resheniya. Moskva: INFRA-M, 2019. 227 s.
6. Inogamova-Hegaj L.V. Sovremennye tendencii kriminalizacii i dekriminalizacii v sovremennom ugolovnom prave // Ugolovnoe pravo. 2017. № 4. S. 53 – 58.
7. Dremlyuga S. Internet-prestupnost'. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2008. 240 s.
8. Russkevich E.A. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij. Moskva: INFRA-M, 2019. 188 s.

Информация об авторе:

Ефремова Марина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, crimlaw16@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Efremova Marina A., Doctor in Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice, crimlaw16@gmail.com
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 07.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.37973/KUI.2023.37.42.014

ПРИНЦИПЫ ДОГОВОРНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ ПО РАЗРЕШЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ

Вероника Вячеславовна Колесник,
Ростовский филиал Российского государственного
университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия,
nikkipohta@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию совершенствования договорных уголовно-процессуальных механизмов, применяемых в российском уголовном судопроизводстве.

Материалы и методы: основным методом исследования стала материалистическая диалектика, которая позволяет выявить качественное преобразование отечественной уголовно-процессуальной системы под воздействием количественного роста производств, исход которых определяется соглашением сторон. Использованы метод анализа, с помощью которого была выявлена сущность отдельных принципов договорных производств, и метод синтеза, позволивший определить системное свойство у анализируемых мировоззренческих идей. Применялись также частные методы: исторический, сравнительного правоведения, научного моделирования.

Обзор литературы: изучение современной научной доктрины, а также научной доктрины России в период действия Устава уголовного судопроизводства позволило выявить истоки, генезис, развитие мировоззренческих идей принципиального характера, определяющих сущность современных договорных уголовно-процессуальных производств.

Результаты исследования: определен круг мировоззренческих идей, представляющих оппозиционное дополнение к позитивно-правовой системе принципов. В круг этих «дополнительных принципов» автором были включены принципы обвинения, диспозитивности, целесообразности, формальной истины. Они образуют подсистему альтернативных, дополнительных «квази-принципов», определяющих сущность только особых – исключительных уголовно-процессуальных производств. В «свернутом виде», как дополнение, они присутствуют в смешанном типе российского уголовного процесса, смягчая крайности его следственной природы и оправдывая особые уголовно-процессуальные формы применения мер альтернативного уголовно-правового воздействия.

Обсуждение и заключение: подсистема договорных уголовно-процессуальных производств, включающая процедуры, предусмотренные главами 32.1, 40, 40.1, 51.1, а также статьями 25, 25.1, 28, 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, должна основываться не только на принципах, перечисленных в главе 2 УПК РФ, но и на идеях, проникнутых гуманизмом, прагматизмом, договорным началом. Подсистемы этих «дополнительных принципов» в общей системе уголовно-процессуальных принципов призваны обеспечить лучший баланс частного и публичного начал в отечественном уголовном процессе смешанного типа.

Ключевые слова: уголовный процесс; смешанный тип; договорные производства; принципы процесса; диспозитивность; целесообразность; обвинительность; формальная истина

© Колесник В.В., 2023

Для цитирования: Колесник В.В. Принципы договорных уголовно-процессуальных производств по разрешению уголовно-правовых споров // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 107 – 114. DOI: 10.37973/KUI.2023.37.42.014

Scientific article
UDC 343.13
DOI: 10.37973/KUI.2023.37.42.014

PRINCIPLES OF CONTRACTUAL CRIMINAL PROCEEDINGS FOR THE RESOLUTION OF CRIMINAL LEGAL DISPUTES

Veronika Vyacheslavovna Kolesnik,
Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia,
nikkipohta@mail.ru

Abstract

Introduction: the article discusses improvement of contractual criminal proceedings in Russian jurisdiction.

Materials and Methods: materialistic dialectics which makes it possible to identify a qualitative transformation of the domestic criminal procedure system under the influence of a quantitative increase in production, the outcome of which is determined by the agreement of the parties became the basis for the research. The author used the method of analysis due to which he identified the essence of certain principles of contractual proceedings, and the synthesis method which provided to identify systemic property of the analysed worldview ideas. The author also used specific methods, such as historical, comparative jurisprudence, and scientific modeling.

Literature review: the study of the current scientific doctrine as well as scientific doctrine of Russia over the course of Criminal legal procedure regulations allowed identify sources, genesis, and development of philosophical ideas of a fundamental nature that determine the essence of modern contractual criminal procedural proceedings.

Results: the range of worldview ideas representing an oppositional addition to the positive legal system of principles was determined. In the circle of these "additional principles" the author included the principles of prosecution, dispositiveness, expediency, formal truth. They form a subsystem of alternative, additional "quasi-principles" that determine the essence of only special - exceptional criminal procedural proceedings. In a "rolled-up form", as an addition, they are present in the mixed type of Russian criminal procedure, mitigating the extremes of its investigative nature and justifying special criminal procedure forms of application of measures of alternative criminal legal impact.

Discussion and Conclusions: the subsystem of contractual criminal proceedings, including the procedures provided for in Chapters 32.1, 40, 40.1, 51.1, as well as Articles 25, 25.1, 28, 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, should be based not only on the principles listed in Chapter 2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, but also on ideas imbued with humanism, pragmatism, and contractualism. Subsystems of these "additional principles" in the general system of criminal procedural principles are designed to ensure a better balance of private and public principles in the domestic criminal proceedings of mixed type.

Keywords: criminal process; mixed type; contract productions; process principles; dispositiveness; expediency; indictment; formal truth

© Kolesnik V.V., 2023

For citation: Kolesnik V.V. Principles of Contractual Criminal Proceedings for the Resolution of Criminal Legal Disputes. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):107 – 114. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.37.42.014

Введение

Феномен сближения частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства является фактом современной правовой жизни и предметом изучения на отраслевом [1] и общетеоретическом уровнях [2, с. 59-78; 3, с. 27-93].

В качестве примеров конвергенции в уголовно-процессуально-правовой сфере приводятся, прежде всего, процедуры прекращения уголовных дел по некоторым нереабилитирующим основаниям (ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ), а также особый порядок судебного разбирательства (глава

40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), сокращенное дознание (глава 32.1 УПК РФ).

Кроме того, в последнее время признается феномен комплексного экономического уголовного и уголовно-процессуального права [4, с. 236 – 245], который содержит ряд важных отличий от общего порядка производства по уголовным делам, главным из которых является институт соглашения сторон.

Наиболее яркими выражениями данного комплексного межотраслевого правового образования являются, во-первых, особая модель частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) [5, с. 8-11, 36], во-вторых, порядок прекращения уголовных дел о налоговых и предпринимательских преступлениях в связи с полным возмещением вреда (ст. 28.1 УПК РФ, ст. 76¹ УК РФ) [6, с. 10 – 12, 20 – 25].

Обзор литературы

В ходе проведенного исследования осуществлен анализ доктринальных научных источников периода Судебной реформы 1864 г. и современных, что позволило автору определить истоки, генезис, дальнейшее развитие принципиальных идей, составляющих основу договорных уголовно-процессуальных производств.

Некоторые авторы предлагают создать отдельную главу в УПК РФ, чтобы включить в общий корпус уголовно-процессуальных норм новый институт, содержащий нормы об особом производстве по уголовным делам о предпринимательских преступлениях [7]. Таким юридико-техническим приемом предлагается инкорпорировать особенное явление в общее.

Полагаем, этого недостаточно, поскольку существует методологический вопрос о юридической природе тех производств, которые допускают договоренности между сторонами при реализации уголовной ответственности. Эти производства не укладываются в классическую доктрину и могут быть объяснены на основе тех идеологем, мировоззренческих идей, которые исключают какие-либо компромиссы с преступником и требуют неотвратимости его уголовной ответственности за совершенное преступление.

Ряд авторов уже высказывали мнение не об исключительном, о глобальном значении этих новообразований в отечественном материальном и формальном уголовном праве как симптоме перемен, которые назревают в основе основ правовой организации противодействия преступности в новую эпоху [8, с. 75 – 86]. Мы также относимся к числу тех, кто указанные новеллы квалифи-

цируют не просто как очередную новую уголовно-процессуальную форму, отпочковавшуюся от основного уголовно-процессуального «древа», а как начало глубинных перемен. Полагаем, на их примере можно наблюдать переход количественных изменений отечественного уголовно-процессуального права к его новому качественному состоянию. Это побуждает к ревизии господствующей правовой доктрина.

Разделяем мнение, что российская уголовно-процессуальная доктрина должна быть существенно изменена [9, с. 9 – 19]. Первым шагом в этом направлении, по нашему мнению, должно быть обновление базовых концептуальных единиц, выступающих ценностным ядром нормативно-правовой конструкции, под которой мы имеем в виду уголовно-правовую и уголовно-процессуальную системы, в единстве образующие правовую организацию противодействия преступности.

Материалы и методы

В процессе исследования использовались диалектический метод, методы анализа и синтеза, а также такие частные методы, как исторический, сравнительного правоведения, научного моделирования. Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения уголовных дел в целях обобщения судебно-следственной практики; опубликованные материалы судебно-следственной практики, а также официальные статистические данные о деятельности правоохранительных органов в сфере уголовного судопроизводства за 2013-2023 гг. Сбор эмпирического материала осуществлялся в период с 2013 по 2023 год в Волгоградской, Воронежской, Нижегородской, Самарской, Ростовской, Тульской областях, Краснодарском, Пермском и Ставропольском краях, а также в Москве и Санкт-Петербурге.

Результаты исследования

В уголовно-процессуальной науке базовые единицы, из которых складывается общее понимание уголовного процесса, называются принципами. Тема принципов достаточно глубоко исследована в уголовно-процессуальной науке. Однако на учении о принципах лежит отпечаток юрпозитивизма: оно строится на основе главы второй УПК РФ и исключает начала иной уголовно-процессуальной правовой формации. Мы, разумеется, не призываем отказаться от принципов, закрепленных в УПК РФ, они отражают природу большей части современного российского процесса. Однако они не объясняют природу целого блока новых уголовно-процессуальных производств, проникнутых иной – договорной идеологи-

ей. Так, принципы законности, публичности, объективной истины не утрачивают своего значения, но они отрицают саму идею сделки с преступником и потому являются недостаточными для объяснения всего уголовно-процессуального мира. Поэтому система принципов должна быть обновлена, чтобы стать более универсальной.

В свое время идея о признании парных принципов как носителей противоположных процессуальных идеологий (состязательности и следственности) была распространена в русской уголовно-процессуальной литературе [10]. Эта идея была разделена профессором А.С. Александровым, который писал, что существуют две системы процессуальных принципов, входящих в разные гомологические ряды, происходящих от противоположных начал – частного и публичного. Есть следующие пары принципов: публичность – диспозитивность, законность – целесообразность, объективная истина – судебная истина [11, с. 74].

Воспользуемся идеей о сочетании в системе принципов смешанного уголовного процесса (каковым является современный российский процесс) принципов различной идеологической, типовой принадлежности. В частности, принципу законности мы предлагаем допустить в качестве оппозиции принцип целесообразности, принципу публичности – диспозитивность, объективной истины – судебную (формальную, относительную) истину. Учение о принципах должно вмещать в себя противоположные начала, так как современное уголовно-процессуальное право неоднородно.

Предлагаем ввести в систему принципов современного уголовно-процессуального права принцип обвинения. Это, на наш взгляд, верно ввиду универсальности института обвинения, который существует в любом типе процесса. Этот принцип может иметь как общую, так и переменную составляющие. В настоящее время господствует учение о следственном публичном, но также и частно-публичном обвинении, которое на частное (субсидиарное) обвинение не распространяется. Необходимо рассмотреть самообвинение и его процессуальные формы более широко, а не только в контексте следственной парадигмы.

Предлагаем принять принцип обвинения в той трактовке, которая была распространена в классической русской уголовно-процессуальной науке периода действия Устава уголовного судопроизводства [12, с. 10 – 17]. Главное в принципе обвинения – это постулирование разделения

обвинения и суда, суду запрещено прямо или косвенно выполнять функцию обвинения. Он разрешает дело на основе выдвинутого и подержанного в суде обвинения. Отсюда вторая составляющая этого принципа: обвинение двигает процесс. Субъект обвинения, будь то прокурор или частный обвинитель, выдвигая обвинение, берет на себя бремя его доказывания. Он вправе распоряжаться обвинением, его предметом, но также обвинительными доказательствами. Публичный обвинитель как субъект права на уголовный иск (публичное обвинение) трактуется субъектом диспозитивности, который вправе заключить процессуальную сделку с оппонентом по предмету обвинения, условиям отказа или изменения обвинения в лучшую сторону [13, с. 35 – 47].

Исходя из диспозитивной трактовки прав обвинителя по распоряжению обвинением, можно высказать предположение о договорной природе не только частного, но и публичного обвинения. Изменение обвинения обвинителем в сторону смягчения может быть предметом соглашения сторон. На этом строится концепция договорных уголовно-процессуальных производств.

Другое принципиальное положение договорной концепции уголовно-процессуальных производств состоит в том, что материальные, уголовно-правовые последствия в виде «средства уголовно-правового воздействия» вытекают из обвинения [5, с. 140].

С концепцией уголовно-процессуальных процедур на принципе обвинения, который был описан выше, связано представление об обвинителе, как публичном, так и частном, как субъекте обвинения. Проблеме диспозитивности в уголовном процессе посвящено достаточное количество работ [14, с. 3 – 6, 15 – 19; 15, с. 8-9], хотя ученые редко признают за ней принципиальное значение, отводя ей роль исключения из принципа публичности, которое касается дел частного обвинения. Кроме того, распространено смешивание диспозитивности с дискреционностью, в том числе свободой усмотрения суда [16, с. 367 – 369].

Полагаем, что диспозитивность, а не состязательность должна быть признана принципом процесса. Диспозитивность гарантирует свободу воли сторон в управлении процессом и его исходом. Состязательным же надо называть общее устройство процесса, построенном на принципах обвинительности и диспозитивности. В состязательном уголовном процессе сторона обвинения активна, она определяет предмет и направление развития процесса в ходе противостояния с защи-

той. Процессуальная сделка сторон есть один из возможных ходов или даже альтернативный исход состязательного процесса.

В классической русской уголовно-процессуальной доктрине, наряду с принципом законности деятельности прокурора как субъекта обвинения, признавался и принцип целесообразности [12, с. 19-20]. Принцип целесообразности был отвергнут позднесоветской доктриной как аналог «революционной целесообразности», с которой ассоциировались времена беззакония в СССР. Однако в романо-германской правовой доктрине принцип целесообразности был всегда признаваем в качестве одной из детерминант деятельности прокуратуры [17, с. 91 – 100].

Присоединяемся к мнению о признании целесообразности одним из принципов уголовного процесса, который уравнивается принципом законности. Современные ученые-процессуалисты часто связывают целесообразность с эффективностью, прагматизмом, которые усматривают в упрощении обычных следственных и судебных процедур. Таким образом, целесообразность отождествляется с так называемой процессуальной экономией [18, с. 41-42; 19, с. 7-8]. Такой аспект в понимании принципа целесообразности, с нашей точки зрения, может быть принят, только если учитывать его в качестве дополнения к главному смыслу: выбор прокурором, обвинителем такого варианта в развитии уголовного преследования, который является оптимальным и эффективным в плане защиты публичного интереса.

Ошибочной является трактовка целесообразности как проявления усмотрения правоприменителя, под которым наряду с прокурором понимаются следователь и судья [20, с. 9]. Мы считаем такой подход искажением первоначального и правильного значения принципа целесообразности. Классическое определение принципа целесообразности *Opportunitats-Prinzip* предполагало практическое удобство для обвинительной власти, чтобы решить, стоит ли проводить уголовное преследование или лучше полностью или частично отказаться от этого. В качестве альтернативы принципу целесообразности выступал принцип *Legalitats-Prinzip*, который обязывает обвинителя выдвигать обвинение против лица, совершившего преступление [12, с. 19-20].

Принцип целесообразности – это свобода правоусмотрения обвинителя в выборе процессуальных средств – обвинения и его доказательств с учетом обстоятельств дела и соображений эффективности, экономии и прагматики при защите интересов публичного интереса, состоящего в

применении мер уголовно-правового воздействия к виновнику, а также обеспечения интересов потерпевшего.

Принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности в сочетании создают благоприятную среду для верного понимания договорной природы процессуальных соглашений сторон по отдельным вопросам, но также и об исходе дела.

В заключение необходимо упомянуть о принципе формальной истины, завершающем связку принципов, которые могут дать теоретико-методологическое обоснование договорных уголовно-процессуальных производства и сбалансировать систему принципов современного смешанного уголовного процесса России.

Не углубляясь в эпистемологию и теорию доказательств, согласимся с выводом специалистов [21, с. 142 – 157; 22, с. 7], согласно которому концепт судебной истины как истины относительной – субъективной, не исключающей возможность договорного способа установления фактов по делу, замыкает круг «дополнительных принципов» – принципов той части уголовного судопроизводства, которая выступает своего рода дополнением к общему порядку ведения уголовных дел.

Обсуждение и заключение

Таким образом, полагаем, принципиальное ядро концепции договорных уголовно-процессуальных производств составляют принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности и формальной истины. Это принципы состязательной уголовно-процессуальной модели, оппозиционные следственному мировоззрению. Из сочетания принципов различной идеологической заряженности возникает баланс, необходимый для поддержания в состоянии уравновешенности уголовного процесса смешанного типа, каковым является современный российский уголовный процесс.

Данные принципы смягчают крайности следственной уголовно-процессуальной организации применения уголовно-правовых норм, в которой господствует следственная власть в доказывании и выдвигании обвинения, то есть в определяющих ход процесса механизмах.

Но вместе с тем они не подрывают ее мировоззренческих основ, воплощенных в принципах, публичности, законности, объективной истины, определяющих сущность обычного, общего порядка ведения уголовных дел. Поскольку следственное начало в отечественном процессе все же доминирует, указанным идеям не суждено быть полноценными принципами. Они всегда останутся

ся в статусе квази-принципов, так как характерны для особых производств, альтернативных общему порядку уголовного судопроизводства.

Системность характерна для выделенных нами процессуальных идей, так же как и для принципов основного порядка уголовного судопроизводства. Они образуют собственную подсистему принципиальных начал ведения уголовных дел в особом, ускоренном или сокращенном порядке, который в целом следует признавать исключением из общего порядка и лежащих в его основе уголовно-процессуальных принципах.

Выступаем за *легализацию на доктринальном уровне* договорной природы процедур, предусмотренных главами 32.1, 40, 40.1, 51.1 УПК РФ, а также статьями 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ. Во всех них мы усматриваем договорную основу в виде изначального соглашения сторон по предмету обвинения, предопределяющего перевод дела в особый – «упрощенный» – режим или самый

исход его в виде или обвинительного приговора, или решения о применении альтернативной наказанию меры уголовно-правового воздействия. Оправдание этих идей на уровне правовой культуры, правосознания должно положительно сказаться на правоприменительной практике – в сторону ее смягчения.

Вместе с тем предлагать закрепление на законодательном уровне анализируемые нами мировоззренческие идеи мы бы не стали, так как это привело бы к дезориентации правоприменителя, смешению общего и особого порядков ведения и разрешения уголовных дел. Нормативному закреплению подлежат только принципы, определяющие обычный ход уголовного процесса. Исключения из общих правил должны оставаться неофициальными. В противном случае, то есть при смене одной системы принципов на другие, должна произойти смена типа уголовного процесса, что в настоящее время невозможно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абшилава Г.В. *Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации*: монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. 456 с.
2. Коршунов Н.М. *Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики*. Москва: Норма, 2011. 240 с.
3. *Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции*: монография / отв. ред. С.Ю. Морозов, О.А. Зайцев. Москва: Проспект, 2022. 640 с.
4. Александров А.С., Зайцев О.А. *Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации*. Москва: ИД «Юриспруденция», 2021. С. 236 – 245.
5. Власова С.В. *Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху*: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 592 с.
6. Шерстнев В.Б. *Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации*: монография. Москва: Юрлитинформ, 2023. 208 с.
7. Сычѳв П.Г. *Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности*: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020. 336 с.
8. Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. *Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право*. 2019. № 9. С. 75 – 86.
9. Александров А.С., Александрова И.А. *О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2021. № 4 (58). С. 6 – 19.
9. Розин Н.Н. *Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям*. 3-е изд., пересмотр. Петроград: Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1916. 603 с.
10. Александров А.С. *Диспозитивность в уголовном процессе*. Н. Новгород: НИОИ МВД РФ, 1997. 209 с.
11. Муравьев Н.В. *Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России: пособие для прокурорской службы*. Т. 1. Москва: Унив. Тип., 1899. 568 с.
12. Александров А.С. *Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право*. 2006. № 2. С. 35 – 47.

13. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: монография. Волгоград : ВолГУ, 2005. 162 с.
14. Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в Российском уголовном процессе: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2006. 188 с.
15. Афанасьев А.Ю. Диспозитивность в системе принципов уголовного процесса // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 367 – 369.
16. Вилкова Т.Ю., Мазюк Р.В., Хохряков М.А. Целесообразность как принцип и как основание для принятия решений в уголовном судопроизводстве: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1. С. 91 – 100.
17. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. 152 с.
18. Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. 585 с.
19. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Москва: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2010. 369 с.
20. Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 142–157.
21. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 240 с.

REFERENCES

1. Abshilava G.V. Soglasitel'nye procedury v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii: monografiya. Moskva: YUritinform, 2012. 456 s.
2. Korshunov N.M. Konvergenciya chastnogo i publicnogo prava: problemy teorii i praktiki. Moskva: Norma, 2011. 240 s.
3. SHastnopravovye i publichno-pravovye problemy sovremennoj yurisprudencii: monografiya / otv. red. S.YU. Morozov, O.A. Zajcev. Moskva: Prospekt, 2022. 640 s.
4. Aleksandrov A.S., Zajcev O.A. Perspektivy razvitiya dogovornyh mekhanizmov v «ekonomicheskom ugolovnom sudoproizvodstve» // Ustojchivyy ekonomicheskij rost i pravo: sbornik materialov k XVI Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati professora S.N. Bratusya / red. kol.: V.M. ZHujkov, O.V. Gutnikov, S.A. Sinicyn, M.L. SHelyutto; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. Moskva: ID «YUrisprudenciya», 2021. S. 236 – 245.
5. Vlasova S.V. Ugolovno-pravo-processual'naya organizaciya protivodejstviya ekonomicheskoy prestupnosti v novuyu epohu: monografiya. Moskva: YUritinform, 2022. 592 s.
6. SHerstnev V.B. Ugolovno-processual'nyj poryadok dosudebnogo uregulirovaniya ugolovno-pravovyh sporov: sovremennoe sostoyanie i koncepciya optimizacii: monografiya. Moskva: YUritinform, 2023. 208 s.
7. Sychyov P.G. Proizvodstvo po ugolovnym delam o prestupleniyah v sfere ekonomicheskoy i predprinimatel'skoj deyatel'nosti: monografiya. Moskva: YUritinform, 2020. 336 s.
8. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A., Vlasova S.V. Teoreticheskaya koncepciya gosudarstvenno-pravovoj organizacii protivodejstviya prestupnosti v 21 veke // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 9. S. 75 – 86.
9. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. O filosofsko-pravovyh prityazaniyah teorii ugolovnogogo processa na obshchuyu teoretiko-metodologicheskuyu osnovu nauchnoj special'nosti 5.1.4 – Ugolovno-pravovye nauki // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2021. № 4 (58). S. 6 – 19.
9. Rozin N.N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lekciyam. 3-e izd., peresmotr. Petrograd: Izd. yurid. kn. skl. «Pravo», 1916. 603 s.
10. Aleksandrov A.S. Dispozitivnost' v ugolovnom processe. N. Novgorod: NYUI MVD RF, 1997. 209 s.
11. Murav'ev N.V. Prokurorskiy nadzor v ego ustrojstve i deyatel'nosti: Prokuratura na Zapade i v Rossii : posobie dlya prokurorskoj sluzhby. T. 1. Moskva: Univ. Tip., 1899. 568 s.
12. Aleksandrov A.S. Ponyatie i sushchnost' ugolovnogogo iska // Gosudarstvo i pravo. 2006. № 2. S. 35 – 47.
13. Dikarev I.S. Dispozitivnost' v ugolovnom processe Rossii: monografiya. Volgograd : VolGU, 2005. 162 s.
14. Kasatkina S.A. Publichnost' i dispozitivnost' v Rossijskom ugolovnom processe: monografiya. Stavropol': Servisshkola, 2006. 188 s.
15. Afanas'ev A.YU. Dispozitivnost' v sisteme principov ugolovnogogo processa // YUridicheskaya tekhnika. 2020. № 14. S. 367 – 369.

16. Vilkova T.YU., Mazyuk R.V., Hohryakov M.A. Celesoobraznost' kak princip i kak osnovanie dlya prinyatiya reshenij v ugovnom sudoproizvodstve: zarubezhnyj opyt i perspektivy primeneniya v Rossii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022. № 1. S. 91 – 100.
17. Polyakov M.P., Smolin A.YU. Princip processual'noj ekonomii v ugovnom sudoproizvodstve: monografiya. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2011. 152 s.
18. Bazhanov S.V. Stoimost' ugovnogo processa: dis. ... d-ra jurid. nauk : 12.00.09. N. Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2002. 585 s.
19. Apostolova N.N. Celesoobraznost' (diskreционност') v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.09. Moskva: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2010. 369 s.
20. Aleksandrov A.S. Sostyazatel'nost' i ob"ektivnaya istina // Biblioteka kriminalista. 2012. № 3. S. 142–157.
21. Smirnov A.V. Formal'nye sredstva dokazyvaniya v ugovnom prave i processe: monografiya. Moskva: Norma: INFRA-M, 2018. 240 s.

Информация об авторе:

Колесник Вероника Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, nikkipohta@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kolesnik Veronika V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Russian State University of Justice, nikkipohta@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 19.03.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.92.24.015

УГОЛОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРАНЦИИ:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Наталья Ивановна Кузнецова,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
natasha40480@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье проведен анализ уголовно-экологической политики Франции, на основании этого предложены основные направления совершенствования отечественной уголовно-экологической политики.

Материалы и методы: методологической основой проведенного исследования стал комплекс общенаучных методов познания. Приоритетным для автора стал сравнительно-правовой метод исследования, при помощи которого было изучено уголовно-экологическое законодательство Франции.

Результаты исследования: в качестве положительного опыта автор указывает на кодификацию экологического законодательства, наличие множества источников уголовного законодательства, существование уголовной ответственности юридических лиц.

Обсуждение и заключение: разработка и принятие Экологического кодекса Франции позволили решить две важные задачи: во-первых, систематизировать накопленное к тому моменту природоохранное законодательство, исключить коллизии между нормативными правовыми актами; во-вторых, введение в Экологический кодекс Франции статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение экологических преступлений, способствовало повышению эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: экологические преступления; Экологический кодекс; бланкетная норма; уголовное право; источники уголовного права; уголовная ответственность юридических лиц

© Кузнецова Н.И., 2023

Для цитирования: Кузнецова Н.И. Уголовно-экологическое законодательство Франции: опыт сравнительного анализа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 115 – 122. DOI: 10.37973/KUI.2023.92.24.015

Scientific article
UDC 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.92.24.015

CRIMINAL AND ENVIRONMENTAL LEGISLATION IN FRANCE:
A COMPARATIVE ANALYSIS

Natalia Ivanovna Kuznetsova,
St. Petersburg University of MIA of Russia, Sankt Petersburg, Russia,
natasha40480@mail.ru

Abstract

Introduction: the relevance of the topic is due to the urgent need to study the experience of foreign countries, including comparative studies of the development and implementation of criminal environmental policy.

Materials and Methods: the methodological basis of the research was a set of general scientific methods of cognition. The priority for the author was the comparative legal method of research whereby the criminal environmental legislation of France was studied.

Results: the author gives a positive assessment to codification of environmental law, multiple sources of criminal law, the liability of legal persons.

Discussion and Conclusions: the development and adoption of the Environmental Code of France allowed to solve two important tasks. Firstly, to systematize the environmental legislation accumulated by that time, to exclude conflicts that existed between regulatory legal acts. Secondly, the introduction of Articles in the Environmental Code providing for criminal liability for environmental crimes has contributed to improving the effectiveness of law enforcement practice.

Keywords: environmental crimes, Environmental Code, blank norm, criminal law, sources of criminal law, criminal liability of legal entities

© Kuznetsova N.I., 2023

For citation: Kuznetsova N.I. Criminal and Environmental Legislation in France: a Comparative Analysis. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):115 – 122. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.92.24.015

Введение

Обеспечение глобальной экологической безопасности предполагает изучение широкого круга вопросов и осуществления конкретных мер, связанных с охраной окружающей среды, включая сравнительные исследования уголовного и экологического законодательства в разных странах. Эти вопросы приобретают в настоящее время особую важность и практическую ценность, поскольку качество и продолжительность жизни людей, их физическое и психическое здоровье во многом зависят от наличия благоприятной для человека среды обитания [1, с. 95-111].

Так, например, представляется актуальным изучение уголовно-экологического законодательства Франции, имеющей многолетний опыт охраны окружающей среды и принятия соответствующих законов. Французская республика была одной из первых стран, где появилось Министерство окружающей среды. Согласно Индексу экологической эффективности (Environmental Performance Index) Франция относится к числу экологически благоприятных стран¹. Кроме того, Конституционным законом № 2005-205 от 1 марта 2005 г. об Экологической хартии (JORF № 0051 от 2 марта 2005 г., стр. 3697) к Конституции Французской республики присоединена Экологическая хартия (Charte de l'environnement)².

Материалы и методы

Основу исследования составил всеобщий диалектический метод. Кроме того, использован сравнительно-правовой метод исследования, который позволил выявить необходимость ис-

пользования положительного опыта применения уголовно-экологического законодательства во Франции. Метод научного синтеза использовался для формулирования выводов и предложений о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц.

Обзор литературы

Уголовно-экологическое законодательство привлекает внимание отечественных исследователей.

Значительный вклад в исследование законодательства Франции внесли работы Л.Ф. Шулеповой, А.В. Федорова, А.А. Меньших. В статье автор опирается на работы указанных ученых.

Результаты исследования

Среди основных нормативных правовых актов, создающих правовую основу уголовно-экологической политики во Франции, следует назвать принятый в 2000 году Экологический кодекс с последующими изменениями и дополнениями³. Анализ данного Кодекса имеет важное значение как для выявления опыта уголовно-правовой охраны компонентов окружающей среды, так и для предупреждения экологических преступлений.

Экологический кодекс Франции (Code de l'environnement) отличается своей проработанностью: всего более тысячи статей. Он состоит из Общей (законодательной) и Особенной (регуляторной) частей, а также приложений. Законодательная часть кодекса включает семь книг. Первая книга состоит из следующих разделов: общие принципы; информация и участие граждан; учреждения (занимающиеся охраной окружающей

¹ 2022 EPI Results. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2022/component/epi> (дата обращения: 06.07.2023).

² Charte de l'environnement. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur/constitution/charte-de-l-environnement> (дата обращения: 02.07.2023).

³ Экологический кодекс Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006074220> (дата обращения: 02.07.2023).

среды); ассоциации по охране окружающей среды и местные органы власти; финансовые положения; предупреждение и устранение определенного ущерба; положения, касающиеся контроля и санкций. Вторая книга «Физическая среда» посвящена воде, воздуху и атмосфере. Третья книга уделяет внимание природным зонам. Четвертая книга «Природное наследие» состоит из трех разделов: охрана природного наследия (ст. L411-1 А – L415-8); охота (ст. L420-1 – L429-40); пресноводное рыболовство и управление рыбными ресурсами (статьи с L430-1 – L438-2). Пятая книга содержит многочисленные разделы и главы, посвященные предотвращению загрязнений, рисков и вреда. В указанной книге регламентированы вопросы, связанные с ядерной безопасностью (ст. L515-43, ст. L591-1 – L597-46); ветряными турбинами (ст. L515-44 – L515-46); промышленными платформами (ст. L515-48); химическими веществами, биоцидами и веществами в состоянии наночастиц (ст. L521-1 – L523-8); генетически модифицированными организмами (ст. L531-1 – L537-1); предотвращением образования отходов и управлением ими (ст. L541-1 – L541-50); загрязненными территориями и почвами (ст. L556-1 А – L556-3); предотвращением шумового загрязнения (ст. L571-1-А – L572-11) и др. Шестая книга предусматривает положения, применимые в Новой Каледонии (ст. L611-1 – L614-4), во Французской Полинезии (ст. L621-1 – L624-6), к Уоллису и Футуне (ст. L631-1 – L635-5), к южным и антарктическим землям Франции (ст. L640-1 – L640-5), к Майотте (ст. L651-1 – L656-1). Седьмая книга посвящена защите окружающей среды в Антарктике (ст. L711-1 – L713-9).

Отметим, что кодификация – наиболее совершенная форма упорядочения нормативных правовых актов определенной отраслевой принадлежности. Опыт Франции по модернизации и кодификации экологического законодательства может быть использован в Российской Федерации. Например, представляют интерес закрепленные в кодексе принципы защиты окружающей среды:

- принцип предосторожности, цель которого – избежать причинения вреда природе путем устранения экологических рисков;

- принцип недопущения нанесения ущерба биоразнообразию – запрещает совершение действий, которые ведут к сокращению численности представителей флоры и фауны;

- принцип «платит загрязнитель» – устанавливает, что расходы, связанные с мерами по предотвращению, сокращению и борьбе с загрязне-

нием, должны нести загрязнители. Указанный принцип преследует следующие цели: стимулирование внедрения экологически безопасных технологий; установление правил качества; снижение налогового бремени на граждан из-за необходимости проведения природоохранных мероприятий [6, с. 20-22]. Заслуживает внимания принцип участия, в силу которого все лица информируются о проектах публичных решений, влияющих на окружающую среду, в условиях, позволяющих им сформулировать свои замечания, которые принимаются во внимание компетентным органом.

Проведенный анализ экологического законодательства Франции свидетельствует, что оно не стоит на месте. Общественные отношения видоизменяются и преобразуются, в связи с этим в Экологический кодекс Франции постоянно вносятся соответствующие изменения и дополнения.

В мире динамично складывается новый круг отношений, в которых проявлены и отражены актуальные тенденции, аспекты и задачи защиты климата. В большинстве стран наблюдаемые изменения климата рассматриваются в качестве реальной угрозы [2]. Изменение климата затрагивает в той или иной степени все сферы жизнедеятельности людей, влияет на уровень жизни, безопасность людей, состояние преступности, имеет иные сопутствующие негативные последствия (например, экологическую миграцию). Поэтому повышенное внимание к климатической повестке становится приоритетным направлением во внутренней и внешней политике Пятой Республики [3, с. 175]. Основой для формирования национального законодательства по защите климата являются международные соглашения. В ходе реализации Парижского соглашения согласно Рамочной конвенции об изменении климата, принятого 12 декабря 2015 года по итогам 21-й конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК; 1992) в Париже, в Экологический кодекс Франции была включена глава II-бис, предусматривающая создание Высшего совета по климату (статьи L132-4 – L132-5). Совет представляет собой важный политический орган, подчиненный непосредственно премьер-министру. Совет готовит рекомендации и предложения по совершенствованию деятельности Франции, по повышению вклада различных секторов экономики в соблюдение углеродных балансов и сокращение выбросов парниковых газов, оказывая существенное влияние на формирование экологической политики Франции.

Отметим, что в Экологическом кодексе Франции устанавливаются уголовно-правовые пред-

писания, которые образуют две различные по сферам применения группы норм, одни из них являются общими, а другие – специальными [4, с. 99-100].

Следует обратить внимание на то, что в Экологическом кодексе Франции предусмотрены существенные материальные санкции за совершенные деяния. Так, согласно статье L173-3, если действиями лица причинен серьезный вред здоровью или безопасности людей или вызвана существенная деградация фауны и флоры или качества воздуха, почвы или воды, то подобное деяние наказывается двумя годами тюремного заключения и штрафом в размере 75 000 евро. Квалифицированные составы предусматривают наказание в виде трех лет тюремного заключения и штрафа в размере 150 000 евро. Особо квалифицированные составы устанавливают наказание в пять лет тюремного заключения и штраф в размере 300 000 евро.

Начиная со Второй книги, в Кодексе закреплены специальные уголовно-правовые нормы. Они регулируют охрану отдельных компонентов окружающей среды, закрепляют перечень лиц, которые уполномочены регистрировать и расследовать нарушения экологического законодательства, устанавливают санкции за его нарушение и др.

В статье L216-3 закреплён широкий круг должностных лиц, призванных расследовать нарушения экологического характера. К ним отнесены экологические инспектора; лесники; инспектора по ядерной безопасности; исследователи, инженеры и присяжные техники из Французского научно-исследовательского института морской эксплуатации; портовые офицеры и помощники портовых офицеров; деревенская стража; таможенники; береговая охрана, агенты природных заповедников, лесничество.

В случае нарушения экологического законодательства при осуществлении какой-либо деятельности создается комиссия. В её состав входят не только представители государственных служб, но и компетентные специалисты (представители лесного хозяйства, биологи, химики, физики) [5, с. 88]. Данный подход представляется оправданным. Дело в том, что при определении экологического вреда необходимо учесть не только затраты на восстановление нарушенного конкретного компонента природной среды, но и другие экологические и экономические потери, а для это необходимы знания представителей различных отраслей науки.

Во Франции существует эффективное водное законодательство. Действует закон от 3 января 1992 г. «О водах», который применяется вместе

с нормами уголовного законодательства. Помимо наказаний за совершенные преступления, закон предусматривает поощрительные меры, направленные на сохранение окружающей среды. Так, создатель очистного устройства, поддерживаемого в нормальном эксплуатационном состоянии, получает премию за очистку вод [6, с. 24].

Проведенное исследование дает основание заключить, что во Франции отсутствует полная кодификация уголовного права, что можно признать в качестве положительного опыта. Источниками уголовного права, наряду с Уголовным кодексом, являются другие кодексы (экологический, горный, градостроительный, сельскохозяйственный, трудовой, Кодекс здравоохранения и др.), а также законы и подзаконные акты. Разработка и принятие Экологического кодекса Франции позволили систематизировать накопленное к тому моменту природоохранное законодательство, а также исключить коллизии между нормативными правовыми актами. Введение в Экологический кодекс Франции статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение экологических преступлений, способствовало повышению эффективности правоприменительной практики.

В связи с изложенным возникают вопросы: возможно ли в Российской Федерации расширение источников уголовного права, в частности за совершение экологических преступлений? Будет ли эта мера действенной в России?

Принято считать, что в Российской Федерации существует только один единственный источник уголовного права – Уголовный кодекс (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Однако эта устоявшаяся точка зрения неоднократно подвергалась сомнению [7]. Детально исследовав данный вопрос на уровне докторской диссертации, К.В. Ображиев заключает, что положения ч. 1 ст. 1 УК РФ не соответствуют действительности [8, с. 12]. Рассуждая о тенденциях отечественного уголовного законодательства, он верно резюмирует: «экссклюзивные функции кодифицированного уголовного закона (прежде всего, определение признаков составов преступлений, наказуемости деяний и иных уголовно-правовых последствий совершения преступлений) постепенно перейдут к иным источникам уголовного права, вследствие чего система источников российского уголовного права утратит централизованный характер [9]. Фактически в настоящее время наблюдается расширение круга источников уголовного права, в частности за счёт нормативных правовых актов других отраслей права, ранее вынесенных судебных решений, являющихся, по сути, судебными прецедентами.

Отметим, что ярким приверженцем расширения источников уголовного права России, в том числе в целях обеспечения экологической безопасности, является профессор Л. Ф. Шулепова. Она отмечает, что вопрос об источниках отечественного уголовного права приобретает актуальность ещё и потому, что в подавляющем большинстве современных государств, особенно в высокоразвитых, допускается параллельное функционирование, наряду с уголовным кодексом, других законов и подзаконных актов, содержащих уголовно-правовые нормы. При этом, как показывает анализ, эффективность уголовно-правового регулирования от этого не страдает, а даже выигрывает [10].

Констатируем, что уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за экологические преступления, содержательно включают в себя положения природоохранных нормативных правовых актов. Как справедливо указывает профессор Н.И. Пикуров, уголовно-правовая норма представляет собой систему, включающую как собственные уголовно-правовые предписания, так и нормативные предписания иных отраслей права [11, с. 102]. Следовательно, в широком понимании источниками уголовного права являются нормативные акты иных отраслей права. Поэтому положительным моментом является, по нашему мнению, кодификация природоохранного законодательства: принятие Экологического кодекса Российской Федерации и использование его в качестве источника уголовного права для привлечения лиц к уголовной ответственности за совершенные экологические преступления.

В уголовном законодательстве Российской Федерации предусмотрена глава 26 УК РФ «Экологические преступления». Все нормы указанной главы являются бланкетными, то есть нуждаются в использовании прочего, а именно природоохранного законодательства, в том числе отдельных субъектов России.

В своей монографии М. А. Ибрагимов и К.В. Ображиев отмечают, что для уяснения содержания признаков состава преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» следует обращаться к нормативным актам экологического права, которые должны рассматриваться в качестве источников уголовного права [12, с. 55].

Так, норма, устанавливающая уголовную ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов, содержательно со-

стоит не только из положений ст. 256 УК РФ, но и включает правила рыболовства. Причем имеются отдельные Правила рыболовства для субъектов РФ. Например, в Забайкальском крае лица, привлеченные к уголовной ответственности по ст. 256 УК РФ, нарушают Правила рыболовства для Байкальского хозяйственного бассейна. В Ростовской же области для определения преступности рассматриваемого деяния применяются Правила рыболовства для Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна.

Сложившаяся ситуация затрудняет природоохранную деятельность, поскольку отсутствует единообразное понимание и применение экологического законодательства. Для разрешения имеющихся коллизий мы приходим к выводу о необходимости систематизации экологического законодательства в масштабах всей страны.

Отсутствие в Российской Федерации кодификации экологического законодательства отчасти может быть связано с целым рядом обстоятельств, чрезвычайно затрудняющих и осложняющих процесс его разработки и принятия. Главным из них является федеративная форма устройства государства. Следует признать наличие определенного позитивного опыта, накопленного в регионах. Речь идёт в первую очередь об Экологическом кодексе Республики Татарстан¹.

Полагаем, наиболее эффективным средством обеспечения экологической безопасности продолжает оставаться уголовное законодательство, отнесенное исключительно к ведению федерального центра.

Обсуждение и заключение

На наш взгляд, одним из достоинств правовой системы Франции является наличие института уголовной ответственности юридических лиц. Это положение закреплено в L173-8 Экологического кодекса, где указано, что уголовная ответственность юридических лиц определяется в соответствии со ст. 121-2 УК Франции. Им назначается штраф в размере, равном пятикратному размеру штрафа, предусмотренного для физических лиц. Если наказание для физического лица связано только с лишением свободы, юридическое лицо может быть подвергнуто штрафу в размере 1 млн. евро. Кроме того, за экологические преступления к юридическому лицу могут быть применены такие наказания, как судебный надзор, ликвидация, запрет на участие в государственных закупках, запрет осуществления сделок с ценными бумагами, конфискация, публикация

¹ Экологический кодекс Республики Татарстан от 15 января 2009 года № 5-ЗРТ // Электронный фонд нормативных и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/545687754> (дата обращения: 26.10.2023).

приговора в средствах массовой информации [13]. Кроме того, юридические лица, помимо штрафа, несут наказание в виде конфискации имущества, а также предмета, который использовался или предназначался для совершения преступления.

В специальных исследованиях отмечается, что уголовная ответственность юридических лиц во Франции основана на двух принципах, то есть является дополнительной и обусловленной. Юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности только наряду с физическими лицами, а не вместо них (принцип дополнительной ответственности). Общественно опасное деяние должно быть совершено в пользу (в интересах) юридического лица, его руководителем или представителем (принцип обусловленной ответственности) [14, с. 20].

Применительно к проблеме установления уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации следует отметить, что дискуссия по этому вопросу не утихает. Представители отечественной науки разделились во мнении. Первые полагают, что в современных условиях установление уголовной ответственности юридических лиц является необходимым [15]. Вторые убеждены, что такая ответственность невозможна [16, с. 162]. Третьи уверены, что подобная ответственность может применяться не ко всем, а только экономическим и экологическим преступлениям [17].

На наш взгляд, установление уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации продиктовано следующими обстоятельствами. Во-первых, несмотря на предпринимаемые усилия, состояние окружающей среды продолжает ухудшаться, что требует новых подходов к её защите, в том числе уголовно-правовыми средствами. Во-вторых, наибольшую угрозу для экологии представляют крупные хозяйствующие субъекты, осуществляющие свою деятельность в сфере добычи, переработки и использования различных природных ресурсов – нефтяные, газовые, металлургические, химические компании, агрохолдинги, энергетические предприятия, транспорт, ставящие перед собой цель любой ценой получить как можно больше прибыли. Практика свидетельствует, что именно они стали виновниками крупнейших экологических бедствий последних десятилетий. Доля частных лиц в загрязнении окружающей среды по сравнению с ними ничтожно мала. В-третьих, институт уголовной ответственности юридических лиц успешно используется в более чем 70 странах мира. В-четвертых, подавляющее большинство ученых, специализирующихся на проблемах уголовной ответственности по экологическим преступлениям, выступают за установление уголовной ответственности юридических лиц именно за нарушения природоохранного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецова Н.И., Милюков С.Ф. Криминологическая подоплёка экологической политики // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2022. № 4(48). С. 95-111.
2. Кашепов В.П. Как влияет право, законодательство на климат планеты // Черные дыры в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 65-68.
3. Никонов Р.В. Развитие правового регулирования в сфере предупреждения изменения климата в России, Германии и Франции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. Москва. 2021. 207 с.
4. Шулепова Л.Ф. Юридическая природа уголовно-правовых положений в Экологическом кодексе Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 15 (701). С. 99-100.
5. Меньших А.А. Уголовное законодательство Франции об ответственности за экологические преступления // Черные дыры в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 86-89.
6. Браташова Н.И. Преступления, посягающие на животный мир: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. Саратов: Изд-во СЮИ МВД России. 2011. 196 с.
7. Пудовочкин Ю.Е. Некоторые вопросы теории источников уголовного права // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 314-317.
8. Ображиев К.В. Система формальных юридических источников российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2014. 587 с.
9. Ображиев К.В. Основные тенденции развития системы формальных источников российского уголовного права // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 1. С. 102-109.

10. Шулёпова Л.Ф. Источники уголовного права в России и Германии (сравнительно-правовое обозрение) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 3 (774). С. 195-206.
11. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / под ред. А.В. Наумова. Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т., 1998. 221 с.
12. Ибрагимов М.А., Ображиев К.В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2005. 96 с.
13. Терновская О.А. Уголовная ответственность юридических лиц за экологические преступления по законодательству Франции // Аграрное и земельное право. 2016. № 10 (142). С. 107-112.
14. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Франции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1 (11). С. 15-25.
15. Федоров А.В. Смертная казнь (ликвидация) юридического лица как уголовное наказание и привлечение к уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности: зарубежный опыт // Юридический мир. 2020. № 4. С. 18-23.
16. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения норм главы 26 УК РФ: монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. 472 с.
17. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017. 528 с.

REFERENCES

1. Kuznecova N.I., Milyukov S.F. Kriminologicheskaya podpolyoka ekologicheskoy politiki // Vestnik SHechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2022. № 4(48). S. 95-111.
2. Kashepov V.P. Kak vliyaet pravo, zakonodatel'stvo na klimat planety // SHechnye dyry v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 5. S. 65-68.
3. Nikonov R.V. Razvitie pravovogo regulirovaniya v sfere preduprezhdeniya izmeneniya klimata v Rossii, Germanii i Francii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.06. Moskva. 2021. 207 s.
4. SHulepova L.F. YUridicheskaya priroda ugolovno-pravovyh polozhenij v Ekologicheskom kodekse Francii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 15 (701). S. 99-100.
5. Men'shih A.A. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Francii ob otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya // SHechnye dyry v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 5. S. 86-89.
6. Bratashova N.I. Prestupleniya, posyagayushchie na zhivotnyj mir: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: monografiya. Saratov: Izd-vo SYUI MVD Rossii. 2011. 196 s.
7. Pudovochkin YU.E. Nekotorye voprosy teorii istochnikov ugolovnogo prava // Obshchestvo i pravo. 2014. № 4 (50). S. 314-317.
8. Obrazhiev K.V. Sistema formal'nyh yuridicheskikh istochnikov rossijskogo ugolovnogo prava: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2014. 587 s.
9. Obrazhiev K.V. Osnovnye tendencii razvitiya sistemy formal'nyh istochnikov rossijskogo ugolovnogo prava // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2015. № 1. S. 102-109.
10. SHulepova L.F. Istochniki ugolovnogo prava v Rossii i Germanii (sravnitel'no-pravovoe obozrenie) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Образование и педагогические науки. 2017. № 3 (774). S. 195-206.
11. Pikurov N.I. Ugolovnoe pravo v sisteme mezhotraslevykh svyazey / pod red. A.V. Naumova. Volgograd: Volgogr. jurid. in-t., 1998. 221 s.
12. Ibragimov M.A., Obrazhiev K.V. Normativnye akty inyh otraslej prava kak istochniki ugolovnogo prava: monografiya. Stavropol': Servisshkola, 2005. 96 s.
13. Ternovskaya O.A. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic za ekologicheskie prestupleniya po zakonodatel'stvu Francii // Aграрное и земельное право. 2016. № 10 (142). S. 107-112.
14. Fedorov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic po zakonodatel'stvu Francii // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2017. № 1 (11). S. 15-25.
15. Fedorov A.V. Smertnaya kazn' (likvidaciya) yuridicheskogo lica kak ugolovnoe nakazanie i privlechenie k ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskogo lica posle prekrashcheniya ego deyatelnosti: zarubezhnyj opyt // YUridicheskij mir. 2020. № 4. S. 18-23.

16. Попов I.V. Prestupleniya protiv prirodnoj sredy: teoreticheskie osnovy i praktika primeneniya norm glavy 26 UK RF: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2015. 472 s.
17. Lopashenko N.A. Ekologicheskie prestupleniya: ugovovno-pravovoj analiz: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2017. 528 s.

Информация об авторе:

Кузнецова Наталья Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, natasha40480@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kuznetsova Natalia I., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University of MIA of Russia, natasha40480@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 09.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.58.94.016

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Владимирович Максименко¹, Ирина Анатольевна Михайлова²,
^{1,2} Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия,
¹ Mav1202@yandex.ru, ² mihailova140361@yandex.ru

Введение: в статье подвергнуты анализу изменения, внесенные в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации в период с января 2022 года по август 2023 года. Изменения коснулись преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, преступлений против военной службы, что обусловлено проведением специальной военной операции.

Материалы и методы: в статье проанализированы нормы российского уголовного и административного законодательства. Применены аналитический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы исследования.

Результаты исследования: авторы провели разграничение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, критически оценили проблемы разграничения статей 207³ и 208³ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Обсуждение и заключение: авторы обосновывают необходимость четкого формулирования диспозиций статей во избежание их дублирования в смежных составах преступлений, а также совершенствования юридической техники конструирования статей с административной преюдицией в целях минимизации ошибок при квалификации преступлений.

Ключевые слова: изменения Уголовного кодекса Российской Федерации; заведомо ложная информация; действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации; переход на сторону противника; административная преюдиция

© Максименко А.В., Михайлова И.А., 2023

Для цитирования: Максименко А.В., Михайлова И.А. Анализ отдельных изменений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 123 – 131. DOI: 10.37973/KUI.2023.58.94.016

Scientific article
UDC 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.58.94.016

ANALYSIS OF CERTAIN AMENDMENTS TO THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander Vladimirovich Maximenko¹, Irina Anatol'evna Mihaylova²,
^{1,2} I.D. Putilin Belgorod Law Institute of MIA of Russia, Belgorod, Russia,
¹ Mav1202@yandex.ru, ² mihailova140361@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article analyses the amendments to the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation from January 2022 to August 2023. The changes mainly affected offences against the basis of the constitutional order and the security of the state, and offences against military service, due to the special military operation.

Materials and Methods: the article analyses Russian criminal and administrative laws. In the course of the study, the author used analysis, legal, comparative legal, and system and structure research methods.

Results: the authors distinguish between constitutional offences and offences against the security of the state, take stock of the challenge in separation of Articles 207³ and 208³ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the authors justify the necessity of clear articulation of the Articles in order to avoid their duplication in relevant offences and the improvement of the legal techniques for constructing Articles with administrative prejudice to minimize errors in crime classification.

Keywords: amendments to the Criminal Code of the Russian Federation; deliberately false information actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation; switching to the enemy side; administrative prejudice

© Maximenko A.V., Mihaylova I.A., 2023

For citation: Maximenko A.V., Mihaylova I.A. Analysis of certain amendments to the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):123 – 131. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.58.94.016

Введение

В Российской Федерации активно ведется работа по совершенствованию уголовного законодательства. Эта деятельность представляет собой одно из направлений функционирования государства – его основополагающий вектор борьбы с преступностью [1, с. 262-264].

Как справедливо отмечает Н.А. Лопашенко, «с учетом происходивших в стране и в мире трансформаций по всех сферах человеческого бытия, связанных с турбулентностью в международных отношениях, с последствиями пандемических лет, с проведением Российской Федерацией специальной военной операции, изменения в уго-

ловной политике и уголовном законодательстве не удивительны, в некоторых случаях даже закономерны» [2, с. 115].

С начала 2022 года по август 2023 года в Особенную часть УК РФ включено 22 новых статьи (в основном в главу «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»), а 50 действующих (в главе «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», также в главе «Преступления против военной службы») подвергнуты корректировкам, причем некоторые – дважды (ст. 207³, 226¹, 280³, 284¹).

Таблица 1. Перечень статей Особенной части, введенных в УК РФ и подвергнутых изменениям в период с января 2022 года по август 2023 года

Table 1. Articles introduced to the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation amended from January 2022 to August 2023

Перечень статей, введенных в УК РФ	Перечень статей, подвергшихся изменениям
Преступления против жизни и здоровья	
	ст. 116 ¹ , ст. 117

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	
	ст. 131, ст. 132, ст. 133
Преступления в сфере экономической деятельности	
ст. 172 ⁴	ст. 198, ст. 199, ст. 199 ¹ , ст. 199 ² , ст. 199 ⁴
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях	
ст. 201 ² , ст. 201 ³	
Преступления против общественной безопасности	
ст. 207 ³	ст. 205, ст. 205 ¹ , ст. 205 ⁴ , ст. 207 ³ , ст. 208, ст. 226 ¹
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности	
ст. 234 ²	ст. 239, ст. 242, ст. 242 ¹
Экологические преступления	
ст. 260 ¹	ст. 261
Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	
ст. 264 ³	ст. 264
Преступления в сфере компьютерной информации	
ст. 274 ²	
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	
ст. 275 ¹ , ст. 280 ³ , ст. 280 ⁴ , ст. 281 ² , ст. 281 ³ , ст. 282 ⁴ , ст. 283 ² , ст. 284 ² , ст. 284 ³	ст. 275, ст. 276, ст. 280 ³ , ст. 280 ⁴ , ст. 281, ст. 281 ¹ , ст. 283 ¹ , ст. 284 ¹
Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	
ст. 285 ⁵ , ст. 285 ⁶	ст. 286
Преступления против правосудия	
	ст. 302, ст. 316
Преступления против порядка управления	
ст. 330 ³	ст. 322, ст. 330 ¹
Преступления против военной службы	
ст. 352 ¹	ст. 331, ст. 332, ст. 333, ст. 334, ст. 337, ст. 339, ст. 340, ст. 341, ст. 342, ст. 344, ст. 346, ст. 347, ст. 348
Преступления против мира и безопасности человечества	
ст. 356 ¹	ст. 359, ст. 360, ст. 361

Н.А. Лопашенко выделяет основные направления изменений Особенной части УК РФ: 1) расширение криминализации (часто за счет введения статей с административной преюдицией); 2) усиление дифференциации; 3) ужесточение уголовной ответственности; 4) устранение законодательных ошибок, приведение УК РФ в соответствие с Конституцией Российской Федерации, а также корректирование Особенной части в связи с другими ее изменениями [2, с. 118-119].

А.В. Иванчин справедливо отмечает, что «вносимые в уголовное законодательство многочисленные изменения зачастую носят непоследовательный, а порой и противоречивый характер ввиду отсутствия «концептуальных основ его формирования» [3, с. 51].

Обзор литературы

Исследованию основных направлений и тенденций развития уголовного законодательства Российской Федерации посвятили свои работы

А.А. Гравина [4], В.К. Дуюнов [5], А.В. Иванчин [3], Н.А. Лопашенко [2], А.В. Наумов [6] и другие.

И.С. Макеева, И.А. Болотова отмечают, что устойчивой тенденцией уголовно-правовой политики последних лет является внедрение института административной преюдиции [7, с. 96-102]. Несмотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации не оспорил законность преюдиции, отношение к ней теоретиков и практиков далеко неоднозначно. Если Н.А. Лопашенко категорично выступает против административной преюдиции [8, с. 70], то Д.А. Зыков считает возвращение административной преюдиции в УК РФ исправлением законодательской ошибки [9, с. 273-275].

Материалы и методы

В ходе исследования проведен анализ научной литературы, ряда смежных норм уголовного и административного законодательства Россий-

ской Федерации. В работе использованы аналитический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы исследования.

Результаты исследования

Статья 207³ введена в Уголовный кодекс Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ, однако уже 25.03.2022 (№ 63-ФЗ), а затем 18.03.2023 (№ 58-ФЗ) в нее внесены изменения. На наш взгляд, предпринятыми мерами законодателю не удалось исключить противоречий при толковании нормы, и, как следствие, квалификации преступления. Вопросам ограничения данного состава преступления от содержащегося в статье 280³ УК РФ посвящены, в частности, исследования А.Н. Лопашенко [2, с. 123].

Основной состав (ч.1 ст. 207³ УК РФ) предусматривает ответственность за «публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации»¹. На наш взгляд, указание на распространение заведомо ложной информации «под видом достоверных сведений» является излишним. К тому же, по смыслу статьи заведомо ложными должны быть сведения, подрывающие доверие и авторитет Вооруженных Сил Российской Федерации, т.е. дискредитирующие их.

В свою очередь, ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации, предусмотрена ст. 280³ УК РФ. Представляется, что распространение заведомо ложной информации является одним из действий, дискредитирующих Вооруженные Силы Российской Федерации, поэтому ст. 207³ следует исключить из Уголовного кодекса РФ. Данный вывод подтверждается отсутствием судебной практики по ст. 207³ УК РФ.

Федеральным законом от 28.04.2023 № 157-ФЗ ст. 275 УК РФ дополнена действием, образующим объективную сторону государственной измены: «переход на сторону противника», что, согласно примечанию 1 к данной статье, означает «участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники»². Вопросам квалификации данной статьи в новой редакции посвятили свои исследования А.Г. Хлебушкин [10], Е.В. Пономаренко и К.О. Копшевой [11] и другие. Следует согласиться с авторами в том, что изменения, внесенные в данную статью, недостаточно обоснованы, поскольку переход на сторону противника вполне подпадает под такую форму государственной измены, как иное оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. «Как правило, действия изменника в этой части одним лишь переходом на сторону врага не ограничиваются, такое лицо может сообщить о месте дислокации Вооруженных Сил Российской Федерации, выдать сведения, содержащие государственную тайну, что в итоге может стоить жизни многим тысячам бойцов» [11, с. 123].

Диспозиция ч. 3 ст. 208 УК РФ, введенной Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ³, практически полностью совпадает с примечанием 1 к ст. 275 УК РФ «Государственная измена», и указанные действия также могут быть расценены как одна из форм оказания помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Трудно при этом представить в действиях такого лица, действующего в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ. То же можно сказать и о ст. 275¹ «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией», предусматривающей ответственность за содействие в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 04.08.2023: принят Государственной Думой 24 мая 1996: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Там же.

³ Там же.

Представляется, что изменения, внесенные в указанные статьи, непоследовательны и противоречивы.

Анализ последних изменений уголовного законодательства позволил выявить тенденцию широкого применения норм с административной преюдицией. Следует отметить, что данный прием ранее применялся законодателем для конструирования диспозиций ч. 3 ст. 198¹ «Уклонение военнослужащего от учебных или поверочных сборов и воинского учета»; ч. 1 ст. 166 «Незаконная охота»; ст. 166¹ «Продажа, скупка, обмен шкур пушных зверей»; ч. 1 ст. 167² «Самовольная добыча янтаря»; ч. 1 ст. 208¹ «Организация азартных игр»; ст. 224³ «Незаконное приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах» Уголовного кодекса РСФСР 1960 года¹. При этом в них использовались следующие формулировки: «если эти действия совершены после применения мер административного взыскания за такое же нарушение» либо «совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения». Начиная с 2016 года, данный способ юридической

техники стал активно использоваться в Уголовном кодексе 1996 года.

Теоретики и практики активно дискутируют по поводу необходимости использования в уголовном законодательстве статей с административной преюдицией, рассматривают вопросы квалификации таких преступлений [12, с. 105 – 112; 13, с. 256 – 263; 14, с. 78 – 86]. По мнению А.С. Леонтьевой, «административной преюдицией в уголовном праве является закрепленная специальной конструкцией состава преступления преюдициальная связь между несколькими правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному административного взыскания за аналогичное правонарушение, в силу которой содеянное оценивается как преступление, и к виновному применяются меры уголовной ответственности» [15, с. 454]. Данное определение представляется недостаточно полным, т.к. для конструирования содержащихся в Особенной части действующего УК РФ статей с административной преюдицией законодатель использовал и другие способы юридической техники, позволяющие их классифицировать.

Таблица 2. Классификация статей с административной преюдицией, содержащихся в УК РФ

Table 2. Classification of Articles of the Criminal Code of the Russian Federation with Administrative Prejudice

Статьи, в которых предусмотрена ответственность за указанные в диспозиции деяния, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, или совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение года	Статьи, в которых предусмотрена ответственность за указанные в диспозиции деяния, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за деяния, предусмотренные статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, указанными в диспозиции статьи УК РФ	Статьи, диспозиции которых содержат обязательный признак объективной стороны – совершение деяний неоднократно
Преступления против жизни и здоровья		
ст. 116 ¹		
Преступления против семьи и несовершеннолетних		
		ст. 151 ¹ , ст. 154, ст. 157
Преступления против собственности		
	ст. 158 ¹	
Преступления в сфере экономической деятельности		
	ст. 171 ⁵ , ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193	ст. 171 ⁴ , ст. 180
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях		
	ст. 201 ² , ст. 201 ³	
Преступления против общественной безопасности		
ст. 215 ³ , ст. 217 ³		ст. 212 ¹ , ст. 215 ⁴
Экологические преступления		
	ч. 2 ст. 255	

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31.10.1960 № 40. Ст. 591.

Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта		
ч. 1 ст. 264 ¹	ст. 264 ² , ч. 1 ст. 264 ³	
Преступления в сфере компьютерной информации		
	ст. 274 ²	
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		
Ст. 280 ¹ , ч. 1 ст. 280 ³	ст. 282 ⁴ , ч. 1 ст. 284 ¹	
Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления		
	ч. 1 ст. 285 ⁵ , ст. 285 ⁶	
Преступления против правосудия		
	ч. 1 ст. 315	ч. 2 ст. 314 ¹
Преступления против порядка управления		
	ч. 1, ч. 2 ст. 330 ¹ , ч. 1 ст. 330 ³	

При этом следует отметить, что в ст. 217³ УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), совершенное лицом после его *неоднократного* привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние. Среди статей, образующих третью группу, можно выделить две разновидности: 1) понятие неоднократности дано в примечании (статьи 151¹, 157, 171⁴, 212¹, 215⁴ УК РФ); 2) понятие «неоднократно» не раскрывается (статьи 154 и 180 УК РФ). Согласно диспозициям этих статей, предварительное привлечение лица к административной ответственности необязательно.

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные в постановлении от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», также не содержат такого указания: «неоднократность по смыслу части 1 статьи 180 УК РФ предполагает совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров»¹. С.В. Аветисян в связи с этим отмечает: «Возникает закономерный вопрос: как тогда в этом случае выявляются факты незаконного использования чужого товарного знака? Как правило, эти обстоятельства устанавливаются в ходе оперативно-розыскных мероприятий, например, проверочной закупки» [16, с. 71].

Однако, по нашему мнению, в любом случае необходимо, чтобы факты незаконного исполь-

зования чужого товарного знака, в том числе и в результате проверочной закупки, получили юридическую оценку. При этом единичный факт совершения незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) подпадает под действие статьи 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Таким образом, полагаем, для признания совершения указанных действий неоднократно необходимо, чтобы лицо ранее было подвергнуто административному наказанию за деяния, предусмотренные ст. 14.10 КоАП РФ.

Аналогично следует толковать признак неоднократности в ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)». При отсутствии совершения предусмотренных в диспозиции статьи деяний из корыстных побуждений лицо должно быть ранее подвергнуто административному наказанию по ст. 5.37 «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. На наш взгляд, следует согласиться с А.В. Иванчиным [17, с. 99] и Э.Л. Сидоренко [18, с. 61], которые считают составы преступлений, предусмотренные статьями 154 и 180 УК РФ, составами со скрытой преюдицией. Диспозиции статей 154 и 180 за все время действия УК РФ не подвергались изменениям и фактически представляли собой единичные примеры статей с административной преюдицией на фоне отказа законодателя от подобного способа юридической техники при принятии УК РФ 1996 года.

Обсуждение и заключение

В результате изучения научной литературы и анализа изменений, внесенных в статьи Осо-

¹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 7.

бенной части Уголовного кодекса РФ за период с января 2022 года по август 2023 года, авторы пришли к выводу, что ряд изменений не вполне обоснован и не обусловлен практической необходимостью.

При конструировании статей с административной преюдицией законодателем использованы различные способы юридической техники. В примечаниях к статьям 151¹, 157, 171⁴, 212¹, 215⁴ понятие «неоднократно» означает совершение деяния «лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние». В связи с изложенным предлагается:

- 1) ст. 207³ исключить из УК РФ;
- 2) статьи 275, 208³ оставить в прежней редакции;
- 3) словосочетания «лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние» (ст. 116¹, ст. 215³, ч. 1 ст. 264¹ УК РФ) и «совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» (ст. 280¹, ч. 1 ст. 280³ УК РФ) заменить на «неоднократно», а в Общей части Уголовного кодекса РФ предусмотреть отдельную статью, содержащую определение дефиниции «неоднократно».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ревин В.П. Концепция уголовной политики Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 262-264.
2. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. 2023. Т. 76. № 4. С. 115–135.
3. Иванчин А.В. О новой концепции развития уголовного права России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. С. 51-55.
4. Гравица А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95 – 106.
5. Дуюнов В.К. Совершенствование уголовного законодательства – это не починка «Тришкина кафтана» // Вопросы российского и международного права. 2012. № 1. С. 99 – 110.
6. Наумов А.В. Концепция уголовно-правовой политики: законодательный или доктринальный вариант? // Уголовное право. 2022. № 3. С. 25 – 29.
7. Макеева И.С., Болотова И.А. Проблемы законодательного конструирования и применения составов преступлений с административной преюдицией // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2. С. 96 – 102.
8. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64-71.
9. Зыков Д.А. Возвращение административной преюдиции в УК РФ – исправление законотворческой ошибки // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 273 – 275.
10. Хлебушкин А.Г. Переход на сторону противника и участие в военных действиях на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации: вопросы квалификации // Уголовное право. 2022. № 12. С. 48-47.
11. Пономаренко Е.В., Копшева К.О. Обоснованность изменений уголовного законодательства, касающихся отдельных составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 121 – 126.
12. Новикова Е.В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 12. 2018. С. 105 – 112.
13. Маркунцов С.А. О применении уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С.256 – 263.
14. Капиус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С.78 – 86.
15. Леонтьева А.С. К вопросу об административной преюдиции как способу декриминализации оборота янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней // Вестник науки. 2023. № 5 (62). Т. 4. С. 453 – 457.
16. Аветисян С.В. Административная преюдиция как инструмент криминализации и декриминализации (на примере статей 178, 180, 212¹ УК РФ) // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 4 (20) С. 68-73.
17. Иванчин А.В. О целесообразности построения преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 98 – 108.

18. Сидоренко Э.Л. Особенности квалификации преступлений преюдициального характера // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 60 – 66.

REFERENCES

1. Revin V.P. Konceptsiya ugolovnoj politiki Rossijskoj Federacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2010. № 1. S. 262-264.
2. Lopashenko N.A. Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva v 2022 g.: analiticheskij obzor // Lex russica. 2023. T. 76. № 4. S. 115–135.
3. Ivanchin A.V. O novej koncepcii razvitiya ugolovnogo prava Rossii // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2017. S. 51-55.
4. Gravina A.A. Tendencii razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva na sovremennom etape // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 11. S. 95 – 106.
5. Duyunov V.K. Sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatel'stva – eto ne pochinka «Trishkina kaftana» // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2012. № 1. S. 99 – 110.
6. Naumov A.V. Konceptsiya ugolovno-pravovoj politiki: zakonodatel'nyj ili doktrinal'nyj variant? // Ugolovnoe pravo. 2022. № 3. S. 25 – 29.
7. Makeeva I.S., Bolotova I.A. Problemy zakonodatel'nogo konstruirovaniya i primeneniya sostavov prestuplenij s administrativnoj preyudiciej // Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. 2020. № 2. S. 96 – 102.
8. Lopashenko N.A. Administrativnoj preyudicii v ugolovnom prava – net! // Vestnik Akademii General'noj Prokuratury Rossijskoj Federacii. 2011. № 3. S. 64-71.
9. Zykov D.A. Vozvrashchenie administrativnoj preyudicii v UK RF – ispravlenie zakonotvorcheskoj oshibki // YUridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 273 – 275.
10. Hlebushkin A.G. Perekhod na storonu protivnika i uchastie v voennyh dejstviyah na territorii inostrannogo gosudarstva v celyah, protivorechashchih interesam Rossijskoj Federacii: voprosy kvalifikacii // Ugolovnoe pravo. 2022. № 12. S. 48-47.
11. Ponomarenko E.V., Kopsheva K.O. Obosnovannost' izmenenij ugolovnogo zakonodatel'stva, kasayushchihsy ot del'nyh sostavov prestuplenij protiv osnov konstitucionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2023. № 1. S. 121 – 126.
12. Novikova E.V. Administrativnaya preyudiciya: diskussiya prodolzhaetsya // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). № 12. 2018. S. 105 – 112.
13. Markuncov S.A. O primenenii ugolovno-pravovyh zapretov, skonstruirovannyh s ispol'zovaniem administrativnoj preyudicii // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2019. № 3. S.256 – 263.
14. Kapius O.S. Administrativnaya preyudiciya v ugolovnom prave: problemy teorii i praktiki // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 6. S.78 – 86.
15. Leont'eva A.S. K voprosu ob administrativnoj preyudicii kak sposobu dekriminalizacii oborota yantarya, nefrita i inyh poludragocennyh kamnej // Vestnik nauki. 2023. № 5 (62). T. 4. S. 453 – 457.
16. Avetisyan S.V. Administrativnaya preyudiciya kak instrument kriminalizacii i dekriminalizacii (na primere statej 178, 180, 212¹ UK RF) // Rossijskoe konkurentnoe pravo i ekonomika. 2019. № 4 (20) S. 68-73.
17. Ivanchin A.V. O celesoobraznosti postroeniya prestuplenij s administrativnoj preyudiciej // Biblioteka kriminalista. 2013. № 2 (7). S. 98 – 108.
18. Sidorenko E.L. Osobennosti kvalifikacii prestuplenij preyudicial'nogo haraktera // Obshchestvo i pravo. 2016. № 1 (55). S. 60 – 66.

Информация об авторах:

Максименко Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, Mav1202@yandex.ru

Михайлова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, mihailova140361@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Maximenko Alexander V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of Criminal Law Disciplines Department, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of MIA of Russia, Mav1202@yandex.ru

Mihaylova Irina A., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor, Chair of Criminal Law Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of MIA of Russia, mihailova140361@yandex.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Максименко Александр Владимирович – инициатор темы исследования, постановка проблемы, определение объекта и методов исследования, разработка обзора литературы, уточнение выводов и рекомендаций.

Михайлова Ирина Анатольевна – анализ доктринально-прикладных данных, подготовка введения и результатов исследования, формирование заключения.

Статья получена: 06.09.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.83.81.017

НЕПРАВОМЕРНЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: МОНИТОРИНГ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Лейсан Рафиковна Назмеева,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
nazmeevalr@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена анализу динамики и тенденциям неправомерного доступа к компьютерной информации как одного из видов преступлений, обладающих повышенной степенью общественной опасности, связанных с посягательством на сведения (данные), представленные в цифровой форме.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, хронологический, статистический и другие методы. Материалами исследования послужили статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России, Экспертно-аналитического центра InfoWatch, а также научные труды по проблематике исследования.

Результаты исследования: в статье проанализирована динамика роста неправомерного доступа к компьютерной информации. Особое внимание уделено исследованию причинного комплекса и основных способов совершения преступлений в сфере обращения информации, представленной в цифровой форме.

Обсуждение и заключение: автором сформулированы основные направления минимизации неправомерного доступа к компьютерной информации.

Ключевые слова: неправомерный доступ; компьютерная информация; способ преступления; статистика преступлений; хищение информации

© Назмеева Л.Р., 2023

Для цитирования: Назмеева Л.Р. Неправомерный доступ к компьютерной информации: мониторинг и основные направления противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 132 – 137. DOI: 10.37973/KUI.2023.83.81.017

Scientific article
UDC 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.83.81.017

ILLEGAL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION: MONITORING AND MAIN DIRECTIONS OF COUNTERACTION

Leysan Rafikovna Nazmeeva,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia,
nazmeevalr@mail.ru

Abstract

Introduction: the article presents the analysis of dynamics and trends of illegal access to computer information as one of the types of socially dangerous crimes related to infringement of information (data) provided in digital form.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was comparative-legal, chronological, statistical and other methods. The research materials were statistical data of the Main Information and Analytical Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia, InfoWatch Expert Analytical Centre, as well as scientific works on the research issues.

Results: the article analyses the dynamics of the growth of illegal access to computer information. Special attention is paid to the study of the causal complex and the main ways of committing crimes in the sphere of circulation of information presented in digital form.

Discussion and Conclusions: the author has formulated the main directions for minimising illegal access to computer information.

Keywords: illegal access, computer information, method of crime, crime statistics, information theft

© Nazmeeva L.R., 2023

For citation: Nazmeeva L.R. Illegal Access to Computer Information: Monitoring and Main Directions of Counteraction. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):132 – 137. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.83.81.017

Введение

В последние десятилетия XX века активное развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает воздействие на общественные, экономические институты, формируя новые подходы к регулированию отношений, связанных с оборотом информации. Интеграция информации в единое мировое информационное пространство способствует увеличению ее значимости, возможности оперирования в компьютерных сетях, персональных компьютерах, смартфонах и периферийных устройствах и наступлению эпохи передачи компьютерной информации (сведений, сообщений, данных), находящихся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов[1]) на различные расстояния.

В условиях действенных процессов всеобщей информатизации прослеживается тенденция формирования криминальных угроз, проявляющаяся в увеличении количества преступлений, затрагивающих сферу обращения компьютерной информации.

Обзор литературы

Стремительное использование информационных технологий и различных технологических процессов во всех отраслях деятельности сопровождается, с одной стороны, возрастанием роли информационных активов и технологий, с другой – неизбежностью криминализации современных способов получения и использования информации. Актуальные аспекты противодействия неправомерному доступу к компьютерной информации рассматривались в научных трудах А.А. Харламовой, И.В. Бессоновой, Е.В. Затуливетрова, М.В. Савельевой, А.В. Бачиевой и др.

Результаты исследования

Сформировавшееся единое мировое информационное пространство обуславливает становление информации наиболее значимым стратегическим ресурсом, создающим безграничные возможности для научно-технического прогресса, детерминируя развитие более совершенных способов информационной коммуникации. На фоне всеобщей тенденции развития и повсеместного внедрения информационных технологий прослеживается динамика роста неправомерного доступа к компьютерной информации (статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривается уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации [2, с. 163]).

Согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2022 году количество фактов неправомерного доступа к компьютерной информации составило 9308 ед., что на 45,6% больше аналогичного периода 2021 года (в 2021 г. – 6392 ед. (+55,7%), 2020 г. – 4105 ед. (+69,63%)¹.

Высокий уровень криминализации рассматриваемого вида деяний проявляется в электронной коммерции и сфере оказания услуг², обусловленный переходом на дистанционный режим осуществления деятельности с применением высокотехнологичных способов совершения безналичных расчетов и платежей. В результате вынужденного перехода на дистанционный формат увеличилось количество пользователей сети Интернет, не имеющих соответствующих знаний в области информационной безопасности, повысилась загруженность использования услуг провай-

¹ Состояние преступности в России // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/> (дата обращения: 14.04.2023).

² Объем утечек информации в РФ увеличился более чем в 2 раза. URL: <https://www.itsec.ru/news/obiom-utechek-informazii-v-rf-uvelechilsia-bolee-chem-v-2-raza> (дата обращения: 25.05.2023).

дерев связи, что способствовало росту уязвимости всей сети [3, с. 63] и прогрессивной динамике развития угроз в информационной сфере.

Значительный разрыв между информационным развитием и информационной безопасностью, низкая осведомленность пользователей информационных ресурсов и программно-аппаратных средств о цифровых возможностях совершения преступлений создают предпосылки для массового распространения информации ограниченного доступа и нарушения защиты цифровых данных пользователей. По данным российского экспертно-аналитического центра InfoWatch, в 2022 году в мире зарегистрировано 6856 ед. хищений информации ограниченного доступа, что почти в три с половиной раза больше, чем за аналогичный период прошлого года (в 2021 – 1920 ед.), из них в России – 710 ед., что на 47% больше за аналогичный период предыдущего года¹. Например, в первой половине 2022 года опубликованы сведения об утечках информации из российских компаний: авиакомпания «Победа», интернированного провайдера цифровых услуг «Ростелеком», мирового поставщика связи (телекоммуникационной компании) «ВымпелКом», информационно-развлекательного портала Ykt.ru, медиаплатформы «Мир тесен», социально-развлекательной сети Fotostrana.ru, сервисов «Яндекс.Еда», Delivery Club, информационно-развлекательного ресурса Pikabu, Московской школы управления «Сколково»².

На фоне повышения ценности информации, находящейся в ограниченном доступе, в условиях повсеместной цифровизации и снижения уровня ее защищённости количество хищений персональных данных в 2022 году составило 36% (в организациях) и 28% (у частных лиц), учетных данных у частных лиц – 41%, коммерческой информации – 17% (в организациях), государственной тайны – 1,4%, платежной информации – 4% (в организациях)³. Впервые среди лиц, осуществляющих хищение вышеуказанной информации, преобладают внешние нарушители (хакеры и неизвестные лица) по сравнению с аналогичными

периодом прошлого года, где основными нарушителями выступали сотрудники организаций⁴. Согласно исследованиям уровня обеспечения информационной защищенности организаций, входящих в государственную, промышленную и финансовую отрасли⁵, в большинстве случаев (в 74% протестированных организаций) скомпрометированы доменные учетные данные сотрудников от действий внешнего нарушителя и получен несанкционированный доступ к конфиденциальной информации (в 90% протестированных организаций). Одним из основных факторов, способствующих данному процессу, выступает освоение и применение программно-аппаратных комплексов, обладающих современными высокотехнологическими свойствами и структурой используемых информационных технологий и технических средств, которые позволяют выбирать специфический алгоритм противоправных действий для осуществления хищения информации.

Анализ статистических данных⁶ за период с 2020 по 2022 годы о количестве зарегистрированных преступлений за неправомерный доступ к компьютерной информации и лицам, привлеченных к уголовной ответственности за вышеуказанные общественно опасные деяния⁷, свидетельствует о латентности рассматриваемых преступлений и тенденции роста количества неправомерного доступа к компьютерной информации, приобретающих профессионально-усложненный характер и предполагающих обладание теоретическими знаниями и практическими умениями в сфере информационных технологий, а также навыками при осуществлении технических манипуляций с помощью информационных устройств. Особенность данной категории преступлений проявляется в механизме их совершения, обстановке и временном диапазоне реализации противоправных действий [4, с. 74].

В подавляющем большинстве случаев осуществление неправомерного доступа к компьютерной информации представляет собой двухзвенную и трехзвенную структуру, поскольку требуется тщательная подготовка к совершению

¹ Утечки информации ограниченного доступа в мире 2022 г. URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/utechki-informatsii-ogranichenogo-dostupa-v-mire-2022-g> (дата обращения: 30.05.2023).

² Исследование утечек информации ограниченного доступа в первой половине 2022. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/publication_file/issledovanie-utechek-informatsii-ogranichenogo-dostupa-v-i-polugodii-2022.pdf (30.07.2023).

³ Актуальные киберугрозы: итоги 2022 года. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022/> (дата обращения: 29.07.2023).

⁴ Там же.

⁵ Итоги пентестов – 2022. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/results-of-pentests-2021-2022/> (дата обращения: 29.07.2023).

⁶ Состояние преступности в России // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/> (дата обращения: 14.04.2023).

⁷ Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации за 2020 – 2022 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.09.2023).

преступления, изучению объекта посягательства и уровня его безопасности, разрабатывается специальное программное обеспечение для предотвращения неправомерного доступа и прилагается много усилий для сокрытия своей личности [5].

Стремительно развивающаяся архитектура виртуального пространства обуславливает трансформацию способов совершения рассматриваемых общественно опасных деяний, т.к. их содержание могут составлять самые разнообразные действия в зависимости от использования в своем арсенале технических решений и модифицированного программного обеспечения, преступных навыков и умений, интеллектуальности, направленные на возможность неправомерного доступа к информации [6].

По мнению специалистов, наиболее распространенными способами совершения неправомерного доступа к компьютерной информации являются: использование вредоносных программ, а также программ удаленного управления устройством, системной поломки и подборки пароля, посредством замаскированных интернет-страниц, внедрение определенных команд в программы набора [7, с. 329], программ для мобильных устройств, позволяющих перехватывать сетевой трафик, расшифровывать имена и пароли пользователей¹, нахождение слабых мест в системах защиты информации и файлов законного пользователя, использование услуг провайдера, не фиксирующего данные о своих пользователях [8], распространение программных средств анонимизации личности преступника, предоставление на безвозмездной основе профессиональных «хакерских» инструментов². В 26% случаев неправомерного доступа к компьютерной информации, совершенных с применением интернет-технологий, применялись дистанционные методы, основанные на использовании средств доступа к компьютерам либо охраняемой законами информации [9].

В связи с этим актуализируется необходимость оперативного и качественного реагирования государства и общества на возрастающее негативное влияние неправомерного доступа к компьютерной информации на состояние информационной сферы путем обеспечения раскрываемости рассматриваемого общественно опасного деяния и принятия комплекса мер по минимизации их криминализации.

Обсуждение и заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования представляется целесообразным

рассмотреть основные аспекты нивелирования неправомерного доступа к компьютерной информации:

прогнозирование направлений развития преступной активности криминальных элементов в информационной сфере на основе статистических данных и материалов уголовных дел. Реализация данного направления прослеживается в аналитической деятельности, заключающейся в сборе, накоплении, обобщении и комплексном анализе поступающей информации о происходящих социально-экономических, политических, межгосударственных и иных процессах, влияющих на криминогенную обстановку.

постепенная интеграция практического опыта сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие противоправному использованию информационно-коммуникационных технологий, и знаний специалистов ведущих IT-компаний в образовательный процесс с целью действенной подготовки квалифицированных специалистов, обладающих достаточными навыками и знаниями при организации раскрытия преступлений и способных осуществлять и участвовать в процессуальных действиях при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации;

разработка научно-обоснованных рекомендаций по организации и тактике проведения следственных действий, проведения качественного осмотра компьютерных и иных электронных устройств и безопасного извлечения необходимой информации, формирования доказательственной базы с последующим внедрением методики выявления и раскрытия неправомерного доступа к компьютерной информации, с учетом особенностей совершения рассматриваемого общественно опасного деяния;

активизация через средства массовой информации виктимологической профилактики институтов гражданского общества путем правового просвещения и проведения дополнительного обучения граждан и раскрытия методов неправомерного доступа к компьютерной информации.

реализация технических мер защиты информации путем модификации программного обеспечения на современных информационных системах и устройствах, выступающей ключевой задачей минимизации уязвимых мест в компьютерных системах и устройствах, которые направлены на воспрепятствование неправомерного доступа к компьютерной информации.

¹ Утечки информации ограниченного доступа в мире 2022 г.// <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-v-mire-2022-g> (дата обращения 28.06.2023).

² Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузьмин М.Д. Проблемы расследований преступлений, совершенных с использованием облачных хранилищ в сети Интернет // Полицейская деятельность. 2020. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32413 (дата обращения: 11.05.2023).
2. Харламова А.А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 162 – 167.
3. Бессонова И.В., Авинов М.С. Влияние пандемии COVID-19 на преступления в сфере компьютерной информации // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2022. № 2 (52). С. 62 – 65.
4. Затуливетров Е.В. Неправомерный доступ к компьютерной информации // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции, Курск, 3 июня 2022 года. Том 4. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 72 – 75.
5. Канубриков В.А., Османов М.М. Способ совершения преступления как составообразующий признак преступлений в сфере компьютерной информации // Образование и право. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposob-soversheniya-prestupleniya-kak-sostavoobrazuyuschiy-priznak-prestupleniy-v-sfere-kompyuternoy-informatsii> (дата обращения: 30.07.2023).
6. Савельева М.В. Неправомерный доступ к компьютерной информации: проблемы квалификации // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 10-1 (56). С. 62 – 65.
7. Савельева А. А. О способах совершения неправомерного доступа к компьютерной информации // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 328 – 329.
8. Кононуха И.Д. Способы совершения неправомерного доступа к компьютерной информации // Международная научно-практическая конференция «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений»: сборник материалов, Воронеж, 23 мая 2019 года. Том Часть 1. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 204 – 206.
9. Бачиева А.В., Светличный Е.Г. Способы совершения неправомерного доступа к компьютерной информации // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 мая 2018 года. Том 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. С. 268 – 271.

REFERENCES

1. Kuz'min M.D. Problemy rassledovaniy prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem oblachnyh hranilishch v seti Internet // Policejskaya deyatel'nost'. 2020. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32413 (data obrashcheniya: 11.05.2023).
2. Harlamova A.A. Nepravomernyj dostup k komp'yuternoj informacii: tolkovanie priznakov i nekotorye problemy kvalifikacii // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2. S. 162 – 167.
3. Bessonova I.V., Avinov M.S. Vliyanie pandemii COVID-19 na prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2022. № 2 (52). S. 62 – 65.
4. Zatulivetrov E.V. Nepravomernyj dostup k komp'yuternoj informacii // Za nami budushchee: vzglyad molodyh uchenyh na innovacionnoe razvitie obshchestva: sbornik nauchnyh statej 3-j Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj konferencii, Kursk, 3 iyunya 2022 goda. Tom 4. Kursk: YUgo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 72 – 75.
5. Kanubrikov V.A., Osmanov M.M. Sposob soversheniya prestupleniya kak sostavoobrazuyushchij priznak prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // Obrazovanie i pravo. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposob-soversheniya-prestupleniya-kak-sostavoobrazuyuschiy-priznak-prestupleniy-v-sfere-kompyuternoy-informatsii> (data obrashcheniya: 30.07.2023).
6. Savel'eva M.V. Nepravomernyj dostup k komp'yuternoj informacii: problemy kvalifikacii // Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie. 2019. № 10-1 (56). S. 62 – 65.
7. Savel'eva A. A. O sposobah soversheniya nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // Molodoj uchenyj. 2020. № 48 (338). S. 328 – 329.

8. Kononuha I.D. Sposoby soversheniya nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij»: sbornik materialov, Voronezh, 23 maya 2019 goda. Tom CHast' 1. Voronezh: Voronezhskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2019. S. 204 – 206.
9. Bachieva A.V., Svetlichnyj E.G. Sposoby soversheniya nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // Aktual'nye problemy juridicheskoy nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya-2018: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Gatchina, 25 maya 2018 goda. Tom 1. Gatchina: Gosudarstvennyj institut ekonomiki, finansov, prava i tekhnologij, 2018. S. 268 – 271.

Информация об авторе:

Назмеева Лейсан Рафиковна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, nazmeevalr@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Nazmeeva Leysan R., senior lecturer of the department of economics, financial law and information technologies in the activities of internal affairs bodies of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, candidate of economic sciences, nazmeevalr@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 08.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.66.70.018

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СВЯЗАННЫХ С ПУБЛИЧНЫМ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Алексей Владимирович Петрянин¹, Илья Михайлович Пшеничнов²,
^{1,2} Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
Нижний Новгород, Россия,
¹ petryanin@mail.ru, ² pshenichnov.im@skspba.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена информатизации преступлений экстремистской направленности, значительная часть которых перешла в киберпространство. Особенно остро это отразилось на стабильности гражданского правопорядка и правосознания из-за развития способов дистанционной реализации радикальных преступных целей, что закономерно повлекло новый этап криминализации. В научном сообществе продолжают дискуссии о целесообразности и допустимости отдельных ее направлений, в том числе связанных с публичным распространением заведомо ложной информации определенного характера. С учетом этого особую актуальность в современном мире демонстрируют теоретико-прикладные исследования, посвященные конкретным проявлениям подобной криминальной активности.

Материалы и методы: диалектический метод познания объективной действительности выступил в качестве базового фундамента настоящего исследования. В то же время статья также основана и на общенаучных методах, в том числе анализе и дедукции, выраженных в разделении общих понятий и их признаков, закономерностей и противоречий общественной опасности соответствующих преступлений на их составляющие для последующего изучения. Кроме того, при подготовке статьи применялись частнонаучные методы, в том числе догматический, необходимый для толкования законодательства и обнаружения внутренних и внешних логических проблем.

Результаты исследования: на основании проведенного исследования и сформулированных тезисов выделены отличительные признаки и характерные особенности, определяющие сущность и содержание общественной опасности преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации.

Обсуждение и заключение: предлагается научное обоснование общественной опасности преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации, уголовная ответственность за совершение которых в действительности не ограничивает свободу слова и информационное пространство, а лишь обеспечивает им безопасные условия существования.

Ключевые слова: экстремистская деятельности; преступление; общественная опасность; криминализация; ложная информация; публичность; уголовная ответственность

© Петрянин А.В., Пшеничнов И.М., 2023

Для цитирования: Петрянин А.В., Пшеничнов И.М. Об общественной опасности преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 138 – 145. DOI: 10.37973/KUI.2023.66.70.018

Scientific article

UDC 343.3/.7

DOI: 10.37973/KUI.2023.66.70.018

PUBLIC DANGER OF EXTREMIST CRIMES CONNECTED WITH PUBLIC DISTRIBUTION OF MISLEADING INFORMATION

Alexey Vladimirovich Petryanin¹, Ilya Mikhailovich Pshenichnov²,

^{1,2} The Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee,
Nizhny Novgorod, Russia,

¹ petryanin@mail.ru, ² pshenichnov.im@skspba.ru

Abstract

Introduction: the article is on informatization of extremist crimes much of which transferred to cyberspace. Distant radical criminal acts have a sharp impact on stability in civil order and legal consciousness which created a new stage of criminalization. Academic society continues discuss the desirability and permissibility of certain parts of criminalization including related to public distribution of misleading specific information. Taking this into account, theoretical and applied research on specific manifestations of such criminal activity becomes particularly relevant.

Materials and Methods: the basis for the study was the dialectical method of cognition of objective reality. Meanwhile the article is also based on general methods including analysis and deduction due to separation of general concepts and their signs, regularities and contradictions of the public danger of the respective offences into their components for further study. Besides the author used specific methods among which was dogmatic one, necessary for interpreting legislation and detecting internal and external logical problems.

Results: the author distinguished features defining the essence and the contents of public danger of extremist crimes connected with public distribution of misleading information.

Discussion and Conclusions: the author suggests scientific ground for public danger of extremist crimes connected with public distribution of misleading information, criminal liability for the commission does not in fact have the effect of restricting freedom of speech and information space, but only provides them with safe conditions of existence.

Keywords: extremist activity; crime; public danger; criminalization; false information; publicity; criminal liability

© Petryanin A.V., Pshenichnov I.M., 2023

For citation: Petryanin A.V., Pshenichnov I.M. Public Danger of Extremist Crimes Connected With Public Distribution of Misleading Information. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):138 – 145. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.66.70.018

Введение

Получение и передача информации выступают базовыми составляющими основополагающих прав человека и гражданина любой страны, что прежде всего определяется их естественной природой происхождения, которая нашла свое

отражение во многих нормах международного и национального законодательства, в том числе в ч. 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах¹, ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации², а также в ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ

¹ О гражданских и политических правах: международный пакт от 16.12.1966 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Москва, 1978. Вып. XXXII. С. 44.

² Конституция Российской Федерации: принята 12.12.1993 всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹. С учетом этого как на национальном, так и на международном поле ведется значительное количество дискуссий о целесообразности и допустимости любого рода ограничений, в особенности уголовно-правового характера, связанных с реализацией правомочий, обусловленных свободой слова и его оборотом в информационном пространстве. Более того, на этот вопрос, в том числе необходимость сохранения баланса между обусловленностью применения в рассматриваемой сфере средств уголовно-правового характера и их репрессивностью, неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в рамках собственных юридических предписаний, согласно которым УК РФ в силу своей природы является исключительно крайним средством государственного реагирования на те или иные проявления делинквентного поведения².

Вместе с тем следует понимать, что на текущей стадии развития общественных отношений, когда глобализация достигла практически всех сфер жизни и взаимодействие между людьми больше не строится на территориальном принципе и даже не зависит от языкового барьера, одной из наиболее актуальных проблем современности стала уязвимость массового социального восприятия и правосознания перед информационной пропагандой и манипуляцией, вызванной как неосторожными публичными высказываниями, так и умышленным применением средств и методов социальной психологии в преступных целях. Так, например, соответствующая новость или ее интерпретация, отраженная в текстовом формате, видео- либо аудиозаписи, обладают достаточным деструктивным потенциалом, для того чтобы непосредственно дестабилизировать функционирование отдельных органов государственной власти и/или институтов гражданского общества, детерминировать нежелательный резонанс либо эскалацию внутренних конфликтов и противоречий, вызвать страх и панику, а также неприязнь или ненависть к определенным группам людей (включая этнические или религиозные общности), конкретным представителям правопорядка, решениям и событиям, а также деятельности общественных или государственных организаций.

Обзор литературы

В условиях современных социально-правовых реалий масштаб дискуссии, сформировавшейся в гуманитарной доктрине, а также на уровне обывательского правосознания по вопросам общественной опасности и иных криминообазующих признаков преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением соответствующей заведомо ложной информации, приобретает все большее значение. В частности, появляются исследователи, предпринимающие попытки выявить причины правоприменительных проблем в плоскости толкования отдельных элементов указанного криминального поведения в рамках диссертационных изысканий. Существенное влияние на становление научного знания по данному направлению в последние годы оказали труды З.М. Бешуковой, В.А. Елецца, А.В. Петрянина, В.В. Семенова, А.И. Трахова, В.М. Шеншина. Более того, именно криминализация деяний является ведущим направлением уголовной политики, и в доктрине уголовного права этому вопросу традиционно уделяется особое внимание [1, с. 226; 2, с. 27 – 29; 3, с. 167; 4, с. 58; 5, с. 108].

Материалы и методы

Не умаляя значимость достаточно распространенной в отечественной уголовно-правовой доктрине структуры юридического анализа составов преступлений от объективных признаков к субъективным, через призму которых осуществляется анализ криминообразующих элементов соответствующих деяний экстремистской направленности, в текущем исследовании полагаем целесообразным отталкиваться от дедуктивной методологии. Наиболее подходящим социально-правовым подспорьем для этого обладают нормы, закрепленные в статьях 207¹ – 207³ УК РФ, поскольку при их технико-юридическом конструировании были консолидированы ключевые признаки, определяющие общественную опасность экстремистской деятельности, что в настоящее время в отдельных социальных кругах неверно интерпретируется как ограничение свободы слова.

Таким образом, адаптируя традиционную для специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки последовательность осуществления юридического анализа под дедуктивный метод, формули-

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.07.2003 № 270-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 5.

руем следующий алгоритм раскрытия научного обоснования криминализации соответствующих общественно опасных деяний: определить уголовно-правовое значение заведомо ложной информации и последствий ее распространения в публичном пространстве; рассмотреть особенности правовой оценки указанного девиантного поведения с точки зрения отечественного и зарубежного законодательства, а также правоприменительной практики; раскрыть условия и основания его криминализации через призму общественной опасности.

Результаты исследования

Приоритетным признаком, отличающим преступление от иного правонарушения, является критерий общественной опасности, проявляющийся в причинении вреда или угрозе его причинения охраняемым уголовным законом общественным отношениям, при этом уровень такой опасности должен свидетельствовать о необходимости применения средств, имеющихся именно в уголовном законе [6, с. 205]. С учетом этого следует обратить внимание на то, что усугубление деструктивного воздействия распространения заведомо ложной социально значимой информации и фактическое формирование признака общественной опасности у данного рода деяний в значительной мере обусловлены тем, что с развитием информационно-телекоммуникационных технологий стало гораздо проще и быстрее распространять недостоверные сведения, обеспечивающие деформацию общественного правосознания, прогрессирование социального инфантилизма и нигилизма, рост недоверия к государственной власти и ее основным институтам, ущерб репутации и деловой активности тех или иных субъектов. Так, например, только по итогам 2021–2022 годов аудиторные показатели отечественного сегмента сетевой телекоммуникации превысили более чем 97,5 миллионов пользователей, что фактически превышает 80% населения Российской Федерации [7, с. 94]. С учетом этого вполне справедливое замечание сделано А.В. Петряниным и Д.А. Негановым, согласно которому негативные последствия от такого рода преступного поведения велики и не только включают материальный вред, но и наносят непосредственный вред интересам личности, общества и государства, что подтверждается непрекращающимся процессом насыщения всех разделов и глав

УК РФ признаком использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, как конструктивным или отягчающим [8, с. 100]. При этом в отдельных случаях криминальные формирования даже способны «разжечь» весьма радикальные, в том числе экстремистские, настроения в обществе, когда приходится вести речь о наличии прямой угрозы для жизни и безопасности конкретного человека или неограниченного круга лиц¹.

С учетом этого вполне закономерно, что в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229, закреплено, что «*в современном мире происходит осложнение ситуации с транснациональными вызовами и угрозами, такими как использование информационно-коммуникационных технологий в противоправных целях, тогда как электронные сети, в том числе Интернет, становятся новыми сферами военных действий*»². К числу детерминант трансформации отечественной уголовной политики, как это отмечается в гуманитарной доктрине, безусловно относится недружественное отношение со стороны зарубежных партнеров [9, с. 335]. Вместе с тем данный факт лишь усугубляет то, что общественная опасность распространения заведомо ложной информации существенно возрастает благодаря процессам глобализации и технологизации, способным придать данной криминальной активности транснациональный характер, высокий уровень гибкости (адаптации) и оперативности своих проявлений, а также латентности, что в совокупности затрудняет их количественное измерение, научный анализ, прогнозирование, предупреждение и противодействие в целом.

Очередным аргументом в подтверждение преступного характера данного девиантного поведения выступает зарубежный законодательный опыт, демонстрирующий наличие соответствующей уголовной ответственности. Так, например, в Республике Сингапур с 2019 года функционирует Закон о защите от лжи и манипуляций в Интернете, направленный на:

- *предотвращение распространения ложных утверждений о фактах и принятие мер по противодействию последствиям такого сообщения;*
- *пресечение финансирования, продвижения и поддержки информационных источников, кото-*

¹ Копорухин М. Следователи возбудили дело после массовых беспорядков в аэропорту Махачкалы // Российская газета. 2023. 29 октября. URL: <https://rg.ru/2023/10/29/sledovатели-vozbudili-delo-po-besporiadkam-v-aeroportu-mahachkaly.html?ysclid=lozz53h7gh503106541> (дата обращения 15 ноября 2023 года).

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

рые постоянно транслируют недостоверные сведения;

– обеспечение возможности принятия мер по выявлению, контролю и защите от скоординированного неаутентичного поведения и другого неправомерного использования онлайн-аккаунтов и ботов;

– принятие мер по расширению противодействия информации, направленной на достижение политических и антисоциальных целей.

Часть 2 представленного зарубежного законодательного акта предусматривает уголовную ответственность за передачу ложных сведений о событиях в Сингапуре. В соответствии с разделом 7 наказание в виде штрафа и/или тюремного заключения предусмотрено, если ложное заявление наносит ущерб «безопасности государства», «общественному здравоохранению, общественной безопасности, общественному спокойствию или государственным финансам», дружественным международным отношениям, влияет на исход парламентских и президентских выборов или референдумов, создает напряженность между различными группами людей или снижает доверие общества к государственной службе или общему управлению государством¹.

Таким образом, резюмируя наличие признака общественной опасности в действиях по публичному распространению соответствующей заведомо ложной информации, следует раскрыть ее степень и характер через призму целой совокупности взаимосвязанных факторов.

Во-первых, такая криминальная активность нарушает право граждан на информацию, а также принципы свободы слова и публичного доступа к сведениям социального предназначения.

Во-вторых, она выступает детерминантой и катализатором серьезных негативных последствий, включая панику, вражду и насилие.

В-третьих, публичное распространение заведомо ложной информации подрывает доверие к средствам массовой информации, а также иным институтам гражданского общества и государственной власти, что способно привести к дезо-

риентации населения, утрате внутренней стабильности и порядка.

На основании изложенного весьма обоснованным и закономерным решением выступило внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, произошедших 1 апреля 2020 года, в рамках чего криминализованы «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» (207¹ УК РФ) и «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» (207² УК РФ)², а также 4 марта 2022 года, когда уголовно-наказуемым стало «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» (207² УК РФ)³. Наряду с этим, другим федеральным законом были дополнены статьи 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях частями 10.1 и 10.2, которые регулируют ответственность юридических лиц за административные правонарушения, идентичные вышеупомянутым преступлениям⁴. Этот шаг был предпринят с целью защиты общественного порядка и общественной безопасности, поскольку распространение недостоверной информации стало неотъемлемой чертой большинства резонансных событий не только в нашей стране, но и во всем мире.

В то же время следует обратить внимание, что, согласно части 3 статьи 2.1 КоАП РФ, привлечение физического лица к уголовной ответственности не освобождает соответствующее юридическое лицо от административной ответственности. То есть физическое лицо будет преследоваться согласно обозначенным выше предписаниям УК РФ⁵, в то время как юридическое лицо, причастное к аналогичной противоправной деятель-

¹ Protection from Online Falsehoods and Manipulation Act: came into effect on 2 October 2019 // Government of Singapore. URL: <https://www.parliament.gov.sg/docs/default-source/default-document-library/protection-from-online-falsehoods-and-manipulation-bill10-2019.pdf> (дата обращения 15 ноября 2023 года).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2030.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1389.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 20.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 24.05.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ности, будет рассматриваться сквозь призму полномочий, предоставляемых КоАП РФ.

Нельзя не отметить, что одним из катализаторов криминализации рассматриваемого девиантного поведения выступили быстро распространяющиеся в 2019–2020 гг. ложные новости в сети Интернет о ситуации с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 и принимаемых мерах для минимизации масштабов данной пандемии. В частности, прокуратура Краснодарского края оценила как недостоверную общественно значимую информацию, создающую угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности, содержащуюся в размещенном на видеохостинге YouTube видеоролике, в котором демонстрировалось использование электросварки для блокирования двери в подъезд многоквартирного жилого дома, при этом из содержания было понятно, что данные меры приняты в связи с обнаружением у одного из жителей коронавирусной инфекции¹. Еще одним примером выступает интервью с политологом В. Соловьев, опубликованное 16 марта 2020 года на сайте СМИ «Эхо Москвы». Со ссылкой на анонимные источники он сообщил, что в Российской Федерации имеется порядка 1600 подтвержденных случаев смерти людей от COVID-19 с середины января 2020 года, а количество инфицированных оценивается в 130 – 180 тысяч², тогда как, согласно информации, размещенной на официальном сайте Роспотребнадзора, по состоянию на 18 марта 2020 года в стране проведено более 122 тысяч исследований на коронавирус, зарегистрировано 147 случаев заболеваний, выписано после выздоровления 5 человек³.

Активное распространение в общедоступном информационном пространстве подобных заведомо недостоверных сведений вызвало незамедлительную реакцию со стороны правоохранительных органов, указавших на необходимость ограничения доступа к ресурсам⁴, способству-

ющим эскалации социальной напряженности и паники среди гражданского населения, что в совокупности сформировало необходимые предпосылки и юридические основания для криминализации публичного распространения соответствующей заведомо ложной информации.

Вместе с тем подобные свидетельства об общественно опасном характере публичного распространения заведомо ложной информации прослеживались и до наступления обозначенной пандемии. В числе таковых очередным подтверждением этому тезису выступил пожар в торговом-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» в городе Кемерово, произошедший 25 марта 2018 года. Недостоверные сведения о количестве погибших были широко распространены в информационно-телекоммуникационных сетях, что детерминировало волну недовольства и спровоцировало массовый митинг возле областной администрации⁵.

Обсуждение и заключение

Таким образом, установление уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации стало необходимым шагом в борьбе с дезинформацией и обеспечением информационной безопасности в нашем обществе. Это решение направлено на реализацию государственных гарантий защиты таких объектов уголовно-правовой охраны, как информационная и физическая безопасность личности, здоровье населения, общественный порядок, а также стабильность функционирования отдельных институтов гражданского общества, сфер управления и систем жизнеобеспечения.

На основании изложенного вполне закономерно возникает вопрос не столько об общественной опасности и необходимости криминализации соответствующих преступлений экстремистской направленности, сколько об их месте в иерархии объектов уголовно-правовой охраны. Традиционно общественная безопасность в структуре УК РФ стала универсальным

¹ ГолОсИстИны_AzRusNews! В Краснодаре заваривают двери подъезда, в котором обнаружили заразившихся // Видеохостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D4gyflwi3oE&ysclid=lozp4cg16a275262271> (дата обращения: 15.11.2023).

² Особое мнение. Интервью политолога, доктора исторических наук Валерия Соловья // Эхо Москвы, 2020. 16 марта. URL: <https://web.archive.org/web/20200321100459/https://echo.msk.ru/programs/personalno/2606156-echo/> (дата обращения: 15.11.2023).

³ Егоров И. Генпрокуратура потребовала ограничить доступ к фейкам о коронавирусе // Российская газета. 2020. 20 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/20/genprokuratura-potrebovala-ogranichit-dostup-k-fejkam-o-koronaviruse.html?ysclid=lozph45n27948155496> (дата обращения: 15.11.2023).

⁴ Генеральная прокуратура Российской Федерации потребовала ограничить доступ к информационным ресурсам, где размещены недостоверные сведения о ситуации с коронавирусной инфекцией // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации в сети Интернет. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=82903638> (дата обращения: 15.11.2023).

⁵ Латухина К. Песков считает неудачными слова Тулеева об участниках митинга в Кемерово // Российская газета. 2018. 29 марта. URL: <https://rg.ru/2018/03/29/peskov-schitaet-neudachnymi-slova-tuleeva-ob-uchastnikah-mitinga-v-kemerovo.html?ysclid=lp03re9crq359155046> (дата обращения: 15.11.2023).

звеном, позволяющим включить в себя чуть ли не все общественно опасные деяния, содержащиеся в обозначенном нормативном правовом акте. Вопрос будет лишь в том, через призму какого объекта (основного, дополнительного или факультативного) получится ее проследить. Тем не менее исследование преступной сущности и социально-правовых предпосылок криминализации исследуемого девиантного поведения выступает достаточной методологической основой для вывода, что непосредственное посягательство и

угроза, исходящая от подобной криминальной активности, в первую очередь затрагивают именно общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности государства, в частности касающиеся стабильной и упорядоченной работы его структурных механизмов – органам власти причиняется вред, выражающийся в дестабилизации их деятельности через причинение вреда тем или иным элементам, определяющим их нормальное функционирование [10, с. 124].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.
2. Кенни К. Основы уголовного права / К. Кенни; пер. с англ. канд. юридических наук В.И. Каминской; под ред. и с вступительной ст. канд. юридических наук Б.С. Никифорова. Москва: Изд-во иностр. лит., 1949 (20-я тип. Союзполиграфпрома). LVII. 599 с.
3. Курлянский В.С., Карпушин М.П. Уголовная ответственность и состав преступления Москва: Юрид. лит., 1974. 232 с.
4. Основные направления борьбы с преступностью: сборник статей / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; под ред. проф. И.М. Гальперина и проф. В.И. Курляндского. Москва: Юрид. лит., 1975. С. 47 – 76.
5. Лопашенко Н.А. Уголовная политика Москва: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
6. Степанов М.В., Петрянин А.В. Социально-правовая обусловленность криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием цифровых финансовых активов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 2. С. 203 – 212. DOI: 10.37973/KUI.2020.54.49.010
7. Гуцев М.Е., Летёлкин Н.В. О необходимости криминализации использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) при совершении преступления, предусмотренного статьей 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3 (53). С. 92 – 98. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.65.38.010>
8. Петрянин А.В., Неганов Д.А. Современное состояние и потенциал уголовного законодательства в области противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 98 – 104. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.72.81.014>
9. Куликов Р.С., Петрянин А.В. Контрабанда как форма внешнеэкономической преступной деятельности: новые направления уголовной политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 3. С. 334 – 338. DOI: 10.24420/KUI.2019.51.45.012
10. Пшеничнов И.М. Акт международного терроризма: концептуальные проблемы противодействия // Альманах молодых ученых. 2020. Вып 1. С. 116 – 125.

REFERENCES

1. Bekkariya CH. O prestupleniyah i nakazaniyah. Moskva: YUrid. izd-vo NKYU SSSR, 1939. 464 s.
2. Kenni K. Osnovy ugolovnoogo prava / K. Kenni; per. s angl. kand. yuridicheskikh nauk V.I. Kaminskoj; pod red. i s vstupitel'noj st. kand. yuridicheskikh nauk B.S. Nikiforova. Moskva: Izd-vo inostr. lit., 1949 (20-ya tip. Soyuzpoligrafproma). LVII. 599 s.
3. Kurl'yanskij V.S., Karpushin M.P. Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya Moskva: YUrid. lit., 1974. 232 s.
4. Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu: sbornik statej / Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti; pod red. prof. I.M. Gal'perina i prof. V.I. Kurlyandskogo. Moskva: YUrid. lit., 1975. S. 47 – 76.
5. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika Moskva: Volters Kluver, 2009. 579 s.
6. Stepanov M.V., Petryanin A.V. Social'no-pravovaya obuslovlennost' kriminalizacii protivopravnoj deyatel'nosti, sopryazhennoj s ispol'zovaniem cifrovyyh finansovyh aktivov // Vestnik Kazanskogo

- yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11. № 2. S. 203 – 212. DOI: 10.37973/KUI.2020.54.49.010
7. Gushchev M.E., Letyolkin N.V. O neobходимosti kriminalizacii ispol'zovaniya informacionno-telekommunikacionnyh setej (vklyuchaya set' Internet) pri sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 1271 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 3 (53). S. 92 – 98. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.65.38.010>
8. Petryanin A.V., Neganov D.A. Sovremennoe sostoyanie i potencial ugolovnogo zakonodatel'stva v oblasti protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej, v tom chisle seti Internet // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 2 (52). S. 98 – 104. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.72.81.014>
9. Kulikov R.S., Petryanin A.V. Kontrabanda kak forma vneshneekonomicheskoy prestupnoj deyatel'nosti: novye napravleniya ugolovnoj politiki // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. T. 10. № 3. S. 334 – 338. DOI: 10.24420/KUI.2019.51.45.012
10. Pshenichnov I.M. Akt mezhdunarodnogo terrorizma: konceptual'nye problemy protivodejstviya // Al'manah" molodyh uchenyh. 2020. Vyp 1. S. 116 – 125.

Информация об авторах:

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, petryanin@mail.ru

Пшеничнов Илья Михайлович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, pshenichnov.im@skspba.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Petryanin Aleksey V., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Director of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, petryanin@mail.ru

Pshenichnov Ilya M., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, pshenichnov.im@skspba.ru.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Петрянин Алексей Владимирович – инициатор темы исследования, постановка проблемы, определение объекта и методов исследования, разработка обзора литературы, уточнение выводов и рекомендаций.

Пшеничнов Илья Михайлович – анализ доктринально-прикладных данных, подготовка введения и результатов исследования, формирование заключения.

Статья получена: 20.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.98.39.019

АДВОКАТ КАК СУБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Кирилл Игоревич Петухов,
Московская коллегия адвокатов
«Муркштис, Калининко и партнеры», Москва, Россия,
kiruyy@icloud.com

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются проблемы профессиональной деятельности адвоката в части реализации функций субъекта информационного противодействия преступности. В условиях информационного общества и стремительного развития информационных технологий роль адвоката как неспециализированного субъекта противодействия преступности возрастает, а его профессиональная деятельность содержит существенный потенциал информационного противодействия преступности. Рассмотрены различные аспекты процессуальной и непроцессуальной деятельности адвоката, позволяющие осуществлять информационное противодействие преступности на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод познания, предполагающий изучение процесса деятельности адвоката по противодействию преступности во всей полноте взаимосвязей общественных отношений, а также системный подход, позволяющий исследовать деятельность адвоката в системе субъектов противодействия преступности. Системный подход позволил исследовать деятельность адвоката в системе субъектов противодействия преступности. Использование совокупности общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, структурный метод и др.) и частнонаучных (логический, формально-юридический, статистический и др.) методов познания позволили исследовать профессиональную деятельность адвоката в контексте статичности и динамики общественных отношений в сфере противодействия преступности. Эмпирической базой исследования послужили результаты контент-анализа материалов, отражающих состояние преступности в стране, а также деятельность адвокатуры как института гражданского общества.

Результаты исследования: потенциал информационного противодействия преступности непосредственно зависит от наличия у адвоката соответствующих информационных ресурсов, возможность сбора необходимой информации обеспечивается правовым статусом и предусмотренными законодательством полномочиями адвоката; деятельность адвоката как субъекта противодействия преступности охватывает информационное воздействие на криминогенные процессы и явления, ее порождающие, включая факторы детерминации отдельных видов преступности, причины и условия и иные факторы совершения конкретных преступлений и формирования личности преступника.

Обсуждение и заключение: реализация адвокатом функции предупреждения преступности осуществляется посредством информационного воздействия на факторы детерминации преступности, личность преступника, жертву преступления, а также иных участников процесса; информационное противодействие преступности на индивидуальном уровне осуществляется адвокатом преимущественно в такой форме профессиональной деятельности, как устное консультирование, а на общесоциальном уровне в форме непроцессуальной деятельности.

Ключевые слова: адвокат; адвокатская деятельность; противодействие; преступность; информация; информационные технологии

© Петухов К.И., 2023

Для цитирования: Петухов К.И. Адвокат как субъект информационного противодействия преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 146 – 152. DOI: 10.37973/KUI.2023.98.39.019

Scientific article
UDC 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.98.39.019

LAWYER AS A SUBJECT OF INFORMATION COUNTERACTION TO CRIME

Kirill Igorevich Petuhov,
Moscow Bar Association "Murkshtis, Kalinenko & Partners", Moscow, Russia,
kiryyy@icloud.com

Abstract

Introduction: the author covers challenges in the professional activities of a lawyer in implementing the function of the subject of information counteraction to crime. Within information society and rapid development of information technology the role of a lawyer as non-specialised actor countering crime is constantly growing, and their professional activities contain the considerable potential of information-based responses to crime. The author considers various aspects of procedural and non-procedural activities of a lawyer, which allow carrying out information counteraction to crime at the general social, special-criminological and individual levels.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was the universal dialectical method of cognition which implies the study of the process of the lawyer's activity to counteract crime in the entirety of the interrelations of social relations, as well as the systemic approach which allows studying the lawyer's activity in the system of subjects of counteraction to crime. The system approach allowed studying the activity of the lawyer in the system of subjects of counteraction to crime. The use of a set of general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction, structural method, etc.) and specific scientific (logical, legal, statistical, etc.) methods of cognition allowed studying the professional activity of a lawyer in the context of statics and dynamics of social relations in counteraction to crime. The empirical basis of the study was the results of content analysis of materials reflecting the state of crime in the country, as well as the activities of the Bar as an institution of civil society.

Results: the possibilities of information counteraction to crime directly depend on the availability of appropriate information resources at the lawyer, the possibility of collecting the necessary information is provided by the legal status and powers of the lawyer provided for by law; the activity of a lawyer as a subject of combating crime covers the informational impact on criminogenic processes and phenomena that give rise to it, including the factors determining certain types of crime, the causes and conditions and other factors of committing specific crimes and shaping the personality of a particular criminal.

Discussion and Conclusions: the implementation of the function of crime prevention by a lawyer is realized through informational influence on the factors of crime determination, the identity of the offender, the victim of the crime, as well as other participants in the process; information counteraction to crime at the individual level is carried out by a lawyer mainly in such a form of professional activity as oral counseling, and at the general social level in the form of non-procedural activity.

Keywords: lawyer; advocacy; counteraction; crime; information; information technologies

© Petuhov K.I., 2023

For citation: Petuhov K.I. Lawyer as a Subject of Information Counteraction to Crime. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):146 – 152. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.98.39.019

Введение

Эффективное противодействие преступности возможно только при консолидации усилий всех специализированных и неспециализированных субъектов. Системный подход к исследованию и противодействию преступности [1, с. 54-55; 2, с. 125-128] определяет необходимость реализации комплекса различных по содержанию и направ-

ленности мер, в том числе мер информационного характера.

Преступность сегодня поразила все сферы функционирования общества. Не является исключением в данном плане и информационная сфера. Вхождение человечества в эпоху информационного общества и интенсивное развитие информационных технологий детерминировало, с одной

стороны, трансформации преступности, появление новых сфер, видов и способов преступной деятельности [3, с. 34 – 40; 4, с. 82 – 89], с другой – повлияло на развитие технологий противодействия преступности.

Роль адвоката как неспециализированного субъекта противодействия преступности заключается в том, что он, являясь представителем такого института гражданского общества, как адвокатура, оказывает на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию¹. Поскольку профессиональная деятельность адвоката связана преимущественно с вовлеченностью в информационные отношения, а информация играет ключевую роль в составе различных элементов ее обеспечения [5, с. 5, 11], данная деятельность содержит существенный потенциал информационного противодействия преступности.

Обзор литературы

Многочисленным аспектам профессиональной деятельности адвоката, в том числе вопросу о повышении ее эффективности, посвящены исследования: Б.Ф. Абушамина, Я.С. Авраха, Б.С. Антимонова, М.Ю. Барщевского, А.Д. Бойкова, Д.П. Ватмана, Л.Е. Владимирова, А.А. Власова, С.Н. Гаврилова, С.Л. Герзона, А.А. Ерошенко, Я.С. Киселева, А.Г. Кучерены, Е.Ю. Львовой, М.С. Мельниковского, А.Д. Прошлякова, Т.Л. Пуховой, Г.М. Резника, И.В. Решетниковой, К.И. Скловского, Д.Д. Штейнберга и др.

Вопросы информационного обеспечения адвокатской деятельности рассматривали в своих трудах К.А. Абульханова-Славская, О.С. Анисимов, Л.И. Анцыферова, А.А. Бодалев, В.А. Бодров, А.С. Гусева, А.А. Деркач, С.А. Дружилов, С.Г. Караханян, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, А.Н. Лисняк, А.К. Маркова, В.С. Мерлин, В.Б. Нарушак, К.К. Платонов, Ю.П. Поваренков, И.С. Пряжников, Л.А. Степнова и др.

Отдельные аспекты информационного обеспечения превентивной деятельности адвоката рассматривались в работах Ю.В. Хан.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания, предполагающий изучение процесса деятельности адвоката по противодействию преступности во всей полноте взаимосвязей общественных отношений, в том числе связей меж-

ду развитием информационного общества и информационных технологий, преступностью и антикриминальной деятельностью. В работе применяется системный подход, позволяющий исследовать деятельность адвоката в системе субъектов противодействия преступности. Методологическую базу исследования составила также совокупность общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, структурный метод и др.) и частнонаучных (логический, формально-юридический, статистический и др.) методов познания, которые позволили исследовать профессиональную деятельность адвоката в контексте статичности и динамики общественных отношений в сфере противодействия преступности. Эмпирической базой исследования послужили результаты контент-анализа материалов, отражающих состояние преступности в стране, а также деятельность адвокатуры как института гражданского общества.

Результаты исследования

Информационное противодействие преступности предусматривает любое использование информации, т.е. сведений о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления, в целях воздействия на факторы детерминации преступности и минимизации ее проявлений до социально приемлемого уровня.

Как отмечает С.Г. Караханян, «эффективность деятельности адвоката, выполняющего конституционную миссию, предусмотренную ст. 48 Конституции Российской Федерации, зависит от квалификации юриста, определяемой, в том числе, соответствующим уровнем его информационной оснащенности» [5, с. 4]. Для оказания квалифицированной профессиональной помощи адвокат должен иметь надлежащий уровень информированности (обладать обширными общенаучными, юридическими, специализированными, конкретно-фактическими сведениями), иметь доступ к различным информационным ресурсам, в том числе базам данных, государственным реестрам.

На значимость информационного обеспечения адвокатской деятельности указывает законодательная инициатива по дополнению Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре) главой «Комплексная информационная система адвокатуры России», определяющей состав и функциональные

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

возможности данной системы, пользователей и поставщиков информации, состав сведений, а также цели ее создания, среди которых: повышение профессионального уровня адвокатов, организация информационного обеспечения адвокатов, а также обеспечение всех предусмотренных законом видов информационного взаимодействия (обмена) адвоката с органами публичной власти, юридическими и физическими лицами¹.

В соответствии с действующим законодательством адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Оказывая юридическую помощь, адвокат дает консультации и справки как в устной, так и в письменной форме.

Указанная деятельность адвоката имеет ресурсное обеспечение, гарантированное государством. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 3 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре «в целях обеспечения доступности для населения юридической помощи и содействия адвокатской деятельности органы государственной власти обеспечивают гарантии независимости адвокатуры, осуществляют финансирование деятельности адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также при необходимости выделяют адвокатским образованиям служебные помещения и средства связи»². Это определяет потенциальную масштабность превентивной информационной деятельности адвоката.

Реализация информационного противодействия непосредственно зависит от наличия у адвоката соответствующих информационных ресурсов. Возможность сбора необходимой информации обеспечивается правовым статусом и предусмотренными законодательством полномочиями адвоката:

- собирать в установленном законом порядке сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций;
- опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся

к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь;

- собирать в порядке, установленном законодательством, предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами;
- привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи;
- совершать иные действия, не противоречащие законодательству³.

Поскольку личность преступника является носителем причин преступлений и играет ключевую роль в механизме совершения преступления [6, с. 12], меры информационного воздействия должны быть направлены на преступника. Целью такого воздействия должно быть формирование позитивных (антикриминогенных) качеств личности, как у лиц, уже совершивших преступление, так и потенциальных преступников, а также недопущение их преступного поведения.

Профессиональные доверительные отношения адвоката с клиентом при соблюдении принципа конфиденциальности как необходимой предпосылки и условия их договорных отношений позволяют получать в полном объеме информацию, необходимую для осуществления эффективного индивидуального предупреждения.

Стоит учитывать, что адвокат вправе «беспрпятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности»⁴. Это дает возможность осуществлять превентивное информационное воздействие на доверителя на всех стадиях процесса.

Информационное противодействие преступности на индивидуальном уровне осуществляется адвокатом преимущественно в такой форме профессиональной деятельности, как устное консультирование. Устное консультирование позволяет оперативно осуществлять правовое информирование доверителя, определять и согласовывать с ним оптимальную, соответствующую целям защиты и процессуальному статусу доверителя стратегию поведения, а также осуществлять информационное превентивное воздействие на него.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: проект федерального закона № 301952-8 // <http://ivo.garant.ru/#/document/76855182/paragraph/1:0> (дата обращения: 12.04.2023).

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

³ Там же.

⁴ Там же.

Имея возможность личного общения как с доверителем, так и иными участниками процесса, адвокат может удержать данных лиц от совершения различного рода преступлений, используя весь арсенал мер индивидуального воздействия (убеждение, оказание помощи, стимулирование, поощрение, принуждение), в частности посредством убеждения их в недопустимости противоправного поведения, информирования о мерах ответственности за такое поведение и неизбежности ее наступления и т.п.

Эффективность индивидуального превентивного информационного воздействия зависит от компетентности и добросовестности адвоката, что требует обладания соответствующими методиками поиска и анализа информации, а также коммуникационными компетенциями.

Информированность адвоката об обстоятельствах и материалах дела подразумевает его инициативность и активность по использованию разнообразных способов и эффективных алгоритмов поиска и извлечения из всех имеющихся материалов максимального объема информации, имеющей значение для дела, а также применение на всех этапах получения информации аналитического подхода с целью объективной оценки источника информации [5, с. 11].

Реализация адвокатом функции индивидуального предупреждения преступности осуществляется не только по отношению к преступнику, но и по отношению к жертве преступления (индивидуальное виктимологическое предупреждение).

Необходимость превентивного воздействия на жертву преступления обусловлена ее ролью в механизме совершения преступления. В тех преступлениях, механизм совершения которых отягощен наличием такого элемента, как жертва преступления [7], жертва должна рассматриваться не только во взаимосвязи и взаимодействии с преступником, но и как самостоятельный объект превентивного воздействия.

Превентивное информационное воздействие адвоката на жертву преступления позволяет осуществлять индивидуальное виктимологическое предупреждение, направленное на недопущение рецидива виктимизации, а также предупреждение проявлений преступного поведения со стороны жертвы, что способствует минимизации проявлений так называемого «феномена теневой юстиции».

Деятельность адвоката как субъекта противодействия преступности охватывает информационное воздействие на криминогенные процессы и явления, ее порождающие, включая факторы де-

терминации отдельных видов преступности, причины и условия и иные факторы совершения конкретных преступлений и формирования личности конкретного преступника.

При этом следует учитывать, что в зависимости от природы происхождения и сферы проявления факторы детерминации преступности могут иметь политический, идеологический, социальный, экономический, организационно-управленческий, правовой, психологический и иной характер. Характер явлений и процессов, порождающих преступность, определяет вид и направленность мер информационного противодействия.

Деятельность адвоката по информационному воздействию на детерминанты преступности может осуществляться в форме такой непроцессуальной профессиональной деятельности, как просветительская деятельность и повышение правовой грамотности населения, реализуемая в форме выступлений в средствах массовой информации, издании правовой и учебно-методической литературы, опубликовании научных трудов, в том числе обобщающих и пропагандирующих позитивный опыт адвокатской превентивной деятельности.

Оказывая квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам по защите их прав, свобод и интересов, а также обеспечению доступа к правосудию, адвокат способствует выявлению самого широкого спектра факторов детерминации преступности и информирует о них не только уполномоченные органы и профессиональное сообщество, но и широкую общественность, что является эффективным инструментом минимизации их криминогенного воздействия.

Информационное противодействие адвоката может выступать в качестве контрмеры относительно криминогенного информационного воздействия со стороны участников судопроизводства. Адвокат может успешно выявлять и разоблачать, предоставляя достоверную информацию, факты криминальной дезинформации, например, клеветы, заведомо ложного доноса и т.п. В свою очередь, опыт превентивной деятельности адвоката в данной сфере может существенно обогатить методики выявления и раскрытия преступлений указанного вида.

Обсуждение и заключение

Эффективность индивидуального превентивного информационного воздействия зависит от компетентности и добросовестности адвоката, что требует обладания соответствующими мето-

диками поиска и анализа информации, а также коммуникационными компетенциями. Имея возможность личного общения как с доверителем, так и иными участниками процесса, адвокат способен удержать данных лиц от совершения преступлений, используя весь арсенал мер индивидуального воздействия, в частности посредством убеждения их в недопустимости противоправного поведения, информирования о мерах ответственности за такое поведение и неизбежности ее наступления и т.п. Превентивное информационное воздействие адвоката на жертву преступления позволяет осуществлять индивидуальное виктимологическое предупреждение, направлен-

ное на недопущение рецидива виктимизации, а также предупреждение проявлений преступного поведения со стороны жертвы, что способствует минимизации проявлений «феномена теневой юстиции». Деятельность адвоката по информационному воздействию на детерминанты преступности может осуществляться в непроцессуальной форме: в результате повышения правовой грамотности населения, пропаганды позитивного опыта адвокатской превентивной работы. Информационное противодействие адвоката может выступать в качестве контрмеры относительно криминогенного информационного воздействия со стороны участников судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности: монография / под ред. С.Я. Лебедева. Москва, 2017. 287 с. EDN: ZVCYQL
2. Иванцов С.В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 125 – 128. EDN: THPPKX
3. Игнатов А.Н. Криминогенность техногенности // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 34 – 40. EDN: VBKCRG
4. Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11. С. 82 – 89. DOI: 10.23672/c1597-6466-0549-x. EDN: ASJQNV
5. Караханян С.Г. Формирование и совершенствование информационного компонента адвокатской деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11. Москва, 2012. 46 с. EDN: QHZTST
6. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. Москва, 2010. 368 с.
7. Игнатов А.Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 145 – 150. EDN: VKVKLV

REFERENCES

1. Ivancov S.V. Obespechenie organami vnutrennih del sistemnogo podhoda v izuchenii i preduprezhdenii organizovannoj prestupnosti: monografiya / pod red. S.YA. Lebedeva. Moskva, 2017. 287 s. EDN: ZVCYQL
2. Ivancov S.V. Teoreticheskie predposylki razvitiya sistemnogo podhoda v kriminologicheskikh issledovaniyah prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 11. S. 125 – 128. EDN: THPPKX
3. Ignatov A.N. Kriminogennost' tekhnogennosti // Obshchestvo i pravo. 2019. № 2 (68). S. 34 – 40. EDN: VBKCRG
4. Ignatov A.N. Informacionno-kognitivnye tekhnologii v arsenale sposobov soversheniya prestuplenij // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 11. S. 82 – 89. DOI: 10.23672/c1597-6466-0549-x. EDN: ASJQNV
5. Karahanyan S.G. Formirovanie i sovershenstvovanie informacionnogo komponenta advokatskoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.11. Moskva, 2012. 46 s. EDN: QHZTST
6. Antonyan YU.M., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie. Moskva, 2010. 368 s.
7. Ignatov A.N. Kriminologicheskoe issledovanie viktinologicheskoy sostavlyayushchej mekhanizma soversheniya nasil'stvennyh prestuplenij // Obshchestvo i pravo. 2015. № 4 (54). S. 145 – 150. EDN: VKVKLV

Информация об авторе:

Петухов Кирилл Игоревич, адвокат Московской коллегии адвокатов «Муркштис, Калининко и партнеры», kiryyu@icloud.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author::

Petuhov Kirill I., attorney-at-law, Moscow Bar Association "Murkshtis, Kalinenko & Partners", kiryyu@icloud.com

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 10.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

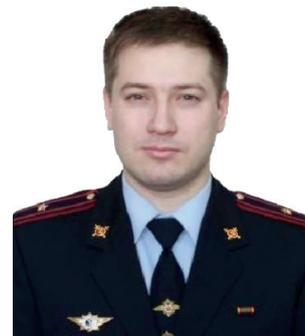
Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.14.15.020

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ**

Анатолий Геннадьевич Тряев,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
threat0@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются закономерности насильственной преступности несовершеннолетних в контексте изучения ее количественно-качественных показателей.

Материалы и методы: при подготовке статьи применялись диалектический (позволил определить предпосылки и сущность насильственной преступности несовершеннолетних), статистический (с помощью которого систематизированы количественно-качественные данные), сравнительно-правовой (посредством которого выявлена динамика развития насильственной преступности несовершеннолетних) и другие методы исследования правовых явлений. Эмпирической основой исследования послужили статистические данные ГИАЦ МВД России.

Результаты исследования: выявлены закономерности насильственной преступности несовершеннолетних.

Обсуждение и заключение: определены основные тенденции развития насильственной преступности несовершеннолетних в Российской Федерации.

Ключевые слова: насильственная преступность; несовершеннолетние; количественно-качественные характеристики; закономерности

© Тряев А.Г., 2023

Для цитирования: Тряев А.Г. Закономерности развития насильственной преступности несовершеннолетних в качественно-количественных проявлениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 153 – 160. DOI: 10.37973/KUI.2023.14.15.020

Scientific article
UDC 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.14.15.020

**REGULARITIES IN THE DEVELOPMENT OF JUVENILE VIOLENT CRIME
IN QUALITATIVE AND QUANTITATIVE TERMS**

Anatoly Gennad'evich Tryaev,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan, Russia, threat0@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article presents regularities in the development of juvenile violent crime in qualitative and quantitative terms.

Literature review: in the course of the study, the author analyzed different scientific points of view on the theme. This was the basis for defining its key concepts and directions for further scientific research.

Materials and Methods: the author used dialectics (identified the background and the essence of juvenile violent crime), statistics (organized qualitative and quantitative data), comparative and legal (identified juvenile violent crime developments) and other methods of studying legal phenomena.

Results: basing on the scientific analysis the author defined concepts of patterns, state, levels of crime, etc that contribute to mutual learning about juvenile violent crime as a result of a comparison of statistical data.

Discussion and Conclusions: based on individual indicators of violent crime of minors aged 14-17 years in the Russian Federation in 2017-2022, the trends in the development of this type of crime are determined.

Keywords: violent crime; juveniles; quantitative-qualitative characteristics; regularities

© Tryaev A.G., 2023

For citation: Tryaev A.G. Regularities in the Development of Juvenile Violent Crime in Qualitative and Quantitative Terms. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):153 – 160. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.14.15.020

Введение

Применение диалектического метода в контексте изучения основных детерминантов и механизмов развития насильственной преступности несовершеннолетних позволяет определить неразрывно взаимосвязанную последовательность преобразований рассматриваемого явления, где четко обозначены этапы его возникновения, становления. В большинстве случаев такие преобразования являются не случайными, а объективно обусловленным следствием как общих, так и частных закономерностей развития преступности, исследование которых является первоочередной задачей на пути к их предупреждению и профилактике.

Рассмотрим количественно-качественные характеристики насильственной преступности несовершеннолетних, позволяющие определить ее ключевые закономерности.

Как справедливо отмечает профессор Э.Г. Юзиханова, изучение отдельных и единичных количественных либо качественных показателей преступности малопродуктивно и не способствует выяснению ее основных причинно-следственных связей, поиск которых может осуществляться лишь в ходе сравнительно-сопоставительного анализа ее динамики [1]. Криминологически доказанным является минимальный временной период, охватывающий тот или иной объём количественно-качественных показателей преступности, который по общему правилу должен составлять не менее пяти лет. Затем уже на этой основе становится возможным определить и качественные характеристики насильственной преступности несовершеннолетних, а также выявить основные закономерности ее развития.

Обзор литературы

Проблема насильственной преступности несовершеннолетних довольно широко представлена в отечественной и зарубежной научной литературе, что свидетельствует о ее значимости и актуальности. Ряд исследований раскрывает социально-экономические, психологические правовые детерминанты насильственной преступности [2,

3, 4]. В других работах анализируется личность несовершеннолетнего преступника, раскрывается его психологический портрет, в котором доминируют асоциальные личностные качества: агрессивность, безнравственность, психические отклонения [5, 6]. Большинство исследователей в своих трудах отмечают важность изучения количественных и качественных характеристик насильственной преступности несовершеннолетних, которые должны находить свое отражение при анализе причинно-следственных связей, определяющих ее динамику. Именно поэтому недостаточно изученная взаимосвязь между изменениями количества, а также особенностей совершаемых несовершеннолетними преступлений и определяющими их факторами общественного развития может выступать методологически неверной предпосылкой для дальнейших исследований в данной области.

Материалы и методы

При написании статьи использовались официальные статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России, информация сети Интернет, затрагивающие различные аспекты исследуемой темы. Методологическая основа исследования представлена диалектическим, статистическим методами, методом юридической аналогии, технико-юридическим методом, методом психологического подхода и другими, применявшимися для исследования криминологической характеристики преступности несовершеннолетних и ее предупреждения. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты, регламентирующие уголовную ответственность за преступления, совершенные несовершеннолетними, а также научные труды по исследуемой проблеме.

Результаты исследования

В научных трудах профессора А.И. Долговой можно встретить предпосылки к определению закономерностей преступности, которая также соотносит их с явлениями детерминации, причинности, подверженности различным воздействиям [7]. Ю.А. Воронин считает, что законо-

мерности преступности – это ее качественные и количественные характеристики, проявляющиеся в ее детерминации [8]. В.П. Силкин полагает, что закономерности преступности – соответствующие ее сущностным характеристикам эпизодически проявляющиеся специфические черты, обусловленные как социально-экономическими, так и другими условиями, оказывающими влияние на количество и степень общественной значимости того или иного вида преступлений [9].

В научной литературе встречаются и другие определения данного термина, синтезировав которые, можно сформулировать следующее определение закономерностей преступности несовершеннолетних: причинная обусловленность совершения несовершеннолетними различных видов преступлений насильственного характера, проявляющаяся в ее динамике и отражающая особенности социального развития.

В современной научной литературе четко обозначился ряд методологических подходов, с различных позиций раскрывающих проблему определения и трактовки закономерностей в отношении насильственной преступности несовершеннолетних. Формально-юридический подход (Л.Г. Берлявский, И.А. Кузьмин, Е.С. Шматова и др.) рассматривает закономерности насильственной преступности «в чистом виде», абстрагируясь от всех других ее причин, не носящих четкого соотношения с правом. Социологический подход (К.Е. Игошев, О.В. Лобанова, Р.Д. Шарапов и др.) ориентируется на изучение количественно-качественных показателей при определении закономерностей преступности. Также при определении закономерностей преступности различают девиантологический, естественно-неконвенциональный, личностный и другие подходы, большая часть которых также связана с исследованием отдельных показателей совершенных преступлений насильственного характера.

Бесспорно, насильственная преступность несовершеннолетних, являясь частным случаем преступности как общественного явления, не может не обладать своими количественными и качественными характеристиками, учет и анализ которых составляет предмет уголовно-правовой статистики. Количественные характеристики этих преступлений составляют всю ограниченную теми или иными временными рамками совокупность статистически зафиксированных случаев совершения несовершеннолетними на конкретной территории преступлений насильственного характера. Дальнейший анализ количественных характеристик позволяет сделать выводы о дина-

мике насильственной преступности несовершеннолетних, ее уровне в сравнении с другими видами преступных действий и позволяет описать ее общее состояние.

В криминологической теории под состоянием преступности принято понимать количественные показатели, выражающиеся в абсолютных цифрах, которые отражают общее количество преступлений или их отдельных групп или видов и лиц, совершивших эти преступления, зарегистрированных за определенный период времени на конкретной территории [2].

Но, наряду с количественными показателями насильственной преступности, не меньшее значение имеют и ее качественные характеристики, определяющие структурные (по полу, возрасту и т.д.) отличия, степень общественной значимости, географические особенности, а также экономический ущерб и т.д.

Насильственные уголовные деяния лиц, не достигших 18-летнего возраста, находятся под влиянием базовых количественных и качественных показателей насильственной преступности в целом, так как обладают основными признаками, схожими с преступностью взрослых. Как и для общей преступности в целом, так и для насильственной преступности несовершеннолетних характерно влияние социально-экономических факторов, во многом определяющих периоды ее спада либо усиления.

Тем не менее результаты общероссийской уголовной статистики, рассматриваемые в длительной перспективе от 15 до 25 лет, не могут явиться основанием для определения причинно-следственных связей в динамике насильственной преступности несовершеннолетних, поскольку социально-экономические условия в различных регионах страны сильно разнятся [10]. Именно поэтому важно изучать региональные особенности насильственной преступности несовершеннолетних, во многом определяющие как детерминанты, так и характер, а также другие криминологически важные аспекты преступных деяний, варьирующихся в тех или иных регионах России. Такое более детальное исследование статистических данных позволяет более четко выявить ключевые тенденции насильственной преступности несовершеннолетних, спрогнозировать наиболее эффективные пути ее профилактики на региональном уровне [3].

Изучение преступности несовершеннолетних в отдельных регионах России свидетельствует о ее значительной территориальной дифференциации, наличии отличительных качественных и

количественных характеристик, обладающих относительно устойчивым характером, на которые оказывает влияние многообразный комплекс географических, демографических, исторических, социокультурных, экономических и т.п. факторов [11].

Проведенный Е.В. Демидовой-Петровой анализ и оценка рисков криминогенности не только различных сфер жизнедеятельности, но и социально значимых условий места жительства несовершеннолетних свидетельствует о разных детерминантах преступных проявлений, которым должны соответствовать дифференцированные меры их предупреждения. Эта ситуация, как представляется очевидным, значительно отличается от той, которую достаточно успешно объясняла советская криминология (о содержании одинаковых детерминант преступности несовершеннолетних, о типологическом свойстве причинных факторов, однородных свойствах личности несовершеннолетнего преступника). С учетом существенных отличий, которые фиксируются официальной статистикой показателей преступности несовершеннолетних, отсутствие исследовательских фактов установления таких различий до сих пор представляется парадоксальным. То же самое касается и дифференциации уровня преступности несовершеннолетних, которые различаются на порядок в территориальном разрезе страны [4].

Рассматривая динамику отдельных показателей насильственной преступности несовершеннолетних в возрасте 14 – 17 лет в Российской Федерации в 2017 – 2022 гг., представленную в

отчетных материалах ГИАЦ МВД России (см. табл.), можно выделить ряд четко выраженных тенденций. Ставшие за долгие десятилетия стандартными групповые характеристики преступности несовершеннолетних сохраняются в современности, однако они существенно изменились в структуре своих проявлений – в конкретике уголовно-наказуемых деяний.

Прежде всего, обращает на себя внимание достаточно выраженное снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними в период 2020 года. По некоторым показателям преступности, таким как убийство, изнасилование, побои и др., наблюдается практически 30% уменьшение числа совершенных несовершеннолетними преступных деяний.

Причины такого резкого снижения насильственной преступности несовершеннолетних в 2020 году еще предстоит выяснить. Эта тенденция прослеживается и в 2022 году, однако здесь она уже не столь ярко обозначена и находится в пределах 5-10%. Остается надеяться, что и по результатам 2023 года можно будет констатировать снижение числа совершенных несовершеннолетними насильственных преступлений.

Анализируя обратную изученной динамику насильственной преступности несовершеннолетних, необходимо отметить, что явных точек роста ее количества в рассматриваемый период не обнаруживается. Фиксируемое за тот или иной год увеличение числа отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними, «компенсируется» снижением других видов исследуемых преступных деяний. Однако больше всего

Таблица. Динамика отдельных показателей насильственной преступности несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет в Российской Федерации в 2017–2022 гг. согласно данным ГИАЦ МВД России

Table. Dynamics of selected indicators of violent crime of minors aged 14-17 in the Russian Federation in 2017-2022 according to the data of the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Вид преступлений	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Убийство	172	121	128	105	116	93
Умышленное причинение тяжкого вреда здор.	527	535	546	472	461	405
Умышленное причинение средн. тяж. вреда здор.	1127	1119	1123	995	847	811
Умышленное причинение легк. вреда здор.	687	727	605	560	436	406
Изнасилование	131	129	141	116	116	133
Грабеж	831	834	797	663	507	519
Истязание	9	11	17	12	7	12
Разбой	157	162	148	121	113	121
Побои	163	152	145	98	76	79
Террористический акт	1	3	3	3	4	2
Хулиганство	28	46	41	41	61	56

насильственных преступлений несовершеннолетние совершили в 2017 году. В этот год несовершеннолетними было совершено убийств – 172, умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью – 1127, побоев – 163. Этот же год характеризуется наименьшим количеством совершенных несовершеннолетними террористических актов и хулиганств.

В следующем 2018 году зафиксировано наибольшее за рассматриваемый период количество совершенных несовершеннолетними действий по умышленному причинению легкого вреда здоровью (727). Здесь же по 4 показателям обнаруживается снижение, а по 6 – увеличение числа совершенных несовершеннолетними преступлений.

В 2019 году выявлено наибольшее за рассматриваемый период число совершенных несовершеннолетними изнасилований (141) и истязаний (17). Другие же показатели насильственной преступности несовершеннолетних, как и ранее, демонстрируют как положительную, так и отрицательную динамику.

В 2020 году рост количества совершенных несовершеннолетними насильственных преступлений не был статистически зафиксирован, а отрицательная динамика прослеживается по 9 из 11 изучаемых показателей.

В 2021 году на фоне общего снижения количества совершаемых несовершеннолетними насильственных преступлений зафиксировано наибольшее количество за рассматриваемый период террористических актов (4) и случаев хулиганства (61).

Наконец, в 2022 году отмечается как позитивная, так и отрицательная динамика по всем изучаемым показателям, без достижения максимальных значений по какому-либо из них.

Безусловно, такая вариативность не случайна и является следствием определенных причин, выяснить и установить взаимосвязи между которыми крайне важно для совершенствования профилактики насильственной преступности несовершеннолетних.

Рассматривая материальные причины насильственной преступности несовершеннолетних, прежде всего, необходимо отметить, что их количество перманентно снижается, а ранг в структуре детерминации рассматриваемого вида преступных деяний увеличивается. В то же время латентные свойства экономически обусловленных видов насильственной преступности несовершеннолетних традиционно не позволяют дать полное представление о количественных характеристиках совершенных преступлений,

часть которых остаётся вне юридических процедур.

Не менее значимым фактором, определяющим снижение количественных характеристик насильственной преступности несовершеннолетних, является ее переход в онлайн-среду, где доля ее раскрываемости, согласно многим источникам, также незначительна.

Важные данные, позволяющие выявить детерминацию количественно-качественных показателей насильственной преступности несовершеннолетних, можно обнаружить, изучая материалы уголовных дел осужденных несовершеннолетних, детально раскрывающих условия совершения преступлений и личностные свойства преступников. Формирование на основании этой информации выводов о социально-экономических и личностно-психологических обстоятельствах совершения насильственных действий несовершеннолетними позволят получить более реальную картину причинно-следственных связей рассматриваемого вида преступности. Так, например, разработанная Е.В. Демидовой-Петровой методика исследования материалов уголовных дел несовершеннолетних позволяет изучить большинство объективных предпосылок уже совершенных преступлений, сопоставление и систематизация которых является основой для создания действительной, а потому и репрезентативной картины детерминации насильственной преступности несовершеннолетних.

Проведенное Я.А. Климовой исследование подтверждает, что одним из существенных элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений выступает личность несовершеннолетнего преступника. Согласно статистическим данным, основной возраст совершения преступлений – 16-17 лет, что составляет 63,7% от общего числа несовершеннолетних преступников. Доля лиц в возрасте 14-15 лет составляет 36,3%. Большинство несовершеннолетних преступников мужского пола – 89,9% [12].

Необходимо отметить, что за последние несколько лет отмечается динамика к снижению преступности среди несовершеннолетних лиц женского пола. Так, в 2016 г. среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, на долю лиц женского пола приходилось 7,6%, в 2017 г. этот показатель составлял 6,5%, в 2018 г. – 6,9%, в настоящий же момент их доля составляет примерно 7% [5].

Для направленности преступных посягательств несовершеннолетних характерны четыре свойства:

- узость сферы преступных посягательств (как уже отмечалось, десять видов преступлений составляют 87,9%, а три – 71,9% всей генеральной совокупности зарегистрированных деяний);

- стабильность структуры направленности преступных посягательств. Свойство стабильности выступает в двух отношениях – как стабильность состава статистического массива и как стабильность соотношения его основных структурных элементов;

- преимущественно корыстная направленность деяний (из десяти наиболее распространенных преступлений, которые образуют основной статистический массив, шесть – это преступления преимущественно корыстной направленности);

- незначительный, но все же сдвиг направленности преступных посягательств несовершеннолетних в сторону смягчения характера и степени общественной опасности [13].

Тенденция снижения насильственной преступности несовершеннолетних отражается и на уменьшении численности воспитанников исправительных учреждений для данной категории осужденных, которая за период 2016-2020 гг. сократилась практически вдвое. Кроме того, за данный период также вдвое снизилось количество рецидивных преступлений несовершеннолетних насильственного характера. Тем не менее, несмотря на данные факты, уровень насильственной преступности несовершеннолетних в самих воспитательных колониях остается довольно высоким. Воспитанники колоний все еще допускают случаи нарушений общественного порядка отбывания наказания, совершают правонарушения, в том числе связанные с применением холодного оружия [6].

В плане борьбы с тяжелой насильственной преступностью криминологи предлагают использование уголовно-правовых норм двойной превенции. К таким нормам относится ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью). Привлечение к уголовной ответственности по данной статье заставляет задуматься многих опасных преступников. Беснаказанность, наоборот, укрепляет в них уверенность в том, что насилием можно решить любые жизненные проблемы и повысить свой авторитет в глазах окружающих.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ количественных и качественных показателей насильственной преступности несовершеннолетних, а также иные теоретико-прикладные предпосылки позволяют

сформулировать следующие основные тенденции:

- тенденция снижения насильственной преступности, начиная с 2006 года, сохраняет стабильные показатели. На всем протяжении рассматриваемого в работе периода 2017-2022 годов отмечается снижение количества тех или иных видов насильственной преступности несовершеннолетних, динамика которой лишь изредка приближается к предыдущим значениям. Данная тенденция может явиться следствием демографической закономерности, поскольку количество молодежи в России, по данным Росстата, на протяжении последних десятилетий неуклонно снижается;

- статистически определено отсутствие в целом стабильного снижения преступлений против половой неприкосновенности, совершаемых несовершеннолетними лицами, поскольку в течение рассматриваемого периода их численность колебалась в количестве от 116 до 141, составив в 2022 году 133 преступления данного вида (на основе данных Главного информационно-аналитического центра МВД России)¹. Полученные данные могут явиться основой для определения возрастной закономерности, поскольку именно подростково-юношеский возраст отличается крайне повышенным интересом молодых людей к вопросам половой идентификации;

- по результатам сравнительно-сопоставительного анализа, на фоне не снижающегося количества совершения хулиганских действий была зафиксирована неизменность числа совершенных несовершеннолетними насильственных преступлений, сопряженных с нападением в целях хищения чужого имущества. Эта тенденция, в свою очередь, может быть изложена в русле информационной закономерности, поскольку во многих современных СМИ, в том числе и Интернете, а также популярных среди молодежи социальных сетях и мессенджерах настойчиво пропагандируются идеи насилия.

Выявленные закономерности отражают основные тенденции динамики насильственной преступности несовершеннолетних которая, обладая статистически констатируемой направленностью на свое снижение, сохраняет признаки устойчивости, в особенности в отношении преступлений небольшой тяжести. В отсутствии мер, направленных на преодоление эффекта обозначенных закономерностей, выявленные тенденции развития насильственной преступности несовершеннолетних будут сохранять свою актуальность в обозримом будущем.

¹ ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.пф/ folder/101762> (дата обращения: 01.11.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности во взаимосвязи с миграционными и демографическими процессами // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 83-91.
2. Фомин С.А. Криминологические характеристики преступности и основные показатели характеристик преступности, ее отдельных групп и видов на современном этапе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 94 – 103.
3. Демидова-Петрова Е.В. Хроники закономерностей преступности несовершеннолетних в России // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1 (26). С. 15-24.
4. Демидова-Петрова Е.В. О криминогенности несовершеннолетних и междисциплинарных ее исследованиях // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 12А. С. 140 – 149.
5. Биктагирова А.Р. Особенности психологического портрета несовершеннолетнего преступника // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2021. № 3 (89). С. 153 – 159.
6. Абрамова Н.Г. К вопросу о личности несовершеннолетнего осужденного // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 41. № 1. С. 116 – 120.
7. Долгова А.И. Проблемы деятельности прокуратуры и криминологического обеспечения борьбы с преступностью // В сборнике: Наука на службе Закону. Сборник материалов научно-практической конференции. 2018. С. 37 – 44.
8. Воронин Ю.А. Преступления в сфере обращения цифровой информации и их детерминанты // Виктимология. 2020. № 1 (23). С. 74 – 83.
9. Силкин В.П. О некоторых аспектах уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 1 (49). С. 24 – 31.
10. Алтухова Н.М., Елизаров Д.М. Насильственные преступления несовершеннолетних: специфика и основные криминологические показатели // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 89 – 95.
11. Сокол Ю.В. Преступность несовершеннолетних в Краснодарском крае: цифры и проблемы: монография. Краснодар: АСВ полиграфия, 2020. 174 с.
12. Климова Я.А. Содержание основных структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 108 – 113.
13. Забрянский Г.И. Преступность несовершеннолетних: направленность, сплоченность, устойчивость (взгляд сквозь призму статистики) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 4 (27). С. 68 – 74.

REFERENCES

1. YUzihanova E.G. Tendencii i zakonomernosti prestupnosti vo vzaimosvyazi s migracionnymi i demograficheskimi processami // YUridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika. 2018. № 4 (46). S. 83-91.
2. Fomin S.A. Kriminologicheskie harakteristiki prestupnosti i osnovnye pokazateli harakteristik prestupnosti, ee otdel'nyh grupp i vidov na sovremennom etape // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1 (30). S. 94 – 103.
3. Demidova-Petrova E.V. Hroniki zakonomernostej prestupnosti nesovershennoletnih v Rossii // Monitoring pravoprimeneniya. 2018. № 1 (26). S. 15-24.
4. Demidova-Petrova E.V. O kriminogennosti nesovershennoletnih i mezhdisciplinarnykh ee issledovaniyakh // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. T. 7. № 12A. S. 140 – 149.
5. Biktagirova A.R. Osobennosti psihologicheskogo portreta nesovershennoletnego prestupnika // Social'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizaciya. 2021. № 3 (89). S. 153 – 159.
6. Abramova N.G. K voprosu o lichnosti nesovershennoletnego osuzhdennogo // YUridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 41. № 1. S. 116 – 120.
7. Dolgova A.I. Problemy deyatel'nosti prokuratury i kriminologicheskogo obespecheniya bor'by s

- prestupnost'yu // V sbornike: Nauka na sluzhbe Zakonu. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. S. 37 – 44.
8. Voronin YU.A. Prestupleniya v sfere obrashcheniya cifrovoj informacii i ih determinanty // Viktimologiya. 2020. № 1 (23). S. 74 – 83.
9. Silkin V.P. O nekotorykh aspektah ugolovnoj otvetstvennosti za nasil'stvennye dejstviya seksual'nogo haraktera v otnoshenii lic, ne dostigshih dvenadcatiletnego vozrasta // Penitenciarnaya nauka. 2020. T. 14. № 1 (49). S. 24 – 31.
10. Altuhova N.M., Elizarov D.M. Nasil'stvennye prestupleniya nesovershennoletnih: specifika i osnovnye kriminologicheskie pokazateli // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2020. T. 8. № 1 (29). S. 89 – 95.
11. Sokol YU.V. Prestupnost' nesovershennoletnih v Krasnodarskom krae: cifry i problemy: monografiya. Krasnodar: ACB poligrafiya, 2020. 174 s.
12. Klimova YA.A. Soderzhanie osnovnykh strukturnykh elementov kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij, sovershennykh nesovershennoletnimi // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 1 (60). S. 108 – 113.
13. Zabryanskij G.I. Prestupnost' nesovershennoletnih: napravlennost', splochnost', ustojchivost' (vzglyad skvoz' prizmu statistiki) // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2012. № 4 (27). S. 68 – 74.

Информация об авторе:

Тряев Анатолий Геннадьевич, адъюнкт Казанского юридического института МВД России, ORCID 0009-0001-3381-1075, threat0@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Tryaev Anatoly G., Postgraduate, the Kazan Law Institute of MIA of Russia, threat0@yandex.ru, ORCID 0009-0001-3381-1075, threat0@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 15.09.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.30.33.021

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, ДЕЙСТВУЮЩИХ
В КАЧЕСТВЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ**

Иван Александрович Шаруха,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
Diplomatus1216@gmail.com

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию актуальной проблемы, связанной с формированием эффективной системы мер предупреждения общественно опасной деятельности физических и юридических лиц, действующих в качестве иностранных агентов.

Материалы и методы: материалами для научного исследования выступили российское уголовное и иное законодательство, официальная судебная статистика, теоретические работы, касающиеся вопросов предупреждения указанной общественно опасной деятельности. При подготовке статьи использовались устоявшиеся методы криминологических исследований, включая диалектический метод и метод системно-структурного анализа.

Результаты исследования: выделены особенности общественно опасной деятельности лиц, действующих в качестве иностранных агентов, и недостатки существующих превентивных мер в данной области, сформулированы выводы и предложения по их совершенствованию.

Обсуждение и заключение: совершенствование мер предупреждения указанной общественно опасной деятельности должно иметь не только постоянный, но и системный характер, что позволит сформировать единую и согласованную основу для эффективного противодействия угрозам безопасности России, реализуемым недружественными странами через физических и юридических лиц, попадающих в сферу их влияния.

Ключевые слова: иностранный агент; общественно опасная деятельность; предупреждение
© Шаруха И.А., 2023

Для цитирования: Шаруха И.А. Предупреждение общественно опасной деятельности лиц, действующих в качестве иностранных агентов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 161 – 167. DOI: 10.37973/KUI.2023.30.33.021

Scientific article
UDC 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2023.30.33.021

**PREVENTION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTIVITIES
OF FOREIGN AGENTS**

Ivan Aleksandrovich Sharukha,
Moscow University of MIA of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
Diplomatus1216@gmail.com

Abstract

Introduction: this article is devoted to the study of an urgent problem related to the formation of an effective system of measures to prevent socially dangerous activities of individuals and legal entities acting as foreign agents. The purpose of the article is to form conclusions and proposals on improving the effectiveness of the system of measures to prevent this socially dangerous activity.

Materials and Methods: the materials for scientific research were Russian criminal and other legislation, official judicial statistics, theoretical works concerning the prevention of these socially dangerous activities. The work used well-established methods of criminological research, including the dialectical method and the method of system-structural analysis.

Results: the features of socially dangerous activities of persons acting as foreign agents and the shortcomings of existing preventive measures in this area are highlighted, conclusions and proposals for their improvement are formulated.

Discussion and Conclusions: the improvement of measures to prevent these socially dangerous activities should be not only permanent, but also systemic in nature, which will form a unified and coordinated basis for effectively countering threats to Russia's security implemented by unfriendly countries through individuals and legal entities falling within their sphere of influence.

Keywords: foreign agent; socially dangerous activity; warning

© Sharukha I.A., 2023

For citation: Sharukha I.A. Prevention of Socially Dangerous Activities of Foreign Agents. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):161 – 167. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.30.33.021

Введение

В связи с тем, что в настоящее время в отношении России и ее граждан рядом недружественных стран осуществляются деструктивные действия, в том числе информационно-идеологического характера, особое внимание правоохранительных органов должно быть уделено предупреждению общественно опасной деятельности, реализуемой физическими лицами и их объединениями при поддержке зарубежных сторонников [1, с. 5-6]. Такими объединениями, в частности, являются некоммерческие организации, действующие в качестве иностранных агентов, деятельность которых потенциально представляет опасность для правоохраняемых интересов общества и государства, прежде всего, в связи с ее направленностью на дестабилизацию деятельности государственных и общественных институтов, подрыв доверия граждан к должностным лицам и органам власти, формирование у населения определенных взглядов, идей и мнений относительно происходящего в стране и в мире, выгодных конечным «бенефициарам» данных некоммерческих организаций. Для контроля за деятельностью лиц, действующих в качестве иностранных агентов, и недопущения их противоправной активности реализуется комплекс организационно-правовых мер.

Обзор литературы

В ходе исследования нами проанализированы теоретические труды А.Н. Артамоновой, В.В. Гончарова, В.В. Красинского, С.Л. Нуделя, С.Ю. Пояркова, рассматривавших проблемные вопросы обеспечения безопасности государства и предупреждения соответствующих угроз, в том числе исходящих от лиц, действующих в качестве иностранных агентов.

Материалы и методы

При подготовке статьи использован комплекс методов, традиционно применяемых в криминологических исследованиях, включая всеобщий диалектико-материалистический метод, общенаучные и частнонаучные методы, в том числе правовое моделирование, метод системно-структурного анализа и формально-логический метод. Автор проанализировал теоретические труды по исследуемой теме, а также опубликованную судебную практику апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции за 2020-2023 годы.

Результаты исследования

Отметим, что правовые основы для указанного выше контроля установлены Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»¹. Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 1 данного Федерального закона иностранными агентами признаются лица, получившие поддержку и (или) находящиеся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющие деятельность, виды которой предусмотрены в ст. 4 этого закона, включая политическую деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности России, распространение или участие в создании сообщений и материалов, ориентированных на неограниченный круг лиц. Иностранном агентом может признаваться российское или иностранное юридическое лицо вне зависимости от его организационно-правовой формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, а равно другое объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица либо физическое лицо независимо от его гражданства или его отсутствия. В ч. 3 ст. 1

¹ О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.07.2023 № 358-ФЗ). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2023).

данного закона указано, какие юридические и физические лица не могут признаваться иностранными агентами, в том числе органы публичной власти России, зарегистрированные в установленном порядке религиозные организации и политические партии.

На Минюст России возложена функция ведения реестра иностранных агентов, а также единого реестра лиц, аффилированных с последними. Существует два альтернативных порядка включения сведений в реестр иностранных агентов: 1) добровольный (заявительный) порядок, когда само лицо, намеревающееся действовать в данном качестве, заявляет об этом в территориальный орган Минюста России¹; 2) императивный – по решению уполномоченного органа Минюста России, выявившего соответствующую организацию или физическое лицо, при этом решение о включении в реестр сведений об иностранном юридическом лице, иностранной структуре без образования юридического лица орган Минюста России принимает по согласованию с МИД России.

Согласно ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ физическое или юридическое лицо приобретает статус иностранного агента со дня, который следует за днем размещения на официальном сайте Минюста России сведений о данном лице в реестре иностранных агентов и утрачивает данный статус со дня исключения указанных сведений из этого реестра. По состоянию на 30 июня 2023 г. в данном реестре на сайте Минюста России указано 649 физических и юридических лиц². Ведение реестра является элементом реализации информационной функции государства, посредством которой соответствующие сведения, собранные и систематизированные в установленном порядке, предоставляются для ознакомления и использования не только органам власти, но и обществу в целом [2, с. 130 – 138].

Указанная функция государства реализуется и в рамках регулирования деятельности средств массовой информации. Так, согласно ч. 9 ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»³, запрещено распространять в средствах массовой информации, в том числе при размещении их публикаций в информационно-телекоммуникационных сетях, сведений об иностранных агентах, не содержащихся в единых государственных ре-

естрах и государственных информационных системах, а также произведенных иностранными агентами материалов без указания на соответствующий статус данных лиц.

Предупреждение противоправной активности иностранных агентов начинается именно с выявления физических и юридических лиц, фактически действующих в данном качестве, и официального признания их иностранными агентами. Не менее важна своевременная и точная правовая оценка их действий, в том числе по распространению определенной информации, которая может относиться к опасной идеологии, например, экстремистского толка. В рамках этой превентивной деятельности необходимо избегать поспешных, необоснованных правоприменительных решений, поскольку таковые подрывают доверие к органам власти, причем не только в части выявления иностранных агентов и контроля за их деятельностью.

Между тем, как обоснованно пишут В.В. Гончаров, С.Ю. Поярков, В.В. Красинский, в современных условиях в рамках взаимного контроля гражданского общества и государственных институтов необходимо уделять внимание не только выявлению нарушений закона со стороны органов власти и их должностных лиц, но и негативным изменениям в общественных институтах, заключающимся, в частности, в проникновении в эти институты агентов иностранного влияния, действующих в интересах других стран, межправительственных или международных организаций и намеревающихся подорвать экономическую безопасность и обороноспособность России, ее суверенитет и независимость государственной власти, создать предпосылки для насильственного изменения основ конституционного строя [3, с. 19 – 25; 4, с. 12 – 16]. А.Н. Артамонов отмечает, что контроль за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием, осуществляемый Минюстом России по взаимодействию с другими государственными и муниципальными органами, прежде всего, с прокуратурой, Росфинмониторингом, ФСБ России, МВД России и Роскомнадзором, преимущественно сводится к выявлению фактов финансирования российских некоммерческих организаций из зарубежных источников. Эти факты выявляются в результате анализа отчетности дан-

¹ Об утверждении порядков подачи лицами, указанными в частях 1 и 2 статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», заявления о включении в реестр иностранных агентов и формы такого заявления: приказ Минюста России от 29.11.2022 № 305. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2023).

² Реестр иностранных агентов. Сайт Минюста России. URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-30062023_kFSCe06.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

³ О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-I (в ред. Федерального закона от 13.06.2023 № 227-ФЗ). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2023).

ных организаций, а также информации, поступающей от Росфинмониторинга и других органов власти, проведения проверочных мероприятий [5, с. 47-48].

Данная деятельность, осуществляемая на постоянной, плановой основе, заключается в проверке достоверности информации, содержащейся в поступающих отчетах организаций, с учетом возможных попыток российских компаний скрыть финансирование из-за рубежа с помощью различных схем, маскирующих источники финансирования, включая посреднические услуги, заключающиеся в направлении денежных средств из другой российской организации, частично инвестируемой иностранными физическими или юридическими лицами. При этом чаще всего выявляются факты финансирования из США, Великобритании и отдельных стран Евросоюза, причем представляемые денежные средства, как правило, выделяются в качестве финансирования образовательной деятельности или пожертвований [5, с. 48].

Помимо контроля за источниками финансирования, эффективному выявлению организаций, фактически действующих в качестве иностранных агентов, способствует постоянный мониторинг социальных сетей и иных ресурсов сети Интернет, в ходе которого выявляются публикации политического содержания, размещаемые некоммерческими организациями или их руководителями (работниками), а также юридические лица, в число учредителей которых входят некоммерческие организации, финансируемые другими странами, что позволяет выявить факты опосредованного зарубежного финансирования [5, с. 48].

Основу эффективного выявления и предупреждения противоправной активности организаций и физических лиц, действующих в качестве иностранных агентов, составляет налаженное межведомственное взаимодействие и оперативный обмен сведениями с государственными органами и органами местного самоуправления. Возможными направлениями совершенствования такого взаимодействия являются подготовка и принятие межведомственных нормативных актов, регулирующих предупреждение противоправной деятельности лиц, действующих в качестве иностранных агентов, проведение совместных конференций, круглых столов и иных научно-практических мероприятий, а равно курсов повышения квалификации по соответствующей тематике.

Предупреждению общественно опасной де-

ятельности лиц, действующих в качестве иностранных агентов, также способствуют установление и реализация взаимосвязанных мер административной и уголовной ответственности за нарушения законодательства в данной области. В частности, для предотвращения общественно опасной деятельности подобных организаций в ст. 239 УК РФ предусмотрена ответственность за такие виды противоправных действий, как создание некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, действующую в качестве иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководство такой организацией либо её структурным подразделением (ч. 2); участие в деятельности данных организаций, а равно пропаганда указанных деяний (ч. 3).

Отметим, что состав преступления, в настоящее время предусмотренный ч. 2 ст. 239 УК РФ, был введён в эту статью в 2012 г.¹, при этом авторы соответствующего комплексного законопроекта связали его общую цель с обеспечением открытости и публичности в деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, а также с организацией необходимого общественного контроля за деятельностью таких организаций, финансируемых из зарубежных источников и осуществляющих на территории России политическую деятельность. В настоящее время ч. 2 ст. 239 УК РФ является одним из уголовно-правовых средств противодействия противоправной активности со стороны организаций, признанных иностранными агентами в связи с тем, что они, получая поддержку и (или) находясь под иностранным влиянием в других формах, осуществляют политическую и иную деятельность, способную дестабилизировать обстановку в обществе, оказать влияние на выработку и реализацию государственной политики, формирование органов публичной власти, принимаемые ими решения и осуществляемые действия.

Представляется, что в текущих условиях беспрецедентного санкционного давления на Россию и нарастающей «информационной войны», характеризующейся существенным повышением общественной опасности деструктивного воздействия на население России, в том числе через различного рода религиозные и прочие общественные

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 30. Ст. 4172.

объединения, иные организации, необходимо пересмотреть подходы к дифференциации уголовной ответственности за преступления с участием иностранных агентов. В рамках ст. 239 УК РФ считаем криминологически не обусловленной ситуацию, при которой создание некоммерческой организации, действующей в качестве иностранного агента, намеревающейся осуществлять противоправную деятельность, наказывается менее строго, чем аналогичные действия, касающиеся организации без иностранного влияния.

Указанные выше некоммерческие организации, действующие в качестве иностранных агентов, изначально либо с течением времени могут приступить к осуществлению экстремистской деятельности, например, массово производить и распространять экстремистские материалы, призывать к экстремизму других лиц, а равно совершать иные противоправные деяния, влекущие в зависимости от конкретных обстоятельств административную или уголовную ответственность. Для предупреждения такой деятельности осуществляются меры, предусмотренные Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»¹, в том числе меры прокурорского реагирования, принятие судебного решения о приостановлении деятельности организации, ликвидации последней или запрете ее деятельности. В данных случаях организация признается экстремистской с включением таковой в соответствующий перечень², при этом возобновление ее деятельности и участие в ней влечет уголовную ответственность, предусмотренную ст. 282² УК РФ [6, с. 40-41; 7, с. 257 – 259].

Преступные деяния в виде организации деятельности экстремистской организации и участия в таковой, наказуемые по ч. 1, ч. 2 или ч. 3 ст. 282² УК РФ, взаимосвязаны с административными правонарушениями, предусмотренными ст. 20.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), заключающимися в сходных действиях, совершаемых в отношении общественного или религиозного объединения, а равно некоммерческой организации, внесенной в реестр иностранных агентов, по поводу которых имеется решение о приостановлении их деятельности. В отличие

от данных административных правонарушений, преступные действия, предусмотренные ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 282² УК РФ, касаются тех объединений и иных организаций, по поводу которых принято решение о запрете деятельности или ликвидации их как таковых в связи с осуществлением ими именно экстремистской, а не любой противоправной деятельности [8, с. 65].

Так, кассационный суд в обоснование отказа в удовлетворении жалобы на обвинительный приговор, согласно которому 6 лиц осуждены за организацию деятельности экстремистской организации, вовлечение в её деятельность и участие в таковой, сослался, в частности, на то, что в основе приговора лежит решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. по делу № АКПИ17-238 о ликвидации религиозной организации «Управленческий Центр свидетелей Иеговы в России» (*запрещена на территории Российской Федерации*) и входивших в её структуру местных религиозных организаций в связи с осуществлением таковыми экстремистской деятельности. По делу установлено, что осуждённые были осведомлены о том, что осуществляют запрещённую деятельность, связанную с указанной религиозной организацией, и преследовали цель вовлечения в нее как можно больше последователей, для чего проводили с ними встречи и другие мероприятия, демонстрировали им видеозаписи организации, полученные на сайте, внесенном в Федеральный список экстремистских материалов³.

Полагаем, в ст. 282² УК РФ целесообразно выделить самостоятельную часть, устанавливающую более строгую ответственность за совершение тех же действий относительно организации, включенной в реестр иностранных агентов и запрещенной (ликвидированной) вследствие осуществления экстремизма. Одновременно обратим внимание на то, что данные правонарушения имеют сходство с преступлениями, предусмотренными ст. 239 УК РФ, в том числе ч. 2 данной статьи. Вместе с тем сходное административное правонарушение не связано с побуждением граждан к какому-либо антисоциальному пассивному или активному поведению, поэтому не посягает ни на здоровье населения, ни на общественную нравственность, являющиеся объектами преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ.

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. Федерального закона от 14.07.2022 № 303-ФЗ). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2023).

² Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (по состоянию на 17.07.2023 включает 103 организации). Сайт Минюста России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 08.08.2023).

³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.10.2023 № 77-4938/2023 // Архив Первого кассационного суда общей юрисдикции за 2023 год.

Нарушения требований законодательства, предъявляемых к оформлению и осуществлению деятельности организаций, функционирующих в качестве иностранных агентов, влекут ответственность по ст. 19.34 КоАП РФ, при этом за повторное совершение таких нарушений для физических лиц установлена уже уголовная ответственность по ч. 1 или ч. 2 ст. 330¹ УК РФ. В ч. 3 данной статьи установлена более строгая ответственность за нарушения порядка представления документов, необходимых для включения в реестр иностранных агентов, если лицо собирало сведения, которые могут быть использованы иностранными источниками против безопасности России, что в сегодняшних условиях обладает повышенной общественной опасностью [9, с. 140-141].

Обсуждение и заключение

Таким образом, предупреждение общественно опасной деятельности лиц, действующих в качестве иностранных агентов, в настоящее время приобретает особую актуальность и требует непрерывного совершенствования имеющихся и формирования новых общесоциальных и специально-криминологических мер, в том числе мер

административной и уголовной ответственности, имеющих большое общепреventивное значение для противодействия противоправной активности организаций и их участников, находящихся под финансовым и иным влиянием иностранных государств. Меры юридической ответственности являются важным элементом системы мер предупреждения общественно опасной деятельности иностранных агентов, поскольку они не только очерчивают границы противоправной активности данных лиц, но и позволяют задействовать иные превентивные меры, в том числе входящие в объем оперативно-розыскной деятельности, прокурорского надзора, производства в суде по делам об административных правонарушениях, гражданским или уголовным делам. С учетом изложенного совершенствование этих и других мер предупреждения данной общественно опасной деятельности должно иметь не только постоянный, но и системный характер, что позволит сформировать единую и согласованную основу для эффективного противодействия угрозам безопасности России, реализуемым недружественными странами через физических и юридических лиц, попадающих в сферу их влияния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нудель С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 5-22. DOI: 10.12737/jrp.2023.001
2. Кравцов А.С. Информационная функция современного государства и ее значение для государственного управления // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2015. № 32. С. 130-138. EDN: XAYCHD
3. Гончаров В.В., Поярков С.Ю. Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте конституционализма: теоретико-методологические проблемы и пути их разрешения // Современное право. 2015. № 5. С. 19-25. EDN: TUNJXB
4. Красинский В.В. Новые угрозы конституционному строю России в процессе подготовки и проведения выборов в процессе подготовки и проведения выборов в единый день голосования 18 сентября 2016 г. // Современное право. 2017. № 3. С. 12-18. EDN: YHZVWP
5. Артамонов А.Н. Выявление иностранных агентов как функция по защите национального суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 47-50. EDN: CQPMJJ
6. Шаруха И.А. Новые позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам уголовной ответственности за организацию деятельности экстремистской организации и участие в ее деятельности // Криминологический журнал. 2021. № 4. С. 40-43. EDN: YUNYSS
7. Шаруха И.А. Правовые меры противодействия вовлечению в экстремистские сообщества и организации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 257-262. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-4-257-262
8. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / С.В. Борисов, А.П. Дмитренко, В.А. Осипов и др.; отв. ред. Н.Г. Кадников. Москва: Юриспруденция, 2012. – 120 с. EDN: VTAMAN
9. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 131-144. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144

REFERENCES

1. Nudel' S.L. Modernizatsiya ugolovnoy politiki: problemy pravovogo regulirovaniya // ZHurnal rossijskogo prava. 2023. № 1. S. 5-22. DOI: 10.12737/jrp.2023.001
2. Kravcov A.S. Informatsionnaya funktsiya sovremennogo gosudarstva i ee znachenie dlya gosudarstvennogo upravleniya // Aktual'nye problemy prava: teoriya i praktika. 2015. № 32. S. 130-138. EDN: XAYCHD
3. Goncharov V.V., Poyarkov S.YU. Vzaimodejstvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v kontekste konstitutsionalizma: teoretiko-metodologicheskie problemy i puti ih razresheniya // Sovremennoe pravo. 2015. № 5. S. 19-25. EDN: TUHJXB
4. Krasinskij V.V. Novye ugrozy konstitutsionnomu stroyu Rossii v processe podgotovki i provedeniya vyborov v processe podgotovki i provedeniya vyborov v edinyj den' golosovaniya 18 sentyabrya 2016 g. // Sovremennoe pravo. 2017. № 3. S. 12-18. EDN: YHZVWP
5. Artamonov A.N. Vyyavlenie inostrannykh agentov kak funktsiya po zashchite nacional'nogo suvereniteta // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 7. S. 47-50. EDN: CQPMJJ
6. SHaruha I.A. Novye pozitsii Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii po voprosam ugolovnoj otvetstvennosti za organizatsiyu deyatelnosti ekstremistkoj organizatsii i uchastie v ee deyatelnosti // Kriminologicheskij zhurnal. 2021. № 4. S. 40-43. EDN: YUNYSS
7. SHaruha I.A. Pravovye mery protivodejstviya vovlecheniyu v ekstremistskie soobshchestva i organizatsii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 4. S. 257-262. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-4-257-262
8. Kvalifikatsiya massovykh besporyadkov, huliganstva i prestuplenij ekstremistkoj napravlenosti: teoriya i praktika / S.V. Borisov, A.P. Dmitrenko, V.A. Osipov i dr.; otv. red. N.G. Kadnikov. Moskva: YUrisprudenciya, 2012. – 120 s. EDN: VTAMAH
9. Pudovochkin YU.E., Babaev M.M. Ugolovnaya politika i ugolovnoe pravo sil'nogo gosudarstva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. № 2. S. 131-144. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144

Информация об авторе

Шаруха Иван Александрович, соискатель факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по кафедре криминологии, Diplomatus1216@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sharukha Ivan A., Candidate of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' in the Department of Criminology, Diplomatus1216@gmail.com

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 10.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.148
DOI: 10.37973/KUI.2023.94.18.022

**НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ
ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ПЕРВЫХ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОДЕКСОВ
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Юрий Павлович Шкаплеров,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Беларусь,
shkaplerov@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается трансформация назначения и проведения экспертизы в период действия первых УПК РСФСР и БССР на белорусских территориях в первой половине XX в. Именно в этот исторический период произошел переход нормативного регулирования экспертизы от дореволюционного, где она рассматривалась в качестве одного из видов осмотра, к современному, когда законодатель отнес ее к числу следственных действий.

Материалы и методы: методологическая основа статьи представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов (диалектический, дедукция, индукция, анализ, синтез, юридико-технический, сравнительно-правовой, эмпирический и др.). Эмпирическую основу исследования составили материалы уголовных дел первой половины XX в., хранящиеся в архиве УВД Могилевского облисполкома.

Обзор литературы: статья подготовлена на основе анализа норм УПК РСФСР 1922 и 1923 г., УПК БССР редакции 1927 г. и иных нормативных актов первой половины XX в. Автором затронуты также положения Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и Свода законов Российской империи 1832 г. В ходе работы по очерченной проблематике использовались труды П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского, В.Н. Махова, М.С. Строговича, Е.П. Тарасова-Родионова и др.

Результаты исследования: в статье на основе анализа указанных нормативных правовых актов, мнений ученых, материалов архивных уголовных дел рассматривается трансформация процессуальной регламентации и практика назначения и проведения экспертизы согласно УПК РСФСР 1922 г., и 1923 г., УПК БССР 1923 г. и его последующих редакций. Акцентируется внимание на проблемах нормативного регулирования и правоприменения этого следственного действия: смешение законодателем понятий «осмотр», «освидетельствование» и «экспертиза»; сохранение архаичного нормативного регулирования назначения и проведения экспертизы; формирование на практике порядка проведения рассматриваемого следственного действия, отличного от законодательного и т.д.

Обсуждение и заключение: сформулирован вывод, согласно которому нормативная регламентация назначения и проведения экспертизы в БССР первой половины XX ст. в немалой мере была подвержена влиянию дореволюционного законодательства. Советские правоприменители во многом руководствовались правилами назначения и проведения рассматриваемого следственного действия, сформировавшимися в XIX в., а не положениями действовавшего уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: уголовный процесс; досудебное производство; УПК РСФСР; УПК БССР; экспертиза

© Шкаплеров Ю.П., 2023

Для цитирования: Шкаплеров Ю.П. Назначение и проведение экспертизы в досудебном производстве в период действия первых уголовно-процессуальных кодексов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Белорусской Советской Социалистической Республики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 168 – 175. DOI: 10.37973/KUI.2023.94.18.022

Scientific article
UDC 343.148
DOI: 10.37973/KUI.2023.94.18.022

**APPOINTMENT AND CONDUCT EXPERT ASSESSMENTS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS
DURING THE FIRST CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND BELARUSIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC**

Yury Pavlovich Shkaplerov,
Mogilev institute of the MIA of the Republic of Belarus, Mogilev, Belarus,
shkaplerov@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article discusses the change of the appointment and performance of expertise during the period of the first Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Belarusian Soviet Socialist Republic in the Belarusian territories in the first half of the XX century. It was the historical period when the transition of normative regulation of expertise from the pre-revolutionary, where it was considered as one of the types of examination, to the modern one, when the legislator referred it to the number of investigative actions took place.

Materials and Methods: the methodology of the article is a combination of universal and specific scientific method (dialectical, deduction, induction, analysis, synthesis, legal-technical, comparative-legal, empirical and others). The empirics of the study were criminal records of the first half of the XX century archived Department of Internal Affairs of the Mogilev Regional Executive Committee.

Literature review: the article is based on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (1922 and 1923) and Belarusian Soviet Socialist Republic (1927) and other regulatory acts of the first half of the XX century. The author also covers the Statute of Criminal Procedure of the Russian Empire of 1864 and the Code of Laws of the Russian Empire of 1832. During the study the author used the works of P.I. Lublinsky and N.N. Polyansky, V.N. Makhov, M.S. Strogovich, E.P. Tarasov-Rodionov and others.

Results: basing on the analysis of regulatory acts, scientific views, archive criminal records the author considers the transformation of procedural regulations and practice of appointing and conducting expert examinations according to on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (1922 and 1923) and Belarusian Soviet Socialist Republic (1923) and its subsequent editions. The author focuses on normative regulation and law enforcement of this investigative action: confusion by the legislator of the concepts of "inspection", "examination" and "expertise"; preservation of archaic normative regulation of the appointment and conduct of expertise; formation in practice of the procedure for conducting the investigative action in question, different from the legislative one, etc.

Discussion and Conclusions: the conclusion is drawn that the normative regulation of the appointment and conduct expert examination in the BSSR of the first half of the XX century was largely influenced by pre-revolutionary legislation. Soviet law enforcers were also largely guided by the rules for appointment and conduct an investigative action, which were formed in the 19th century, and not by the provisions of the criminal procedure law in force.

Keywords: criminal procedure; pre-trial proceedings; Criminal Procedure Code of the RSFSR; Criminal Procedure Code of the BSSR; expert examination

© Shkaplerov Yu.P., 2023

For citation: Shkaplerov Yu.P. Appointment and Conduct Expert Assessments in Pre-Trial Proceedings During the First Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Belarusian Soviet Socialist Republic. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):168 – 175. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.94.18.022

Введение

Экспертиза в качестве средства доказывания в уголовном процессе известна давно. Вместе с тем до начала XX в. законодателем она рассматривалась в качестве специфического вида осмотра

(освидетельствования) [1, с. 101, 104, 105], в связи с этим нормативное регулирование и практика проведения данных процессуальных действий коренным образом не отличались. Первая же половина XX в. стала периодом, на котором прои-

зошел переход нормативного регулирования экспертизы от дореволюционного к современному, когда законодатель отнес ее к числу следственных действий. Научный интерес представляет исследование трансформации назначения и проведения экспертизы от одного из видов осмотра (освидетельствования) к самостоятельному следственно-му действию. При этом для объективности такого изыскания в обязательном порядке необходим анализ архивных уголовных дел, позволяющий зафиксировать реальное применение тех или иных норм уголовно-процессуального закона на практике и выявить объективные закономерности развития уголовно-процессуальных институтов в целом и экспертизы в частности.

Обзор литературы

Статья подготовлена на основе анализа норм УПК РСФСР 1922 и 1923 г., УПК БССР редакции 1927 г. и иных нормативных актов советского правительства первой половины XX в. Также в ходе сравнительно-правового исследования изучались Устав уголовного судопроизводства Российской империи и Свод законов Российской империи 1832 г. В процессе работы над обозначенной проблематикой использовались труды П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского [2], В.Н. Махова [3], Е.П. Ореховой [4], Н.И. Стояновского [5], М.С. Строговича [6], К.Д. Тагуновой [7], П.И. Тарасова-Родионова [8] и др.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составили общенаучные (диалектический, анализа, синтеза и др.) и частнонаучные методы (юридико-технический, сравнительно-правовой, эмпирический и др.). Материалами исследования послужили положения нормативных правовых актов XIX – первой половины XX вв., регламентирующих процессуальный порядок назначения и проведения экспертизы, материалы архивных уголовных дел, а также соответствующая юридическая научная и научно-практическая литература.

Результаты исследования

Первые годы после создания БССР для уголовно-процессуальной сферы данного государства охарактеризовались тем, что на его территорию было распространено действие УПК

РСФСР 1922 г.¹, а затем и УПК РСФСР 1923 г.² При этом изначально белорусский законодатель никак не корректировал УПК РСФСР 1922 г., а в УПК РСФСР 1923 г. вносились лишь небольшие изменения относительное производства в суде. Однако в середине 1920-х годов и в последующем с внесением в УПК БССР изменений и дополнений он приобрел определенные отличия от российского уголовно-процессуального закона. Поэтому в данной статье будет подвергнута анализу как УПК РСФСР 1923 г.³, так и УПК БССР в редакции 1927 г.⁴

Период действия первых советских УПК охарактеризовался тем, что в УПК РСФСР 1922 г., а затем в УПК РСФСР 1923 г. и УПК БССР 1927 г. впервые в уголовно-процессуальном законодательстве страны появились термины «экспертиза» и «эксперт» [3, с. 25], хотя их определений указанные нормативные правовые акты не содержали. Кроме того, нормы, устанавливающие порядок производства экспертизы, были «разбросаны» по различным главам и разделам уголовно-процессуального закона, так же как это имело место в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В частности, таковые содержались в главе IV «О доказательствах», главе XIII «Допрос свидетелей и экспертов», главе XV «Осмотры и освидетельствования» и главе XVI «Определение психического состояния обвиняемого». Наиболее показательной в этом плане является глава XV УПК БССР, в которой, несмотря на ее наименование, ст. 189-192 посвящались регламентации осмотра и освидетельствования, а ст. 193-195 – экспертизы. Данное обстоятельство, на наш взгляд, можно объяснить тем, что советский законодатель рассматривал экспертизу в качестве некой специфичной сферы деятельности, не требующей детальной компактной регламентации в УПК, как это было сделано по отношению к другим следственным действиям.

Статьи 63-65 УПК БССР 1927 г. определяли основания привлечения эксперта к участию в уголовном процессе, в том числе предусматривали случаи обязательного вызова эксперта, порядок его вызова, права и ответственность данного участника уголовного процесса. В ст. 169-174

¹ О распространении действия уголовно-процессуального кодекса РСФСР на территорию ССР Белоруссии : постановление Центрального Исполнительного Комитета ССР Белоруссии, 24 июня 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССР Белоруссии. 1922. № 5. Ст. 81.

² О распространении действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР второго издания на территорию Белоруссии : постановление Центрального Исполнительного Комитета ССР Белоруссии, 30 марта 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССР Белоруссии. 1923. № 4. Ст. 41.

³ Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР 1923 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_RSFSR_1923.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : официальный текст с изменениями на 15 апреля 1957 г. и с приложением систематизированных материалов. Минск : Редакция научно-технической литературы, 1957. С. 21.

УПК БССР устанавливался порядок назначения и производства экспертизы, дачи экспертом заключения, уточнялись его права и обязанности. В свою очередь, ст. 196-201 УПК БССР регламентировали порядок «определения психического состояния обвиняемого», то есть устанавливали процедуру проведения судебно-психиатрической экспертизы в современном ее понимании.

Инициатива принятия решения о назначении экспертизы могла исходить как от должностного лица органа уголовного преследования (ст. 63 УПК БССР 1927 г.), так и от других участников уголовного процесса (ст. 112, 169 УПК БССР 1927 г.).

Как отмечалось, в законе отдельно назывались и случаи обязательного назначения экспертизы (обязательного вызова экспертов – согласно терминологии того времени), которые обуславливались необходимостью: 1) установления причин смерти и характера телесных повреждений; 2) определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у следователя по этому поводу возникали сомнения (примечание 1 к ст. 63 УПК БССР 1927 г.).

Явка эксперта в орган уголовного преследования была обязательной (ст. 64 УПК БССР 1927 г.). В случае неявки без уважительных причин, при отказе без законных оснований от исполнения своих обязанностей эксперты подвергались приводу либо штрафу (ст. 60, 64 УПК БССР 1927 г.), а также уголовной ответственности согласно ст. 134 УК БССР 1928 г.¹

Советский законодатель сохранил дореволюционный порядок назначения экспертизы. Так, согласно ст. 169-171 УПК БССР 1927 г., следователь, дознаватель, приняв решение о назначении экспертизы, вызывали эксперта *на допрос*. При необходимости могло вызываться несколько экспертов. В целях защиты прав обвиняемого законом предусматривалась возможность привлечения к участию в деле эксперта, указанного данным участником уголовного процесса, при условии, что такой вызов не влек за собой затягивание срока предварительного расследования.

Допрос эксперта начинался с удостоверения в его личности, а также предупреждения его «о необходимости давать заключение, строго согласное с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний, для которых он вызван». Помимо этого, названный участник уголовного процесса предупреждался об ответственности за отказ от дачи заключения, либо за дачу ложного заклю-

чения (ст. 170 УПК БССР 1927 г.). В литературе рассматриваемого периода отмечалось, что перед допросом эксперта следователь должен был удостовериться не столько в его личности, сколько в наличии у него необходимых для производства экспертизы специальных познаний. Формальным подтверждением таких познаний считались выданные уполномоченным учреждением либо должностным лицом удостоверение или аттестат на занятие определенной профессией. В ряде случаев следователь мог также руководствоваться профессиональной или научной репутацией эксперта, отзывами о нем, длительностью стажа его практической работы и т.п. [2, с. 144].

В соответствии со ст. 171 УПК БССР 1927 г. следователь после проведения вышеуказанных действий излагал эксперту «пункты», то есть вопросы, по которым требовалось его заключение. Обвиняемый, в свою очередь, также был вправе письменно сформулировать вопросы эксперту. По мнению авторов постатейного комментария к УПК РСФСР 1923 г., указанным правом обладал, в том числе, и потерпевший [2, с. 145].

Изложенный законодательный порядок назначения экспертизы в научно-практической литературе первой половины XX в. понимался несколько в ином порядке, схожим с современной процедурой, закрепленной в УПК Республики Беларусь. В частности, следователь, дознаватель свое решение о назначении экспертизы должны были облекать в форму постановления, где указывалось лицо (либо лица), привлекаемое в качестве эксперта, объекты экспертизы и вопросы, подлежащие разрешению. После этого с постановлением подлежал ознакомлению обвиняемый, которому разъяснялись бы предусмотренные законом права и обязанности. Названные действия должностному лицу органа уголовного преследования было необходимо зафиксировать в протоколе объявления обвиняемому о назначении экспертизы. В итоге данный этап назначения экспертизы рекомендовалось заканчивать составлением в письменном виде окончательного перечня вопросов, подлежащих разрешению, и передаче их эксперту [9, с. 145].

Однако анализ архивных уголовных дел свидетельствует, что на практике обозначенные рекомендации на территории БССР не исполнялись: постановления о назначении экспертизы не выносились, а заинтересованные участники досудебного производства с решениями об их назначении не ознакомливались. По крайней мере, следовате-

¹ Уголовный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики : утв. постановлением ЦИК Белорус. ССР, 23.09.1928. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

ли и сотрудники ОВД не фиксировали такие действия в уголовных делах¹.

Более детально, по сравнению с уголовно-процессуальным законом, порядок проведения экспертизы регламентировался ведомственными нормативными актами, такими, например, как Положение о производстве судебно-медицинской экспертизы, утвержденное Народным комиссариатом здравоохранения СССР в 1934 г. [10, с. 14], и Инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы СССР, утвержденная 13 декабря 1952 г. Министерством здравоохранения СССР² (далее – Инструкция 1952 г.). При этом в части процессуальной регламентации рассматриваемого следственного действия данные нормативные акты не имели значительных различий.

В соответствии со ст. 11 Инструкции 1952 г., которая в определенной мере дублировала ст. 193, 194 УПК БССР 1927 г., присутствие «представителя следственных органов» при судебно-медицинском исследовании трупов было обязательным. Однако неприбытие такого представителя в установленный срок на место производства исследования не являлось основанием для отказа в проведении судебно-медицинской экспертизы. В то же время участие должностного лица органа уголовного преследования при проведении других видов судебно-медицинских экспертиз считалось факультативным³. По словам М.С. Строговича, на практике, помимо следователя, к участию в проведении экспертизы довольно часто привлекался и обвиняемый, что обеспечивало полноту и правильность экспертизы, а также соблюдение его прав [6, с. 146].

Согласно п.п. 13-17 Инструкции 1952 г. по результатам проведения рассматриваемого вида экспертизы составлялся «акт судебно-медицинской экспертизы». При этом нормативно предусматривались виды данного акта, например, акт судебно-медицинского освидетельствования (в отношении живого лица), акт судебно-медицинского исследования трупа, акт судебно-медицинского исследования вещественных доказательств и т.п.

Акт судебно-медицинской экспертизы уже традиционно состоял из трех частей: введения, описательной части и заключения. При этом первые две части составляли «протокол экспертизы», который подписывали эксперт и присутствовавшие при этом лица⁴. Структурно и содержательно указанные части акта похожи на современное заключение эксперта.

Протокол и заключение экспертизы назывались также в ст. 173-176 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 168, 172 УПК БССР 1927 г. В протоколе подлежало указывать фамилии, инициалы, адреса экспертов, данные, свидетельствующие об их компетентности, факт предупреждения экспертов об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, что подтверждалось их личной удостоверяющей записью. Далее в протоколе было необходимо отметить факт ознакомления эксперта с постановлением о назначении экспертизы, перечислить материалы, предоставленные для исследования, назвать дополнительные вопросы эксперту, подробно описать все действия, проведенные экспертом в процессе исследования. Протокол подписывался следователем и экспертом (экспертами). Если же следователь не присутствовал при производстве экспертизы, то все вышеописанные действия фиксировались в акте, составленном экспертом. Заключение также должно было быть оформлено в письменном виде с указанием: 1) оснований проведения экспертизы; 2) времени работы экспертов и времени составления заключения; 3) данных, составляющих основу заключения; 4) заключения «по каждому поставленному следователем вопросу» [9, с. 429].

Следует отметить, что приведенные нормативные предписания правоприменителями реализовывались не в полной мере, свидетельством чему выступают материалы архивных уголовных дел. Так, документ, составляемый по результатам проведенного судебно-медицинского исследования трупа в БССР, не имел устоявшегося названия и именовался: акт судебно-медицинской экспертизы⁵ (как это требовалось в законе), акт

¹ Уголовное дело по убийству Стенковой А.П. от 3 ноября 1944 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 734; Уголовное дело № 1932 по убийству и ограблению Аксененко Елизаветы Егоровны от 22 февраля 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 705; Уголовное дело № 2473 по убийству Михасевой Анны Кузьминичны от 13 июля 1946 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 701; Уголовное дело № 2891 по обнаружению трупа Кнышева Демьяна Герасимовича от 12 августа 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 840; Уголовное дело № 4392 о грабеже и убийстве Евсеевой Пелагеи Васильевны от 22 мая 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 728.

² Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : официальный текст с изменениями на 15 апреля 1957 г. и с приложением систематизированных материалов. Минск : Редакция научно-технической литературы, 1957. С. 103-117.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : официальный текст с изменениями на 15 апреля 1957 г. и с приложением систематизированных материалов. Минск : Редакция научно-технической литературы, 1957. С. 103.

⁴ Уголовно-Процессуальный Кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики. С алфавитным предметным указателем. Минск : Издание Народного Комиссариата Юстиции БССР, 1927. С. 106.

⁵ Уголовное дело по убийству Стенковой А.П. от 3 ноября 1944 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 734. Л. 17.

судебно-медицинского исследования трупа¹, акт вскрытия трупа², акт осмотра и вскрытия трупа³, протокол вскрытия трупа⁴ или просто акт⁵. Соответствующие исследования проводили врачи районных больниц при помощи медсестер, фельдшеров в присутствии должностных лиц органа уголовного преследования – следователя, оперуполномоченного. Структурно же акты (протоколы), как правило, состояли из трех частей: наружный осмотр, вскрытие трупа (внутреннее вскрытие) и заключение. Перечисленные элементы именно под такими названиями структурно выделялись в проанализированных нами процессуальных документах.

Первая часть актов (протоколов) включала в себя описание одежды трупа, состояния его кожных покровов, трупного окоченения, имевшихся телесных повреждений. Во второй части рассматриваемых документов врач описывал состояние внутренних органов. В заключении же формулировалось предположение либо утверждение о причинах наступления смерти, например, в следующем виде: «Полагаем, что смерть гр-на Гусева А.И. наступила вследствие проникающей раны в вещество головного мозга и попадания крови в легкое – на почве чего получилось задушение – аспирация»⁶.

Все сказанное относительно формы и содержания акта судебно-медицинского исследования трупа интересно тем, что данные документы, составляемые на практике в период действия первых УПК РСФСР и БССР, в полной мере соответствовали не только требованиям ст. 342-344 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., определявшим содержание «акта осмотра или свидетельства» мертвого тела, но и положениям Свода законов Российской империи 1832 г. (ст. 1318 тома XIII Свода законов «Устав врачебный» [5, с. 74, 75]), регламентирующим сходные правоотношения. Кроме того, содержание актов

(протоколов), составленных в первой половине XX в. врачами БССР, сопоставимо с образцами соответствующих процессуальных документов, приведенных в приложении к книге первой половины XIX в. за авторством М. Магазинера «Памятная судебно-медицинская книжка» [11, с. 255-259].

Согласно ст. 171 УПК БССР 1927 г. эксперт с разрешения следователя имел право знакомиться с материалами дела, которые ему были необходимы для дачи заключения. В таких случаях объем материалов уголовного дела, подлежащих представлению эксперту, определялся прокурором или судом, которому было подсудно данное дело. Если же эксперт приходил к выводу о том, что представленные ему следователем, дознавателем материалы являлись недостаточными, он составлял акт о невозможности дачи заключения.

Несмотря на отсутствие соответствующего предписания в УПК, приказом прокурора СССР от 13 мая 1939 г. № 90-3 следователь, дознаватель, обязывались при получении заключения эксперта ознакомить с ним обвиняемого, который, в свою очередь, мог делать соответствующие заявления, в том числе – ходатайствовать о проведении повторной экспертизы, что отражалось в протоколе. Форма такого протокола устанавливалась указанным приказом № 90-3. После этого, должностное лицо органа уголовного преследования могло допросить эксперта, если в этом была необходимость [6, с. 145-146] для уточнения, разъяснения или проверки его заключения [8, с. 192]. Вместе с тем в проанализированных нами уголовных делах подобные протоколы ознакомления отсутствуют. Отсутствуют также какие-либо записи об ознакомлении и на актах (протоколах), составленных врачами⁷.

Как отмечалось, УПК РСФСР и БССР предусматривали возможность проведения экспертизы несколькими экспертами, т.е. комисси-

¹ Уголовное дело № 4392 о грабеже и убийстве Евсеевой Пелагеи Васильевны от 22 мая 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 728. Л. 9.

² Уголовное дело № 1932 по убийству и ограблению Аксененко Елизаветы Егоровны от 22 февраля 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 705. Л. 6.

³ Уголовное дело № 2473 по убийству Михасевой Анны Кузьминичны от 13 июля 1946 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 701. Л. 3.

⁴ Уголовное дело № 43 об убийстве Гусева Александра Ивановича от 30 декабря 1948 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 944. Л. 8-9.

⁵ Уголовное дело № 2891 по обнаружению трупа Кнышева Демьяна Герасимовича от 12 августа 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 840. Л. 5.

⁶ Уголовное дело № 43 об убийстве Гусева Александра Ивановича от 30 декабря 1948 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 944. Л. 9.

⁷ Уголовное дело по убийству Стенковой А.П. от 3 ноября 1944 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 734; Уголовное дело № 1932 по убийству и ограблению Аксененко Елизаветы Егоровны от 22 февраля 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 705; Уголовное дело № 2473 по убийству Михасевой Анны Кузьминичны от 13 июля 1946 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 701; Уголовное дело № 2891 по обнаружению трупа Кнышева Демьяна Герасимовича от 12 августа 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 10. Д. 840; Уголовное дело № 4392 о грабеже и убийстве Евсеевой Пелагеи Васильевны от 22 мая 1947 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 728.

онно. В таких случаях если эксперты в ходе исследования приходили к единому выводу, то результаты экспертизы оформлялись одним из них «по их выбору». Если же разногласия между названными лицами не позволяли сформулировать общее мнение, то каждый из них излагал свои выводы самостоятельно (ст. 172, 173 УПК БССР 1927 г.).

Помимо указанного, советский законодатель называл и другие виды экспертиз, в том числе повторную (ст. 174 УПК БССР 1927 г.), медицинскую и психиатрическую (освидетельствование свидетеля и обвиняемого для суждения об их психическом состоянии – согласно нормативной терминологии) (ст. 63, 196-198 УПК БССР 1927 г.). При этом медицинская экспертиза проводилась в соответствии со ст. 193 УПК БССР в большей части «для осмотра и вскрытия трупов, для освидетельствования потерпевшего и обвиняемого», что говорит об определенном смещении законодателем того времени понятий «осмотр», «освидетельствование» и «экспертиза».

Обсуждение и заключение

Таким образом, заканчивая рассмотрение нормативной регламентации экспертизы согласно УПК РСФСР 1922 г. и последующих УПК РСФСР 1923 и БССР 1927 гг., необходимо указать, что в данных уголовно-процессуальных законах во многом сохранился дореволюционный подход к

сущности и пониманию названного следственного действия, характеризовавшийся определенным смешением (с точки зрения сегодняшнего дня) осмотра, освидетельствования и экспертизы. В связи с этим заслуживает внимания мнение В.Н. Махова, который, в частности, анализируя содержание ст. 64, 192 и 193 УПК РСФСР 1923 г., отмечал, что положения перечисленных норм явились результатом влияния старого уголовно-процессуального законодательства, предусматривавшего осмотра и освидетельствования, производимые сведущими людьми, как начальный этап экспертизы [3, с. 26].

Проведенный в ходе настоящего исследования анализ архивных уголовных дел позволяет утверждать, что, помимо законодателя, безусловное влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и даже Свода законов Российской империи 1832 г. испытала и практика назначения и проведения экспертиз первой половины XX в., имевшая отличия от действовавших на тот момент положений уголовно-процессуального законодательства. Следует даже отметить, что следователи, дознаватели и специалисты «по инерции» в немалой степени руководствовались отмененными дореволюционными нормативными требованиями и практикой их применения, что нашло свое отражение в составленных ими процессуальных документах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шкаплеров Ю.П. Правовая регламентация проведения осмотра при расследовании уголовных дел в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 99–106.
2. Люблинский П.И., Полянский Н.Н. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Москва: Право и жизнь, 1924. 375 с.
3. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография. Москва: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.
4. Орехова Е.П. Становление и развитие судебной экспертизы // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 2. С. 83–90.
5. Стояновский Н.И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург: Тип. Карла Краля, 1852. 311 с.
6. Строгович М.С. Уголовный процесс. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 311 с.
7. Тагунова К. Д. Становление судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь от истоков к современности: историко-правовые аспекты // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2021. № 1. С. 146–151.
8. Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие / под. ред. Г.Н. Александрова, С.Я. Розенблинта. Москва: Госюриздат, 1955. 247 с.
9. Настольная книга следователя / под. общ. ред. Г.Н. Сафонова. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 879 с.
10. Основы судебной медицины: пособие для студентов мед. ин-тов / сост. М. А. Бронникова, проф. А.Д. Гусев, Н. И. Ижевский и др. Под общ. ред. проф. Н. В. Попова. Ленинград; Москва: Наркомздрав СССР. Медгиз, 1938. 592 с.

11. Магазинер М.Я. Памятная судебно-медицинская книжка. Санкт-Петербург: Типография Э. Праца, 1839. 311 с.

REFERENCES

1. Shkaplerov YU.P. Pravovaya reglamentaciya provedeniya osmotra pri rassledovanii ugovolnyh del v Ustave ugovolnogo sudoproizvodstva Rossijskoj imperii // Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 99–106.
2. Lyublinskij P.I., Polyanskij N.N. Uголовно-processual'nyj kodeks RSFSR. Moskva: Pravo i zhizn', 1924. 375 s.
3. Mahov V.N. Ispol'zovanie znanij svedushchih lic pri rassledovanii prestuplenij: monografiya. Moskva: Izd-vo RUDN, 2000. 296 s.
4. Orekhova E.P. Stanovlenie i razvitie sudebnoj ekspertizy // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. 2017. № 2. S. 83–90.
5. Stoyanovskij N.I. Prakticheskoe rukovodstvo k russkomu ugovolnomu sudoproizvodstvu. Sankt-Peterburg: Tip. Karla Kralya, 1852. 311 s.
6. Strogovich M.S. Uголовnyj process. Moskva: YUrid. izd-vo NKYU SSSR, 1941. 311 с.
7. Tagunova K. D. Stanovlenie sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Respublike Belarus' ot istokov k sovremennosti: istoriko-pravovye aspekty // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. 2021. № 1. S. 146–151.
8. Tarasov-Rodionov P.I. Predvaritel'noe sledstvie / pod. red. G.N. Aleksandrova, S.YA. Rozenblinta. Moskva: Gosyurizdat, 1955. 247 s.
9. Nastol'naya kniga sledovatelya / pod. obshch. red. G.N. Safonova. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury, 1949. 879 s.
10. Osnovy sudebnoj mediciny: posobie dlya studentov med. in-tov / sost. M. A. Bronnikova, prof. A.D. Gusev, N. I. Izhevskij i dr. Pod obshch. red. prof. N. V. Popova. Leningrad; Moskva: Narkomzdrav SSSR. Medgiz, 1938. 592 s.
11. Магазинер М.Я. Пам'ятная судебно-медицинська книжка. Санкт-Петербург: Типографія Е. Праца, 1839. 311 с.

Информация об авторе:

Шкаплеров Юрий Павлович, кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, shkaplerov@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Shkaplerov Yury Pavlovich, Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, First Deputy Head of Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus, shkaplerov@yandex.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 11.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5-10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

- введение (Introduction);
- обзор литературы (Literature Review);
- материалы и методы (Materials and Methods);
- результаты исследования (Results);
- обсуждение и заключение (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключение. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов. В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала: <http://www.vestnikkui.ru>.

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются посредством личного кабинета на сайте журнала: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/>

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Заместитель главного редактора С.Н. Миронов

Редакторы Е.В. Зотина, Е.О. Королькова

Дизайн, верстка О.В. Добрыднева

Перевод Е.О. Королькова

Редакционно-издательское отделение

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru); 8 (843) 537-62-13

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Дата выхода в свет 28.12.2023. Цена свободная.

Формат 60x84 1/8 Усл. печ. л. 22 Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Тираж 90 экз.